

ПБ₂₁ 97

ЕПИСКОПЪ АНАСТАСИЙ

БЕСѢДЫ

СЪ СОБСТВЕННЫМЪ СЕРДЦЕМЪ

(РАЗМЫШЛЕНІЯ И ЗАМѢТКИ)

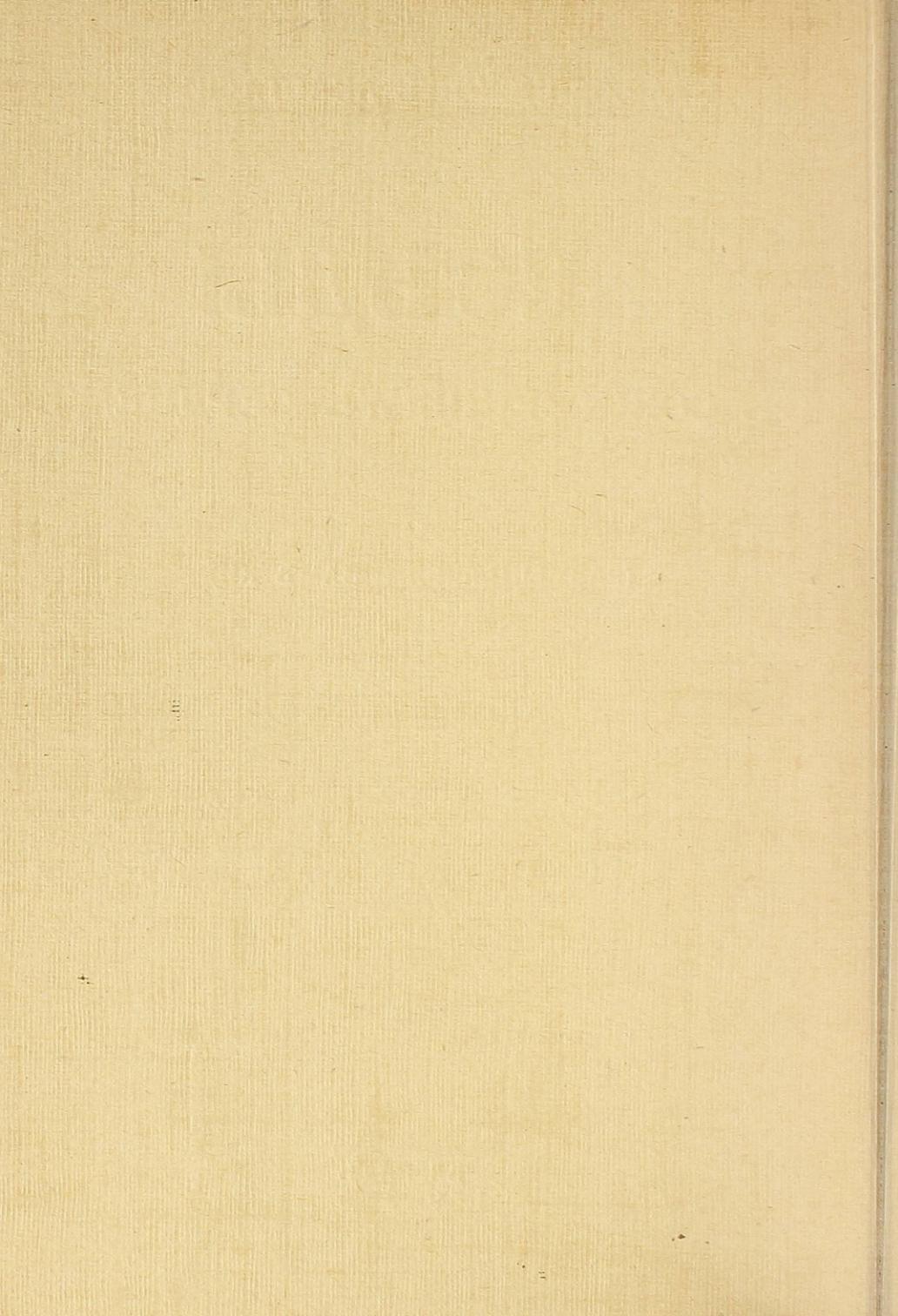
„Размышляю о дняхъ древнихъ
и лѣтахъ вѣковъ минувшихъ; при-
поминаю пѣсни мои въ ночи, бесѣ-
дную съ сердцемъ моимъ и духъ мой
испытываетъ“.

Пс. 76, 6 - 7.

БЪЛГРАДЪ

1 9 3 5

Председателю
Академии Наук

Профессору Аленкоу
Шановичу Бюльду

из книги глубокого
почтения

1887

Географ.

от автора.

[Faint, illegible handwriting, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

АРХІЕПИСКОПЪ АНАСТАСІЙ

БЕСѢДЫ

СЪ СОБСТВЕННЫМЪ СЕРДЦЕМЪ

(РАЗМЫШЛЕНІЯ И ЗАМѢТКИ)

*„Размышляю о дняхъ древнихъ
и лѣтахъ вѣковъ минувшихъ; при-
поминаю пѣсни мои въ ночи, бесѣ-
дную съ сердцемъ моимъ и духъ мой
испытываетъ“.*

Пс. 76, 7.

БЪЛГРАДЪ
1 9 3 5

Всѣ права сохранены за авторомъ.
Tous droits réservés.

Русская Типографія С. Θ. Филонова.
НОВЫЙ САДЪ
Югославія

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Это то, что я думалъ и чувствовалъ, чему научилъ меня жизненный опытъ, что по сродству мыслей и настроеній я усвоилъ отъ другихъ людей и чѣмъ — дерзаю сказать — посѣщалъ меня иногда Духъ въ лучшія минуты моей жизни, эта книга — частица самого меня.

Ея содержаніе не приведено въ систему, дабы она не утратила непосредственности дневника, въ порядкѣ записей котораго она возникла.

Если въ этихъ отрывочныхъ строкахъ найдется хоть малая крупица истины, проповѣдывать и исповѣдывать которую мы обязаны и дѣломъ, и словесы, и писаніи, и если хоть нѣсколько лицъ возрастятъ это сѣмя въ своей душѣ, дополнивъ скудость нашего слова собственною мудростію, то это послужило бы самою цѣнною наградой для насъ и лучшимъ оправданіемъ для появленія въ свѣтъ самой книги. Послѣдняя не имѣетъ другого назначенія, какъ утвержденіе вѣчной Истины, Добра и Красоты и прославленіе Того, Кто сказалъ о Себѣ: „Я есмь Путь, и Истина и Жизнь“.

Иерусалимъ.

1935 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга является результатом многолетних исследований автора в области истории культуры и искусства. Она посвящена истории развития культуры в России в XVIII-XIX вв. Автор рассматривает различные аспекты культуры, включая литературу, искусство, науку и философию. Книга написана в доступном и интересном стиле, что делает ее обязательным чтением для всех, кто интересуется историей культуры России.

В заключение хотелось бы отметить, что данная работа является лишь первым шагом в изучении истории культуры России. Автор надеется, что эта книга послужит основой для дальнейших исследований и дискуссий в этой области.

С. П. Иванов

Институт истории и этнологии им. Шангина
Москва

О божественный даръ слова — даръ повелѣвать, увлекать, вязать и рѣшить!

Въ немъ Творецъ какъ бы уступилъ человѣку часть Своего всемогущества.

Слово есть не только символъ мысли, это — живое откровение нашего духа, воплощеніе разума, плоть и кровь чувства, дыханіе воли.

Въ нѣдрахъ его, какъ въ сѣмени, таится залогъ жизни, и если малое зерно носить въ себѣ силу, способную разрывать скалы, то и живое вдохновенное слово можетъ двигать горами.

Когда послѣднее, подобно раскаленному углю, исходитъ изъ горнила человѣческаго духа, оно захватываетъ и воспламеняетъ тысячи людей, повелѣваетъ даже неразумнымъ животнымъ, вездѣ являя свое неотразимое дѣйствіе. Созданный нѣкогда всемогущимъ Божественнымъ словомъ, міръ до сихъ поръ трепещетъ отъ огненного глагола истины, чувствуя въ немъ отблескъ той же вѣчной творческой силы.

* * *

Когда Апостоль Павелъ говоритъ, что „Царствіе Божіе не въ словеси, а въ силѣ“ (I Кор. 4, 5), этимъ не уничтожается значеніе слова, ибо послѣднее само становится орудіемъ силы, когда вдохновляется свыше и „рождается подлинно изъ пламя и свѣта“. Ни съ чѣмъ не сравнимо слово самого воплощеннаго Слова Христа, Который говорилъ, какъ „власть имѣющій“. Силою многою вѣщали уста пророковъ и апостоловъ, помазанныя свыше. „Вотъ Я вложу въ уста твои слова Мои, какъ огонь, говоритъ Господь Іереміи, и народъ сей будетъ, какъ дрова, которыя онъ пожретъ“ (Іер. 5, 14).

„Духъ дышитъ, идѣже хочетъ“ (Іоан. III, 7).

„Я былъ пастухъ и собиралъ сикоморы“, вѣщаетъ о себѣ пророкъ Амосъ. „Но Господь взялъ меня отъ овецъ и сказалъ мнѣ Господь: „иди пророчествуи къ народу Моему Израилю“ (Амос. 7, 14, 15). И онъ пошелъ — этотъ пастырь безсловеснаго стада, и сталъ глаголомъ жечь сердца людей.

* * *

Подобно тому какъ слово Божіе не „вяжется“, не боится цѣпей, проникаетъ сквозь стѣны темницъ, побѣждаетъ пространство и время, торжествуетъ надъ всякимъ насиліемъ, такъ и слово человѣческое, поскольку оно служитъ отраженіемъ слова Божественнаго, и остается вѣрнымъ своему назначенію, нуждается въ стихіи свободы, обеспечивающей ему нравственную силу. Въ честь такого идеальнаго „свободнаго слова“ воспѣлъ свой гимнъ Константинъ Аксаковъ.

Ты — чудо изъ Божіихъ чудесъ.
Ты — мысли свѣтильникъ и пламя.
Ты — лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты — намъ человѣчества знамя,
Ты — гонишь невѣжества ложь,
Ты — вѣчною жизнію ново,
Ты — къ свѣту, ты — къ правдѣ ведешь,
Свободное слово . . . . .
. . . . .
О духа единственный мечъ —
Свободное слово.

* * *

Мы всѣ знаемъ, что талантъ есть роскошь природы, въ которой вообще преобладаетъ средній уровень. Но что такое талантъ по своему существу? Отвѣтить на этотъ вопросъ такъ же трудно, какъ не легко сказать, что такое электричество. Мы не можемъ опредѣлить его природы, но чувствуемъ присутствіе этой таинственной силы лишь по тѣмъ дѣйствіямъ, какія она оказываетъ

на насъ и окружающій насъ міръ. Талантъ — это сверкающая искра Божія въ человѣкѣ, это — помазаніе свыше, это — огонь и свѣтъ, согрѣвающей и озаряющей нашу душу, это — незримая власть Божіею милостію.

Будучи аристократиченъ по природѣ, талантъ, подобно царственнымъ особамъ, первый заговариваетъ съ нами. Приближаясь къ нему, мы испытываемъ нѣкоторый трепеть, но зато послѣ соприкосновенія съ нимъ въ нашемъ сердцѣ ощущается праздничное настроеніе.

* * *

Таланты, какъ драгоценные камни, цѣнятся не только по своему объему, но и по гранямъ и по игрѣ свѣта, которую даютъ послѣднія.

* * *

Отрѣшиться отъ земныхъ низинъ, полетомъ орла устремиться къ вѣчному лучезарному Солнцу и увлечь за собою другихъ — вотъ высшее наслажденіе, доступное человѣку на землѣ и вмѣстѣ лучшей даръ, какой онъ можетъ принести своимъ ближнимъ.

Сколько бы люди ни привыкли пресмыкаться во прахѣ, они будутъ благодарны всякому, кто оторветъ ихъ отъ дольнаго міра и на своихъ мощныхъ крыльяхъ вознесетъ къ небесамъ. Человѣкъ готовъ отдать все за мгновеніе чистаго духовнаго восторга и благословить имя того, кто сумѣетъ ударить по лучшему струнамъ его сердца. Здѣсь надо искать тайну потрясающаго успѣха, какой имѣла нѣкогда знаменитая рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Геніальный писатель самъ изобразилъ потомъ впечатлѣніе, произведенное имъ на своихъ слушателей въ письмѣ къ своей женѣ. „Я читалъ, пишетъ онъ, громко, съ огнемъ. Все, что я написалъ о Татьянѣ, было принято съ энтузіазмомъ. Когда же я провозгласилъ въ концѣ о всемірномъ единеніи людей, то зала была какъ бы въ истерикѣ. Когда я закончилъ, я не скажу тебѣ про ревъ, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали другъ друга и клялись быть лучшими,

не ненавидѣть впредь другъ друга, а любить. Порядокъ засѣданія нарушился: грандъ-дамы, студенты, государственные секретари все это обнимало, цѣловало меня“. Какъ назвать это настроеніе аудиторіи, вмѣстившей въ себѣ лучшій цвѣтъ всего нашего образованнаго общества, если не состояніемъ духовнаго экстаза, къ которому менѣе всего, казалось, способна наша холодная интеллигенція? Какою силою великій писатель-сердцевѣдъ совершилъ это чудо, заставивъ всѣхъ своихъ слушателей безъ различія возраста и общественнаго положенія почувствовать себя братьями и слиться въ одномъ священномъ высокомъ порывѣ? Онъ достигъ этого, конечно, не красотою формы своей рѣчи, которой скорѣе не доставало обычно Достоевскому, а величіемъ провозглашенной имъ идеи вселенскаго братства, повитой огнемъ высокаго вдохновенія. Это — подлинно пророческое слово возродило сердца людей, заставивъ ихъ познать истинный смыслъ жизни; истина и сбѣлала ихъ хотя на мгновеніе не только свободными, но и счастливыми въ своей свободѣ. Здѣсь умѣстно вспомнить слова Карлейля: „великій человѣкъ съ его свободной силой, исходящей прямо изъ рукъ Божіихъ, есть молнія. Его слово, мудре спасительное слово: въ него могутъ всѣ повѣрить. Все воспламеняется тогда вокругъ этого человѣка, разъ онъ ударяетъ своимъ словомъ, и все пылаетъ огнемъ, подобнымъ его собственному“ („Герои и Героическое въ исторіи“)

* * *

Классическая древность, доведшая краснорѣчіе до высшихъ степеней совершенства, завѣщала намъ слѣдующія три основныхъ правила ораторскаго искусства.

1. Ораторъ долженъ имѣть своей задачей *docere, delectare, movere*, т. е. учить, услаждать, трогать или приводить въ движеніе т. е. одновременно дѣйствовать на всѣ три главныхъ способности человѣческой души — умъ, чувство и волю.

2. *Nemo orator, nisi vir bonus* (Квинтиліанъ), другими словами безнравственный человѣкъ не можетъ стать истиннымъ ораторомъ.

3. Рѣчь оратора должна отличаться такою прозрачною ясностью, чтобы онъ не только могъ быть понятымъ, но чтобы его нельзя было не понять.

* * *

Друзья страждущаго Иова въ теченіе семи дней сидѣли безмолвные у его одра, и ихъ самоуглубленное молчаніе потрясаетъ насъ гораздо болѣе, чѣмъ послѣдующія широковшательныя рѣчи, обильнымъ потокомъ полившіяся изъ ихъ устъ. Наиболѣе трагическія слова обыкновенно произносятся шопотомъ, а когда наше чувство достигаетъ своего высшаго напряженія, оно подавляетъ слово и заставляетъ языкъ прилипать къ гортани. Нѣтъ ничего краснорѣчивѣе смерти, а она всегда облечена въ таинственное безмолвіе.

* * *

Пушкинъ сожалѣлъ о томъ, что къ нашему языку привилась отчасти „европейская жеманность и французская утонченность“.

„Я желалъ бы оставить“, писалъ онъ, „русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность“.

Къ этому можно было бы добавить, что непосредственность библейскаго языка нисколько не мѣшаетъ ему оставаться вездѣ чистымъ и высокимъ.

* * *

Если мы захотимъ переписать раннѣйшее произведеніе своего пера, то мы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ измѣнимъ канву своихъ основныхъ идей, но почти всегда найдемъ здѣсь нѣчто, нуждающееся въ исправленіи въ смыслѣ изложенія и стиля.

Это доказываетъ, что наша мысль никогда не вмѣщается до конца въ приданную ей словесную форму; ей всегда какъ бы тѣсно въ послѣдней, какъ въ прокрустовомъ ложѣ, и наше внутреннее чутье всегда находитъ что то не досказанное въ нашихъ лучшихъ словахъ.

Вотъ почему такъ трудно уложить живую рѣчь въ мертвыя буквы, если мы захотимъ предать ее письмени.

Чѣмъ дальше уходитъ наше внутреннее слово отъ своихъ истоковъ и чѣмъ осязательнѣе выявляется и воплощается вовнѣ, тѣмъ болѣе оно грубѣетъ и матеріализуется, утрачивая извѣстную часть своей духовной энергии, а вмѣстѣ съ ней значительную долю своей яркости и красоты. Наиболѣе художественной рѣчи, когда мы читаемъ ее въ записи, всегда будетъ недоставать плоти и крови, того аромата и игры жизни, какими она прежде всего плѣняетъ людей въ ея устномъ произношеніи. Можно съ буквальною точностью воспроизвести всѣ выраженія оратора, но нѣтъ такого искусства, при помощи котораго мы могли бы записать трепеть его вдохновенія или сфотографировать тѣ духовные незримые, какъ бы электрическіе, токи, какіе вмѣстѣ со звуками его голоса вливаются въ сердца слушателей и оттуда опять возвращаются къ своему первоисточнику, разряжаясь новыми сверкающими искрами его краснорѣчія. Нельзя также съ точностію запечатлѣть всѣ логическія ударенія и музыкальный ритмъ устной рѣчи, служащіе не только украшеніемъ послѣдней, но и придающіе ей полноту и законченность выраженія. Чтобы не испытать разочарованія отъ этого несоотвѣтствія живого слова съ его письменнымъ изложеніемъ, мы предпочитаемъ поразившую насъ рѣчь носить, какъ чудную мелодію, въ своемъ сердцѣ, чѣмъ видѣть ея обездушенный отблескъ въ мертвящихъ буквахъ. Къ счастью для насъ разъ произнесенное въ слухъ міра человѣческое слово никогда уже болѣе не умираетъ, но, какъ кристаллизировавшаяся часть нашего духа, переходитъ въ вѣчность.

* * *

Сколько бы мы ни стремились быть оригинальными, мы часто невольно повторяемъ самихъ себя. Въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго. Наша мысль, какъ лошадь, невольно сбивается на знакомую дорогу. И вся исторія человѣчества движется обыкновенно по протореннымъ тропамъ.

* * *

Теоретическія и практическія способности рѣдко совмѣщаются въ одномъ человѣкѣ. Есть люди мыслящіе, какъ гени, и дѣйствующіе, какъ не разумные младенцы.

* * *

Если картину художника надо разсматривать въ перспективѣ, то и всякое произведеніе нашего творчества можно оцѣнить по достоинству только на разстояніи времени; надо выждать, когда оно отдѣлится отъ нашего непосредственнаго сознанія, съ которымъ какъ бы срастается въ процессѣ своего рожденія, и станетъ для насъ своего рода объектомъ внѣшняго наблюденія.

* * *

Геніальные люди являются обыкновеннымъ фокусомъ, въ которомъ сосредотачивается творческая энергія за цѣлую эпоху; не удивительно поэтому, что они сами обозначаютъ эпоху въ жизни человѣчества.

* * *

Гамлеты не созданы для того, чтобы управлять міромъ, однако они необходимы въ немъ, чтобы служить для людей нравственнымъ зеркаломъ и обличающею совѣстію.

* * *

Насыщенный знаніемъ мудрецъ или ученый имѣетъ въ отношеніи другихъ людей такія же нравственныя обязательства, какъ всякій богачъ въ отношеніи бѣдныхъ. Счастливъ тотъ изъ нихъ, кто можетъ сказать о себѣ вмѣстѣ съ Соломономъ: „безъ хитрости я научился и безъ зависти преподаю, не скрываю ея (мудрости) богатства“ (Прем. VII, 23, 24).

* * *

Душа наша по временамъ бываетъ мертва и бесплодна какъ пустыня; иногда же разгорается такимъ творческимъ огнемъ, что сердце наше трепещетъ отъ полноты охватившихъ насъ мыслей и чувствъ, и нашъ слабый тѣлесный сосудъ едва въ состояніи тогда выдерживать напоръ своего какъ бы кипящаго внутренняго содержанія.

* * *

Самая яркая идея, брошенная въ толщу народной массы, быстро стирается, тускнѣетъ и дѣлается плоской, какъ монета, находящаяся долго въ употребленіи и постоянно переходящая изъ рукъ въ руки.

* * *

Что истина далеко не всегда бываетъ на сторонѣ большинства, это было извѣстно еще съ глубокой древности. „Не слѣдуй за большинствомъ на зло, учить Моисей Израиля, и не рѣшай тяжбы, отступая по большинству отъ правды“ (Исх. XXIII, 2).

* * *

„Когда родился Спаситель міра, волы спокойно жевали сѣно“, сказалъ Гейне. Чтуй да разумѣть! Ибо не безсловеснымъ, конечно, посылаетъ здѣсь свой упрекъ этотъ язвительный писатель.

* * *

Созрѣвшая мысль сама просится на свѣтъ Божій подобно тому, какъ цыпленокъ, находящійся въ яйцѣ, пробиваетъ въ свое время скорлупу послѣдняго.

* * *

Существуетъ общее убѣжденіе, что только бѣдствія приводятъ людей къ Богу, а счастье скорѣе привязываетъ ихъ къ землѣ и заставляетъ забывать о Небѣ.

Бываютъ однако исключенія изъ этого правила. Пировъ пишетъ въ своей автобіографіи, что первые дни его супружеской жизни были полны такого высокаго блаженства, что душа его какъ бы расплавилась и очистилась подъ дыханіемъ послѣдняго, и онъ, страдавшій прежде недугомъ маловѣрія, узрѣлъ Бога въ сіяніи своей чистой семейной радости.

* * *

Въ тотъ мигъ, когда кровоточивая женщина прикоснулась тайно къ одеждѣ Христа Спасителя и получила отъ Него исцѣленіе, Онъ Самъ почувствовалъ исшедшую отъ Него силу. Подобное ощущеніе испытываетъ каждый человѣкъ, который хочетъ перелить свою жизненную энергію въ другое подобное себѣ человѣческое существо.

Чувствуетъ исходящую изъ нея силу мать, въ мукахъ рождающая ребенка. Истаиваетъ сердцемъ всякій, кто сливается душою со страдающимъ ближнимъ и какъ бы весь перевоплощается въ него. Подобную же жертву приноситъ всякій учитель и проповѣдникъ истины, уста котораго дышать палящимъ огнемъ вдохновенія. Въ каждомъ своемъ словѣ онъ даетъ слушателямъ какъ бы сочащуюся кровію часть своего сердца и, зажигая свѣтъ въ другихъ, неминуемо сгораетъ самъ.

* * *

Человѣкъ можетъ казаться и великимъ и ничтожнымъ, смотря потому, откуда его разсматривать, снизу, т. е. по сравненію съ другими земными тварями или сверху — съ высоты абсолютнаго божественнаго совершенства.

* * *

Тотъ, кто старается идти во всемъ въ уровень со своимъ вѣкомъ, умереть вмѣстѣ съ послѣднимъ. Широкая популярность больше льститъ нашему тщеславію, чѣмъ служить залогомъ нашего безсмертія: послѣднее

скорѣе является удѣломъ тѣхъ, кто предупреждаетъ грядущую эпоху и живетъ одинокимъ и не понятымъ среди современниковъ.

* * *

Многіе люди издали кажутся блестящими, ослѣпляя другихъ своими сверкающими дарованіями. Но стоитъ подойти къ нимъ поближе, чтобы убѣдиться, что мы принимали за золото позолоту: здѣсь все на поверхности, подъ которой мы напрасно стали бы искать залежи подлинныхъ духовныхъ цѣнностей.

* * *

О человѣкѣ справедливо можно сказать то же, что о солнцѣ: при своемъ закатѣ онъ лучше виденъ, чѣмъ при своемъ восходѣ.

* * *

Звѣзды первой величины часто неожиданно являются на горизонтѣ исторіи. „Великій человѣкъ не нуждается въ предкахъ“, замѣтилъ одинъ изъ великихъ (Фридрихъ Великій).

Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что онъ не оставляетъ по себѣ и прямыхъ наслѣдниковъ, ибо геній обыкновенно не передается отъ предковъ къ потомкамъ.

Скорѣе можно установить обратный законъ, что духовное богатство, выпавшее на долю того или другого избранника Провидѣнія, расходуется въ одномъ поколѣніи и даже въ своихъ скудныхъ остаткахъ не всегда переходитъ по нисходящей линіи.

Отцы здѣсь помимо своей воли роскошествуютъ за счетъ своихъ дѣтей, оставляя послѣднихъ нерѣдко совершенно обездоленными.

* * *

На своемъ жизненномъ пути намъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ людьми, которые, по французской пословицѣ, „теряютъ по мѣрѣ знакомства“. Постепенно взвѣсивая ихъ, мы находимъ ихъ очень легкими, но зато есть другіе, которыхъ мы какъ бы не замѣчаемъ сначала и открываемъ потомъ, когда углубляемся въ ихъ внутренній міръ.

* * *

Тотъ, кто не умѣетъ полагать храненіе своимъ устамъ, вмѣстѣ съ словомъ незамѣтно расточаетъ и запасъ внутренней духовной энергіи. Ненапрасно одинъ подвижникъ уподобляетъ многорѣчиваго банѣ съ открытыми дверьми, черезъ которыя выходитъ весь паръ наружу. Сдержанность въ словѣ помогаетъ намъ сберечь внутренней жаръ, который въ случаѣ надобности съ силою устремляется наружу, превращая нашу рѣчь въ огненный потокъ.

У Давида „воспламенилось сердце и въ мысляхъ возгорѣлся огонь“ (Пс. 38, 3, 7) тогда, когда онъ рѣшилъ положить печать на уста свои и не говорить даже о добромъ.

Разрѣшившійся послѣ нѣмоты языкъ Захаріи излился въ вдохновенныхъ пророчествахъ.

„Я полонъ рѣчами“, воскликнулъ младшій изъ друзей Іова Еліуй, когда онъ получилъ наконецъ право говорить. „Вотъ утроба моя, какъ вино неоткрытое; оно готово прорваться, подобно мѣхамъ: поговорю и будетъ мнѣ легче“ (Іов. 32, 18, 2). „Поговорю и будетъ мнѣ легче“ — кто не испытывалъ такого состоянія, когда наша душа, подобно тучѣ, насыщенной испареніями, изливается въ потокъ словъ и черезъ то получаетъ облегченіе.

* * *

Нашъ земной кругозоръ такъ ограниченъ, что часто „нельзя сказать, что это, для чего это?“ Но „все въ свое время откроется“, утѣшаетъ насъ премудрый Сирахъ (Сир. 39, 22).

Шиллеръ высказалъ первый, а Толстой повторилъ слѣдующую несомнѣнную истину: „чтобы сдѣлать что нибудь великое, нужно всѣ силы души устремить въ одну точку“.

* * *

Люди готовы свизойти ко всякому положенію, кромѣ смѣшного; они почти никогда не прощаютъ послѣдняго, и горе тому, кто хоть разъ въ жизни очутился въ подобномъ состояніи.

* * *

Нашъ умъ по справедливости слѣдуетъ назвать рабомъ лѣнливимъ и лукавымъ вмѣстѣ. Съ одной стороны онъ рѣдко даетъ себѣ трудъ продумать серьезную мысль до конца, стремясь по возможности сократить свою работу и скорѣе принести ее къ опредѣленнымъ, хотя бы и неправильнымъ заключеніямъ; съ другой стороны онъ легко продаетъ свое первородство нашимъ страстямъ и скрытымъ желаніямъ, какъ бы подкупленный ими. Не напрасно древніе говорили: *non persuadere poleutem*, не убѣждай не желающаго, въ то же время желаніе справедливо называется отцомъ мысли. Когда нашъ умъ жертвуетъ своимъ царственнымъ самодержавіемъ въ пользу чувства и воли, онъ теряетъ такъ же много, какъ если во ослѣпленіи гордыни присваиваетъ себѣ непогрѣшимость даже въ заповѣданныхъ для него областяхъ. Подобно тому, какъ есть развращенныя сердца, такъ можетъ быть и развращенное мышленіе съ помянутымъ внутреннимъ свѣтильникомъ. Какъ ни странно это явленіе, но есть родъ людей, которые сознательно хотятъ быть обманутыми; это происходитъ оттого, что истина всегда обязываетъ, и они боятся взглянуть ей въ лицо: въ основѣ лжи нерѣдко лежитъ малодушіе и трусость. Вообще для плодотворной умственной работы всегда необходимъ нравственный подвигъ, и только чистыя сердца зрятъ ликъ Вѣчной Истины.

* * *

Каждому человѣку данъ свой опредѣленный духовный діапазонъ, который мы не можемъ расширить по своей волѣ. Нельзя поэтому ни отъ кого требовать больше, чѣмъ онъ можетъ вмѣстить по самой своей природѣ, и не слѣдуетъ напрасно искать у него тѣхъ струнъ, которыя не звучать въ его сердцѣ.

* * *

Пламенный духъ постепенно сжигаетъ свой тѣлесный сосудъ, подобно тому, какъ мечъ изнашиваетъ свои ножны.

* * *

„Для чистыхъ все чисто, а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены ихъ умъ и совѣсть“ (Тит. 1, 15).

Есть люди, которыхъ можно сравнить съ искривленнымъ зеркаломъ: въ ихъ сознаниіи весь міръ отражается въ искаженномъ видѣ.

* * *

Характеръ подлиннаго краснорѣчія не опредѣляется только легкостью и внѣшнимъ изяществомъ языка. Самыя изысканныя фразы, если онѣ звучать внутренней пустотой, скоро утомляютъ насъ, какъ звуки барабана. Зато рѣчь, напоенная здоровою серьезною мыслью и окрашенная чувствомъ, приковываетъ наше вниманіе даже тогда, когда она движется впередъ съ видимымъ усиленіемъ и чужда филигранной внѣшней отдѣлки. Совершенство слова достигается однако только черезъ полное соотвѣтствіе содержанія и формы, сливающихся въ такой монолитъ, что ихъ уже невозможно разъединить между собою. Малѣйшее нарушеніе такой гармоніи ослабляетъ силу и достоинство рѣчи. Изъ того, что „подстриженный стиль, по изреченію Толстого, засушиваетъ мысль“, не слѣдуетъ, что послѣдняя должна являться сырымъ необдѣланнымъ матеріаломъ, заключеннымъ въ случайную словесную оболочку. Мастерство

классическаго стиля всегда выражалось въ его чистотѣ и изящной законченности. Какъ хорошо прилаженная одежда, слово должно граціозно облегать мысль, не стѣсняя свободы и гибкости движенія послѣдней. Въ то же время оно должно напоминать собою золотую чеканную монету, имѣющую не только свой блескъ, и четко очерченную форму, но и опредѣленный вѣсъ, который прежде всего даетъ ей соответствующую цѣнность.

* * *

Какъ солнце отражается въ малой каплѣ воды, такъ иногда весь человѣкъ сказывается въ одномъ выраженіи и даже въ одномъ словѣ.

* * *

„Языкъ не большой членъ, но много дѣлаетъ... Всякое естество звѣрей, пресмыкающихся и морскихъ, укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ. А языкъ укротить никто изъ людей не можетъ: это неудержимое зло“ (Іак. 3, 5; 7, 8).

Нужны были апостольскія уста, чтобы изобразить съ такою силою вредъ, причиняемый человѣческимъ языкомъ, если мы теряемъ надъ нимъ свою власть. Величайшее благо тогда превращается въ величайшее и неудержимое зло, которое само стремится властвовать надъ нами.

Всѣ эпохи упадка, особенно сумерки классической греко-римской культуры запечатлѣны одновременно опустошеніемъ человѣческой души и гипертрофіей слова, которое изъ средства обращается тогда въ самоцѣль.

Ораторъ въ такое время становится профессионаломъ своего искусства и не только его, но даже пророка тогда слушаютъ, какъ „пѣвца съ пріятнымъ голосомъ, хорошо играющимъ“, слушаютъ, но не исполняютъ его словъ, какъ говоритъ пророкъ Іезикииль (Іез. 31, 32).

Въ угоду нравственно разлагающемуся обществу въ это время развивается недостойная игра словомъ — не

та невинная игра словъ, которая служитъ украшеніемъ изящной рѣчи, но преступная игра самими понятіями, обозначаемаыми словами, подразумѣвая однихъ изъ нихъ другими и всякаго рода софистическая изворотливость мысли, при помощи которой высмѣивается истина и добродѣтель и оправдывается ложь и порокъ: все это вмѣстѣ создаетъ умственный и нравственный хаосъ, погружающій общество въ безысходный мракъ. Такое обращеніе со святыней слова нельзя назвать иначе, какъ кощунствомъ и духовнымъ развратомъ, ядъ котораго старается привить своему наивному ученику Мефистофель — этотъ отецъ лжи и истинный родоначальникъ софистики.

Вотъ характерный и по своему поучительный диалогъ между тѣмъ и другимъ, который мы читаемъ въ „Фаустѣ“.

Мефистофель

И вообще во всемъ держись слова.

Дорога торная тогда для насъ готова

Къ познанію твердому всего.

Ученикъ

Но вѣдь понятія въ словахъ должны же быть?

Мефистофель

Прекрасно, но надъ тѣмъ не надо такъ крушиться,

Какъ скоро недочетъ того случится,

Ихъ можно словомъ замѣнить,

Словами диспуты ведутся,

Изъ словъ системы создаются,

Словамъ должны мы довѣрять,

Въ словахъ нельзя и юты измѣнять.

Извѣтѣмъ словесъ можетъ похвалиться и наше смутное время, породившее столько профессиональныхъ говоруновъ и софистовъ. Чѣмъ менѣе способны сдѣлать что нибудь серьезное эти люди, тѣмъ болѣе они потрясаютъ воздухъ надутымъ пустословіемъ, упиваясь прежде всего сами собственнымъ краснорѣчіемъ. Что такое теперь слово, какъ не „звукъ пустой“, подобно бумажнымъ денежнымъ знакамъ, въ избыткѣ пущеннымъ въ обращеніе; слова потеряли нынѣ прежнюю цѣну, не имѣя за собою обезпечивающаго золотого фонда, т. е.

реального содержанія и волевой силы. Въ разлитіи „словесъ потопныхъ“ потонула наша великая Русь, и изъ пѣняшагося моря безудержаннаго суесловія показалась голова дракона. Такою дорогою цѣною заплатили мы за увлеченіе пустоцвѣтомъ слова и однако всѣ духовные водители и знаменосцы нашихъ дней снова находятъ въ потугахъ рожденія, чтобы изречь міру какое то новое невѣдомое чудодѣйственное слово. Напрасный трудъ! они не дадутъ намъ ничего другого, кромѣ новаго доказательства того, какъ „ничтожно и не ново человѣческое слово“.

Довольно суетныхъ рѣчей! Мы пресыщены ими, онѣ способны вселить въ насъ отвращеніе къ самому благороднѣйшему изъ человѣческихъ дарованій. Намъ нужны нынѣ не ораторы, а вдохновенные пророки, подвижники долга и творцы новой жизни.

* * *

Мы менѣе ошибались бы въ людяхъ, если бы считывали всегда скорѣе на средняго и даже слабого человѣка, чѣмъ на героевъ духа, число которыхъ такъ ограничено на землѣ. Идеализировать людей особенно свойственно юности. Привыкшая измѣрять всѣхъ мѣрою своихъ собственныхъ возвышенныхъ стремленій, она нерѣдко должна платиться за это горькими разочарованіями.

* * *

Одинъ извѣстный мастеръ слова настолько ревниво относился къ появленію каждаго новаго выдающагося по красотѣ или остроумію изреченія, что съ грустью говорилъ въ подобныхъ случаяхъ: „Сожалѣю, что не я сказалъ это“.

Великія идеи, впитанныя въ плоть и кровь человѣчества, входятъ въ будничній обиходъ нашей жизни и черезъ то утрачиваютъ свою первоначальную оригинальность и блескъ. Это не должно однако умалять ни ихъ подлинной цѣны, ни заслугъ тѣхъ лицъ, кто первые провозгласили великую мысль и о комъ мы всегда

должны вспоминать съ чувствомъ почтительной благодарности.

* * *

„Для лѣниваго лавры не растутъ“, сказалъ Фридрихъ Великій. Было бы глубокой ошибкой думать, что замѣчательныя научныя открытія и лучшія завоеванія философскаго или художественнаго генія достигаются безъ всякихъ усилій воли, однимъ порывомъ вдохновенія. Эдиссонъ навсегда опровергъ этотъ предразсудокъ откровеннымъ признаніемъ, что въ его великихъ открытіяхъ 99% пота и только 1% изобрѣтательности. Бюффонъ не менѣе рѣшительно заявилъ, что „половина генія — работа“. Пушкинъ подтвердилъ эту истину самымъ дѣломъ, испещривъ рукописи своихъ произведеній многочисленными поправками и передѣлками. Ни какой талантъ не свободенъ отъ трудовой повинности, установленной для человѣка еще въ раю. Всякое дарованіе есть только возможность или зерно, которое слѣдуетъ поливать потомъ и слезами, а иногда даже кровію, чтобы оно принесло достойный плодъ.

* * *

Геніальный Листъ справедливо замѣтилъ, что учить можно только полуталантъ, геній же учится самъ. Это не значитъ однако, что послѣдній ни въ чемъ не зависитъ отъ своихъ предшественниковъ и отъ окружающей его среды, изъ которой онъ духовно питается, какъ растеніе изъ почвы. Если бы геніальнаго человѣка съ дѣтства отдѣлить отъ міра и предоставить самому себѣ, то его воображеніе не создало бы ничего больше младенческихъ фантазій, и онъ напрасно истощался бы въ попыткахъ создать что либо великое; только одинъ Богъ творить изъ ничего.

* * *

„Я написалъ бы тебѣ короче, если бы имѣлъ больше времени“. Въ этихъ парадоксальныхъ словахъ Воль-

тера заключается значительная доля правды. Многословіе почти всегда есть признак поспѣшности изложенія или непродуманности предмета. Надо иногда употребить много усилій, чтобы сжать свою мысль, дабы она, подобно питательному экстракту, давала многое въ маломъ.

* * *

Во время волненія наша душа, подобно морю, выбрасываетъ на поверхность то, что обыкновенно таится на днѣ нашего сердца.

* * *

Есть мысль яркая, какъ лѣтнее солнце, полнолѣсная, какъ зрѣлый колось, четко очерченная могучимъ рѣзцомъ со всѣхъ сторонъ, какъ бы выкованная изъ жельза и стали, и есть мысль тусклая, какъ осенній день, расплывчатая, рыхлая и безцвѣтная, какъ тѣсто, нѣчто въ родѣ сумерекъ или густого тумана, въ которомъ нѣтъ ни опредѣленной формы, ни ясности, ни блеска, ни силы, ни красоты.

* * *

Бываетъ не только „горе отъ ума“, но и умъ отъ горя, если только послѣднее не подавляетъ насъ совершенно своею тяжестью.

* * *

Ясное и спокойное состояніе духа обыкновенно служитъ наиболѣе плодотворной почвой для творческой работы, но иногда насъ посѣщаетъ откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Изъ мрачныхъ тучъ, закрывающихъ нашъ душевный горизонтъ, начинаютъ блистать яркія молніи, озаряющія широкія дали.

Мысль, прорываясь сквозь стоящую предъ ней преграду, развиваетъ двойную энергію и, подобно горному потоку, неудержимо стремится впередъ. Потрясенная до глубины душа, какъ хорошо перепаханное поле, изно-

силь изъ себя свѣжіе питательные соки, способствующіе зарожденію и оформленію новыхъ идей.

* * *

„Доколѣ невѣжды будутъ любить невѣжество? Доколѣ буйные будутъ услаждаться буйствомъ? Доколѣ глупцы будутъ ненавидѣть знаніе?“ (Прит. 1, 2).

Эти вопросы могли изойти только изъ устъ премудраго; для самихъ невѣждъ и глупцовъ они не существуютъ, какъ не существуетъ свѣтъ для слѣпого; главное несчастье такихъ людей состоитъ въ томъ, что они не сознаютъ своего духовнаго убожества и не хотятъ купить очищеннаго золота, чтобы обогатиться.

* * *

Убивать въ себѣ одну страсть, выдвигая противъ нея другую, значитъ то же, что вмѣсто однѣхъ ядовитыхъ бактерій плодитъ въ себѣ другія, быть можетъ еще болѣе убійственныя для нашего организма.

* * *

Отъ соприкосновенія съ великою мыслию или высокимъ настроеніемъ по закону душевной детонаціи, у насъ сейчасъ же рождается рядъ отраженныхъ собственныхъ мыслей или высокихъ чувствъ и желаній. Ради одного этого мы должны стремиться входить въ живое общеніе съ великими учителями и духовными вождями человѣчества и углубляться въ изученіе ихъ жизни и твореній, служащихъ для насъ отображеніемъ ихъ великаго духа.

* * *

Будучи соединены тѣсною дружбою между собою, Св. Василій Великій и Григорій Богословъ во время своего обученія въ Аѳинахъ избѣгали появляться въ обществѣ другихъ товарищей, зная, что „легче заразиться чужой болѣзнию, чѣмъ передать свое здоровье“.

* * *

Толстой свидѣтельствуеъ о себѣ, что онъ передѣлывалъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній до тѣхъ поръ, пока наконецъ не начиналъ ихъ портить. Отсюда видно, что есть предѣлъ до котораго можно „перевертывать стиль“. Перейдя его, писатель утрачиваетъ остроту внутренняго чувства, помогающаго ему установить мѣру болѣе или менѣе совершеннаго въ своей литературной работѣ. Очевидно здѣсь сказывается дѣйствіе общаго психологическаго закона, по которому привычка къ знакомымъ предметамъ притупляетъ нашу воспріимчивость и интересъ къ нимъ и даже порождаетъ временно нѣкоторую душевную апатію.

* * *

„Говори главное, многое въ немногихъ словахъ“, совѣтуетъ Сирахъ юношѣ.

„Будь какъ знающій и умѣющій молчать“ (Сир. 32, 9, 10). Это правило слѣдовало бы помнить не только юному возрасту, которому непосредственно оно обращено здѣсь. Далеко не всѣ и зрѣлые люди умѣютъ хранить мѣру слова, чтобы сказать всегда не больше и не меньше, чѣмъ сколько нужно для данной цѣли. „Не умѣя говорить, они не умѣютъ и молчать“, по древней римской пословицѣ. Наибольшую бережливость рѣчи соблюдали тѣ, кто сами въ изобиліи обладали этимъ драгоценнымъ даромъ. Таковъ былъ на примѣръ митрополитъ Филаретъ — эта дивная сокровищница ума и слова, воспитавшій цѣлый рядъ поколѣній въ сознаніи высокой отвѣтственности учительства. „Не говори много“, внушалъ онъ своимъ слушателямъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, „хотя бы ты могъ говорить все хорошее. Ни въ какомъ случаѣ не расточай безразсудно слова, словесная тварь, Слова творческаго“. „Какъ часто я жалѣлъ о сказанномъ и никогда объ умолченномъ“, сказалъ однажды Арсеній Великій.

* * *

Древній мудрець, внимательно наблюдавшій судьбы человека на землѣ, оставилъ намъ въ числѣ другихъ слѣдующій жизненный урокъ: „предъ паденіемъ возносятся сердце человека, а смиреніе предшествуетъ славѣ“ (Прит. 18, 13).

* * *

Есть слово внѣшнее, исходящее только изъ устъ: это мѣдъ звенящая и кимвалъ звяцаѣй; оно не овладѣетъ нашей душой, хотя бы падало каскадами и производило шумъ и брызги, подобно водопаду. И есть слово внутреннее, рождающееся изъ глубины нашего существа, составляющее дыханіе нашего творческаго духа и носящее на себѣ его огненную печать: это слова — „силы“, какъ выразительно назвалъ ихъ однажды о. Флоренскій: они потрясаютъ человѣческія сердца и движутъ міромъ. Мефистофель въ „Фаустѣ“ вѣрно опредѣлилъ существенное различіе между тѣми и другими:

„Повѣрь дружокъ,

говорить онъ будущему священнику,

Сердца къ сердцу

Рѣчь ни чья не привлечетъ,

Когда не изъ души, изъ устъ она течетъ“.

Уста говорятъ съ силою только отъ избытка сердца, но такъ какъ послѣднее можетъ таить въ себѣ и добро и зло, то и слово, насыщенное душевною энергіею, можетъ нести въ себѣ сѣмя того и другого. Подлинно „смерть и жизнь — во власти языка“ (Прит. 18, 22.).

Неизмѣрима бездна, отдѣляющая духоносныя слова Апостоловъ, великихъ учителей и подвижниковъ Церкви отъ гнилыхъ и часто хульныхъ рѣчей коммунистовъ, износящихъ ихъ изъ своего развращеннаго сердца. Вредъ, причиняемый ихъ пропагандою не поддается никакому описанію. Ихъ рѣчь „облечена смертію“ (Сир. 23, 14), и распространяется, какъ ракъ. „Языкъ ихъ — огонь, прикраса неправды... онъ исполненъ смертоноснаго яда“ (Іак. 14, 6, 8)

Вмѣстѣ съ волнами радіо ихъ гнусныя, отравлен-

ныя ложью и злобою слова распространяются по всему міру, входятъ въ сочетаніе съ другими подобными словами и понятіями и, внѣдряясь въ общественное сознаніе, проникая въ плоть и кровь человѣчества, долго еще будутъ питать послѣднее своими вредоносными соками Грѣхи слова не подлежатъ закону давности, и потому сочинитель, злоупотребляющій этимъ высокімъ даромъ, подлежитъ большей отвѣтственности, чѣмъ разбойникъ, какъ учить насъ объ этомъ всѣмъ извѣстная басня.

* * *

Послѣ напряженной работы нашъ умъ по энерціи долго еще остается въ движеніи, напоминая собою продолжающееся волненіе моря послѣ уже утихшей бури или автоматическаго вращенія колеса, съ котораго снять приводной ремень.

* * *

Есть тиранія любви и тиранія привычки; одна изъ нихъ не уступаетъ по силѣ другой, и обѣ одинаково связываютъ нашу свободу.

* * *

Нужно имѣть крѣпкій и подлинно высокій духъ, чтобы безболѣзненно вынести бремя почести, власти и славы; слабыя души не выдерживаютъ такого испытанія и падаютъ подъ его тяжестью.

* * *

Человѣкъ не всегда бываетъ равенъ самому себѣ; иногда онъ поднимается выше, а чаще ниспадаетъ ниже своего нормальнаго уровня.

* * *

Бѣлинскій довольно точно опредѣлилъ „многообъемливость“ Пушкина, когда сказалъ: „самое простое

ощущение звучить у него всеми струнами своими и потому чуждо монотонности: это всегда полный аккорд". Пушкин сам сознавал себя „всечеловѣком“ и справедливо сравнивал себя съ „эхомъ“, отражающимъ себѣ всякій звукъ въ мѣрѣ. Послѣднее находитъ потомъ обратное отраженіе въ душѣ читателя, опознающаго себя въ твореніяхъ великаго гениа. „Это мои собственныя гаданія и мысли, съ изумленіемъ мы говоримъ себѣ въ этомъ случаѣ; поэтъ выразилъ то, что я самъ думалъ, я хотѣлъ бы сказать то же самое“.

* * *

Самымъ опаснымъ приемомъ рѣчи надо считать тотъ, когда не человекъ управляетъ своимъ словомъ, а оно управляетъ имъ, когда слова бѣгутъ впереди мысли, не сообразуясь съ нитью послѣдней. Подобный темпераментъ краснорѣчія можетъ увлечь говорящаго дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ и привести его въ позорный тупикъ, откуда нѣтъ выхода.

* * *

Подобно тому какъ искусный музыкантъ можетъ извлекать изъ своего инструмента самыя разнообразныя звуки, опытный ораторъ обладаетъ способностью ударять по всемъ струнамъ человѣческаго сердца. О немъ можно сказать то же, что написано о первомъ:

„Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
Они текутъ: они горятъ“.

Онъ можетъ гремѣть, какъ громъ, потрясать, какъ буря, опалять, какъ молнія или, подобно обоюдоострому мечу, проникать до мозга костей въ самую глубину человѣческаго сердца, раздирая послѣднее на части. По временамъ его рѣчь журчитъ тихо и успокоительно, какъ весенній ручей, услаждаетъ, подобно свирѣли; иногда возбуждаетъ страстный восторгъ, вызываетъ недоумѣніе, смущеніе и даже ужасъ, и это только для того, чтобы послѣдующія его слова упали цѣлительнымъ бальзамомъ на смятенную душу слушателя. Заключительные аккорды

рѣчи оратора построены обыкновенно въ свѣтлыхъ бодрящихъ тонахъ и только въ особыхъ случаяхъ, когда надо потрясти сердце слушателя, послѣдняя оканчивается трагическимъ обрывомъ, сквозь который однако просвѣчиваетъ лучъ солнца. Неопредѣленные ноты и неразрѣшенные диссонансы столь же неумѣстны въ концѣ хорошаго ораторскаго слова, какъ въ заключеніи художественнаго музыкальнаго произведенія.

* * *

У слова есть своя этика: послѣдняя требуетъ, чтобы оно было чистымъ, честнымъ и цѣломудреннымъ. Тамъ, гдѣ не соблюдается это правило, гдѣ языкъ является игрушкою страстей или случайныхъ настроеній, гдѣ его покунаютъ или продаютъ или просто легкомысленно забавляютъ рѣчью, тамъ начинается прелюбодѣйство слова, т. е. измѣна его своему прямому и высокому назначенію. Не напрасно англичане въ „молитву за Націю“ внесли слѣдующее прошеніе: „отъ лжи языка и пера (from lies of tongue and pen), отъ легкомысленныхъ рѣчей избави насъ, милосердый Господи“.

* * *

Въ каждомъ человѣкѣ Творецъ положилъ запасъ потенциальныхъ силъ, проявляющихся обыкновенно только въ наиболѣе рѣшительные и отвѣтственные моменты нашей жизни. Только этимъ можно объяснить, почему средній, повидимому ничѣмъ не замѣтный, человѣкъ внезапно вырастаетъ въ истиннаго героя, исполненнаго величія, въ минуту опасности или при выполненіи неожиданно выпавшей на его долю высокой миссіи.

* * *

Высокія истины и подлинная красота всегда представляются намъ простыми и ясными, какъ солнечный лучъ. Но эта простота только кажущаяся; пропустите лучъ солнца черезъ призму и вы увидите, что въ немъ гармонически слились семь цвѣтовъ солнечнаго спектра,

остающихся въ отдѣльности неуловимыми для нашего глаза.

Если классическій стиль плѣняетъ насъ чистотою и красотою своихъ линий, то это происходитъ оттого, что тамъ вездѣ выдержана строгая пропорціональность частей, основанная на точномъ математическомъ расчетѣ. Простая истина потому приходитъ обыкновенно послѣдней, что является результатомъ долгой предшествующей работы мысли.

* * *

Говорятъ, что ораторы не рождаются а дѣлаются. Это утвержденіе нуждается въ существенной поправкѣ. Всѣмъ извѣстно, что существуетъ особый прирожденный даръ слова, но онъ требуетъ тщательной обработки и постояннаго упражненія для своего развитія. Когда Демосфень былъ уже въ расцвѣтѣ своей славы, враги говорили о немъ, что отъ его рѣчей „пахнетъ ночной лампой“. Такъ старательно онъ отдѣлывалъ ихъ и только благодаря этому, онъ ярко блещетъ доселѣ, оставаясь непревзойденными по своей силѣ и благоухающей красотѣ.

* * *

Геніальность не рѣдко пытаются сблизить со святостію, какъ „два такихъ явленія“, которыя, по словамъ одного мыслителя, „выходятъ за предѣлы каноническихъ нормъ культуры“. Родство между ними основано на томъ, что геній обыкновенно окрыляется вдохновеніемъ, которое еще Платонъ называлъ „божественнымъ“: это есть подлинно дыханіе Божества въ человѣкѣ, которое раздаетъ свои дары каждому, гдѣ и насколько хочетъ. Древніе языческіе философы, поэты и художники, начиная съ Сократа и Фидія, живо чувствовали въ себѣ присутствіе какой то иной высшей силы, озарявшей ихъ въ минуты творчества. Ненапрасно послѣдній въ благоговѣйномъ умиленіи палъ ницъ предъ однимъ изъ лучшихъ своихъ созданій. То же ощущеніе было присуще и другимъ высокоодареннымъ людямъ новаго времени.

„Геній наивенъ“, говоритъ Шиллеръ, „потому, что мысли его божественны“. Подобную же идею развиваетъ и Гете въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Эккерману. „Геній есть даръ благодати“, пишетъ Габріэль Сеайль, „его трудъ подобенъ услышанной молитвѣ“. Но никто, быть можетъ, не переживалъ такъ глубоко прикосновеніе небеснаго огня къ своей душѣ, какъ Пушкинъ. Онъ всегда явственно отличалъ себя отъ своей музыки, сближая служеніе поэта съ пророческимъ призваніемъ и называя его „божественнымъ посланникомъ“. Благотворительный трепетъ, какой переживалъ нашъ великій поэтъ въ минуты вдохновенія, невольно передается его читателямъ, и въ этомъ быть можетъ состоитъ наиболѣе яркая печать его истинной геніальности.

* * *

Чтобы умъ казался блестящимъ, острее его всегда должно быть отравлено ядомъ скепсиса или язвительнаго критицизма. Этого требуетъ испорченный вкусъ общества, особенно современнаго. Положительные умы, какъ бы ни были велики ихъ достоинства, всегда кажутся людямъ чѣмъ то тусклымъ и прянымъ, хотя черезъ нихъ совершается вся духовно-созидательная культура міра.

* * *

Бываетъ шумъ безъ славы, но не бываетъ славы безъ шума; послѣдній способенъ утомлять людей, если они живутъ среди непрерывныхъ праздниковъ, не смѣняющихся буднями.

„Я усталъ отъ славы“, сказалъ недавно одинъ изъ ея избранниковъ, и его слова конечно были искренни. Каждое сильное удовольствіе какъ бы подавляетъ нашу душу и отчасти наше сознаніе въ моментъ наиболѣе остраго его переживанія: оно напоминаетъ намъ пріятный, но напряженный сонъ или состояніе легкаго опьяненія, отъ котораго невольно кружится голова. Гораздо сознательнѣе мы переживаемъ его въ воспоминаніи, освободившись отъ непосредственной власти захваты-

вающаго насъ чувства, названнаго еще у Пушкина „сладкимъ недугомъ“.

* * *

Нація, этотъ коллективный организмъ, такъ же склонна обоготворять себя, какъ и отдѣльный человекъ. Безуміе гордости здѣсь возрастаетъ въ такой же прогрессіи, въ какой всякая страсть разгорается въ общественной средѣ, преломляясь въ тысячахъ и милліонахъ душъ.

* * *

„Все великое совершается въ порывѣ любви или въ религіозномъ углубленіи“, сказалъ Муссолини. Но въ сущности эти два момента всегда совпадаютъ одинъ съ другимъ. Истинная любовь въ такой же степени питается отъ религіи, въ какой послѣдняя нераздѣльна съ любовію.

* * *

Шопенгауэръ удивляется, почему даже „тривіальныя мысли въ ритмѣ и рифмѣ приобрѣтаютъ оттѣнокъ какой то значительности“, и объясняетъ это тѣмъ, что музыка стиховъ сама по себѣ ласкаетъ наше ухо; когда же къ этому прибавляется мысль, она кажется намъ неожиданнымъ подаркомъ, „какъ слова въ музыкѣ“. Это объясненіе слѣдуетъ признать однако болѣе остроумнымъ, чѣмъ основательнымъ. На самомъ дѣлѣ здѣсь надо видѣть дѣйствія того же закона, по которому в якая картина выигрываетъ въ своемъ впечатлѣніи есл и она вставлена въ соотвѣтствующую ей раму. Человекъ вездѣ ищетъ откровенія цѣлостнаго тріедиаго идеала — истины, добра и красоты и устремляетъ свое особенное вниманіе туда, гдѣ истинное сочетается съ прекраснымъ.

Если же имѣть въ виду поэзію вообще, то здѣсь музыка органически сочетается съ мыслью, какъ это хорошо выяснилъ Карлейль. Послѣдній не нашелъ для поэзіи лучшаго опредѣленія, какъ назвавъ ее „музы-

кальною мыслію“. „Музыкальная мысль — это мысль, высказанная умомъ, проникающимъ въ самую суть вещей, вскрывающимъ самую затаенную тайну ихъ, именно — мелодію, которая лежитъ сокрытая въ нихъ; улавливающимъ внутреннюю гармонію единства, что составляетъ душу всего сущаго...“

Поэтъ — тотъ, кто думаетъ „музыкальнымъ образомъ“. „Проникайте въ вещи достаточно глубоко, и предъ вами откроются музыкальныя сочетанія; сердце природы окажется во всѣхъ отношеніяхъ музыкальнымъ, если только вы сумѣете добраться до него“ („Герои и героическое въ исторіи“).

* * *

Замѣчательно, что мы всѣ жалуемся на тяготу жизненнаго бремени. Однако чѣмъ дольше мы живемъ на землѣ, тѣмъ болѣе растаемъ, подобно дереву, въ нее своими корнями. Въ зрѣломъ и даже старческомъ возрастѣ человѣкъ гораздо труднѣе обыкновенно разстается съ землею юдолюю, чѣмъ въ юности; въ эту весну своей жизни, когда послѣдняя пѣнится и льется черезъ край, какъ молодое вино, онъ подобно легкокрылой птицѣ ежеминутно готовъ отрясти прахъ отъ ногъ своихъ, вспорхнуть и улетѣть. Тогда нашей душѣ наиболѣе со звучны слова поэта:

„И долго на свѣтѣ томилась она
Желаній чудныхъ полна.
И звуки небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“.

* * *

Теоретическое религиозное отрицаніе нерѣдко служить только оправданіемъ практическаго равнодушія къ вѣрѣ и исходитъ часто изъ желанія усыпить свою совѣсть, казнящую человѣка за его по очную жизнь. Такъ называемый *libre penseur* стремится сохранить себѣ вовсе не независимость мысли, которая легко можетъ уживаться съ вѣрою, какъ мы это видимъ на примѣрѣ

многихъ выдающихся ученыхъ и мыслителей, а только свободу слѣдовать велѣніямъ своего сердца и воли и освободить себя отъ тѣхъ нравственныхъ обязательствъ и ограниченій, какія неизбѣжно налагаетъ на насъ религія. Паскаль имѣлъ основаніе заподозрить честность и искренность тѣхъ людей, которые стараются не думать о Богѣ и назначеніи человѣка и не хотятъ добросовѣстно изслѣдовать то, что легкомысленно отрицаютъ. „Ничто такъ не доказываетъ, пишетъ онъ, крайней слабости ума, какъ незнаніе того, какое несчастье быть человѣкомъ безъ Бога; ничто столь не служитъ признакомъ трусости, какъ бравоированіе предъ Богомъ“ („Мысли“, перев. Первова, стр. 37).

* * *

„Я хотѣлъ бы вѣрить, говорятъ нѣкоторые, но не могу“. — „Нѣтъ, ты можешь, но не хочешь“, слѣдуетъ отвѣтить имъ. Источникъ этого сокровища прежде всего въ твоёмъ собственномъ сердцѣ. Выслушай свидѣтельство твоей собственной совѣсти, внимай голосу, который исходитъ отъ твоего безсмертнаго духа, ищи вѣры, и ты обрѣдешь ее; Богъ самъ откроетъ предъ тобою закрытую дверь, если ты будешь настойчиво стучаться въ нее. Онъ знаетъ немощь нашей природы, и требуетъ отъ насъ вѣры по крайней мѣрѣ съ „зерно горчичное“. „Если сколько нибудь можешь вѣровать“, сказалъ Христосъ Спаситель несчастному отцу бѣсноватаго отрока у подножія Фавора, „все возможно вѣрующему“.

„Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію“, былъ отвѣтъ или лучше сказать растворенная слезами мольба отца, и этого было достаточно: чудо совершилось (Мрк. 9, 23, 24). Тѣми же словами долженъ молиться каждый человѣкъ въ минуты духовнаго искушенія, ибо у всѣхъ бывають приливы и отливы вѣры, какъ сказалъ одинъ выдающийся архипастырь - богословъ. Когда вѣра поднимаетъ насъ на своихъ могучихъ волнахъ, нашъ духъ какъ бы расширяется, чувствуетъ непоколебимую внутреннюю устойчивость и ощущаетъ въ себѣ силу, дѣйствительно-способную двигать горами. Нельзя безъ духовнаго восторга читать величественное повѣствованіе

апостола о тѣхъ дивныхъ мужахъ Вѣхаго Завѣта, которые „вѣрою побѣждали царства, творили правду, заграждали уста лвамъ, были крѣпки во бранѣхъ“ (Евр. II, 31, 34). Безъ вѣры нѣтъ героевъ духа, какъ нѣтъ и истиннаго творчества. Человѣкъ „безъ догмата“, котораго такъ ярко изобразилъ Сенкевичъ, всегда производить на насъ жалкое впечатлѣніе. Это — трость вѣтромъ колеблемая — духовный паралитикъ, неспособный сдвинуться съ мѣста, хотя бы онъ обладалъ геніальными способностями. Сомнѣвающаяся подлинно „подобенъ морской волнѣ, вѣтромъ поднимаемой и развѣваемой. Человѣкъ съ двоящимися мыслями нетвердъ во всѣхъ путяхъ своихъ“ (Іак. I, 6, 8).

* * *

Однажды я вошелъ въ тюремную камеру, гдѣ сидѣли два человѣка, осужденные на смертную казнь. Съ нѣкоторымъ страхомъ я переступилъ порогъ этой роковой комнаты, казавшейся мнѣ зіяющей могилой. Я боялся не найти для этихъ несчастныхъ достаточныхъ словъ утѣшенія и ободренія. Каково же было мое изумленіе, когда я засталъ ихъ безпечно кипятящими чай на керосиновой лампѣ; они считали повидимому, что нѣсколько дней, отдѣлявшихъ ихъ отъ казни, еще слишкомъ достаточный срокъ для того, чтобы они могли не думать о смерти и наслаждаться жизнію. Таковъ человѣкъ: онъ всегда ходитъ по краю бездны, ежеминутно можетъ низринуться въ нее, и однако, подобно неразумнымъ дѣтямъ, продолжаетъ легкомысленно срывать цвѣты, висящіе надъ нею. „Между нами и адомъ или небомъ, говоритъ Паскаль, перегородкой служитъ только жизнь, а это самая ломкая въ мірѣ вещь. Мы беззаботно стремимся въ пропасть, поставивши что-нибудь предъ собой, чтобы помѣшать себѣ ее видѣть“ („Мысли“, 38, 39).

* * *

Никто не хочетъ уйти изъ этого міра, не оставивъ послѣ себя какого либо слѣда; каждый стремится передать что либо въ наслѣдство грядущимъ вѣкамъ и со-

здать себѣ рукотворный или нерукотворный памятникъ на землѣ. Мысль о томъ, что идея, вложенная въ то или другое наше твореніе, переживетъ насъ, что ею будетъ жить и вдохновляться рядъ послѣдующихъ поколѣній, что она сроднитъ съ нами невѣдомыхъ намъ людей, которые благословятъ наше имя, всегда была обаятельна для человѣка. Къ этому естественному чувству, въ которомъ несомнѣнно сказывается жажда безсмертія, присоединяется однако нерѣдко скрытый духъ тщеславія, слѣдующій всюду за нами по пятамъ, какъ тѣнь. Уже самый смыслъ этого слова указываетъ на суетность или тщету погони за славой. Однако такое чувство служить едва ли не главной пружиной, движущей творческую энергію человѣчества.

Сколько людей истощаются въ разнообразныхъ усиліяхъ для того, чтобы хоть на мгновеніе блеснуть, какъ метеоръ на горизонтѣ, привлеки къ себѣ общее вниманіе. Иные готовы отдать самую жизнь за мигъ скоропреходящей славы. Литературное тщеславіе является едва ли однимъ не изъ самыхъ опасныхъ и заразныхъ въ ряду другихъ ощущеній подобнаго рода. Кто не мечтаетъ втайнѣ о томъ, чтобы властвовать надъ умами или могучею рукой ударять по струнамъ чужого сердца. Даже державные повелители народовъ часто не чужды этой обще-человѣческой слабости: многіе изъ нихъ, не довольствуясь ролью меценатовъ и тѣми естественными отличіями, какія даетъ имъ высокое положеніе, хотѣли бы обвить свои сверкающіе вѣнцы скромными поэтическими, литературными или артистическими лаврами.

Толстой говоритъ о своемъ старшемъ братѣ, что онъ не уступалъ ему самому по силѣ литературнаго таланта, но не сдѣлался великимъ писателемъ только потому, что не имѣлъ для этого, по словамъ Тургенева, обычныхъ недостатковъ писателей и главнаго изъ нихъ тщеславія. вмѣстѣ съ тѣмъ съ присущею ему откровенностію Толстой признается, что лично онъ никогда не могъ оставаться равнодушнымъ къ своей славѣ и къ общественной оцѣнкѣ его произведеній.

Съ такой же покоряющей силой искренности пишетъ о соблазнѣ тщеславія Паскаль. „Тщеславіе, гово-

рить онъ, столь вкоренилось въ сердце чловѣка, что солдатъ, денщикъ, поваръ, носильщикъ тщеславятся собою и хотятъ имѣть поклонниковъ; даже философы желаютъ того же. Тѣ, которые пишутъ противъ этого, желаютъ прославиться тѣмъ, что хорошо написали; тѣ, которые читаютъ сочиненія, желаютъ похвастаться, что они прочитали; и я, написавши это, можетъ быть тоже имѣю подобное желаніе; будутъ пожалуй имѣть его и тѣ, которые прочитали его“ (Паскаль „Мысли“, стр. 52).

Замѣчательно, что люди способны гордиться всѣмъ, не только славою, но и безславіемъ, не только красотою, но и безобразіемъ, не только добродѣтелью, но и пороками и, наконецъ, самымъ смиреніемъ, которое по существу своему есть отрицаніе гордыни и побѣда надъ нею. Непреложно отеческое слово: „какъ ни брось сей трезубецъ, все онъ встанетъ вверхъ остриемъ“ (Іоаннъ Лѣствичникъ).

* * *

Есть особый родъ людей, которые кажутся уже съ дѣтства существами не отъ міра сего. Они слишкомъ свѣтлы и чисты, чтобы долго задерживаться на землѣ и смѣшиваться съ прахомъ. Они проходятъ по ней, какъ нѣкое видѣніе, едва касаясь ея своими ногами и въ раннемъ возрастѣ уже отлетаютъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ „раскаяніе“, т. е. общее сожалѣніе.

Объ нихъ говоритъ премудрый Соломонъ, что Богъ восхищаетъ ихъ преждевременно изъ этого міра, дабы „злоба не измѣнила разумъ ихъ или коварство не прельстило души ихъ; достигнувъ совершенства въ короткое время, они исполнили долгія лѣта“ (Прем. Сол. IV, 11-13).

* * *

„Не цѣпи дѣлають раба, но сознаніе, что онъ рабъ“, говоритъ Гегель. Если такъ, то и въ цѣпяхъ можно чувствовать и сознавать себя свободнымъ.

* * *

Намъ нерѣдко приходится встрѣчать умъ, сверкающій какимъ то стальнымъ холоднымъ блескомъ. Онъ свѣтитъ, но не грѣетъ, будучи подобенъ зимнему солнцу. Не удивительно, что онъ гораздо больше отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ нашу душу, которая ищетъ въ подобныхъ случаяхъ тепла и свѣта вмѣстѣ.

* * *

„Много трудовъ предназначено каждому человѣку и тяжело иго сыновъ Адама со дня исхода ихъ до дня возвращенія къ матери всѣхъ. Мысль объ ожидаемомъ и день смерти производитъ въ нихъ размышленія и страхъ сердца. Отъ сидяшаго на престолѣ и до поверженнаго на землѣ и во прахѣ, отъ носящаго порфиру и вѣнецъ и до одѣтаго въ рубище, у всякаго досада и ревность и смущеніе, и безпокойство, и страхъ смерти, и негодованіе, и распри, и во время успокоенія на ложѣ ночной сонъ разстраиваетъ его умъ“ (Сир. 41, 4).

Таковъ плачевный жребій всѣхъ смертныхъ, живущихъ на землѣ, по изображенію Сираха. И несмотря на это они судорожной рукою держатся за ускользящую отъ нихъ нить жизни, желая продлить ее хоть на нѣсколько мгновеній.

* * *

„Лучше встрѣтить человѣку медвѣдицу, лишенную дѣтей, нежели глупца съ его глупостью“ (Притч. 17, 2). Глупецъ можетъ быть опаснѣе разъяренной медвѣдицы, очевидно только потому, что мы не можемъ предвидѣть, когда и съ какой стороны онъ нанесетъ намъ ударъ.

* * *

„Partir c'est mourir un peu“, говорятъ французы (уѣхать значить умереть отчасти). Мы переживаемъ это чувство всякій разъ, какъ покидаемъ родныя мѣста или близкихъ намъ людей. Грусть неизбѣжно обвѣваетъ всякую разлуку, особенно, если она должна продлиться на многіе годы или навсегда.

* * *

Замѣчательно, что въ маленькихъ странахъ почти никогда не рождаются великіе писатели. Послѣднимъ какъ бы недостаетъ здѣсь воздуха и широты горизонта; для воспитанія ихъ нужна всеобъемлющая общечеловѣческая культурная атмосфера, отъ которой обыкновенно далеки бываютъ мелкія народности съ ихъ узкимъ націонализмомъ и провинціальною культурой.

* * *

Существо власти есть воля. Властвовать, какъ показываетъ самый корень этого слова въ разныхъ языкахъ (лат. potestas, француз. puissance, англ. power, а также нѣмецкое König (король) — значитъ мочь. Слабая власть (которая въ то же время справедливо иногда называется и самой жестокой, ибо она требуетъ послѣ себя множество лишнихъ жертвъ), легко выпадаетъ изъ рукъ ея носителей, и тогда ее подхватываютъ другія, болѣе крѣпкія, хотя быть можетъ и менѣе благородныя руки разнаго рода временщиковъ и узурпаторовъ. Общество охотнѣе пойдетъ за фанатикомъ или рѣшительнымъ авантюристомъ, чѣмъ за великодушнымъ мечтателемъ, неумѣющимъ претворить слово въ дѣло. Философы, которымъ Платонъ хотѣлъ ввѣрить управленіе своимъ идеальнымъ государствомъ, были бы вѣроятно очень жалки въ этомъ положеніи и неминуемо привели бы государственнй корабль къ крушенію. Твердая и въ то же время просвѣщенная, разумная и сознающая свою отвѣтственность власть должна быть предметомъ желаній для каждой страны, но такое счастье рѣдко выпадаетъ на долю народовъ и государствъ.

* * *

„Сужденіе и осужденіе близки“ (Іов. 36, 17). Начавши съ одного, мы незамѣтно впадаемъ въ другое.

* * *

Многіе историческіе дѣатели переживаютъ расцвѣтъ своей славы въ то время, когда „геній и счастье еще молодые и дѣвственные несутъ ихъ впередъ какъ бы на двухъ легкихъ крыльяхъ“, не помрачая чистоты ихъ сердца. Но стоитъ имъ осознать свой успѣхъ, чтобы звѣзда ихъ начала склоняться къ закату.

* * *

Христіанство принесло съ собою новый самодовлѣющій духовный міропорядокъ, утверждающійся на собственномъ основаніи. Евангельская закваска, обновившая человѣчество, не должна была смѣшиваться съ „ветхимъ квасомъ“, т. е. съ духомъ вѣка сего, глубоко входящимъ въ толщу личной и общественной жизни людей и дѣлающимся для нихъ какъ бы второй природой. Царство Христово съ перваго дня своего открытія на землѣ противопоставило себя міру, какъ отдѣльному отъ него и даже враждебному ему началу жизни; вся наука христіанскаго нравственнаго совершенства состоитъ изъ ряда антиномій, вытекающихъ изъ этого противоположенія. Надо смириться, чтобы подняться на высоту; быть немощнымъ, чтобы сдѣлаться сильнымъ; обратиться въ юрода, т. е. безумнаго, чтобы овладѣть истинной мудростью; отвергнуться всего, чтобы все приобрѣсти, погубить свою жизнь, чтобы обрѣсти ее снова, умереть, чтобы воскреснуть и жить вѣчно. Здѣсь явно противопоставляется два разныхъ порядка бытія, два взаимно исключаютельныхъ друга друга принципа жизни, между которыми не только не можетъ быть заключено постояннаго союза, но даже временнаго перемирія. Одинъ долженъ упраздниться, чтобы на его развалинахъ обособился другой. Попытка перекинуть между ними мостъ всегда приводила только къ обмірщенію христіанства и къ приниженію его высокаго идеала.

* * *

Человѣкъ можетъ говорить одинаково увѣренно на нѣсколькихъ языкахъ, но своимъ для него будетъ только тотъ изъ нихъ, на которомъ онъ мыслить.

* * *

„Вы какъ бы не Меня оставили, а васъ самихъ“ (III Езд. 1, 21) говоритъ Господь Своему невѣрному мятежному сыну Израилю. Отступая отъ Бога, Который есть для насъ Источникъ свѣта и радости, въ Которомъ сама личность наша получаетъ свое высшее утвержденіе, мы дѣйствительно измѣняемъ сами себѣ, отрекаемся отъ собственнаго блага, убиваемъ свои лучшія стремленія, хоронимъ самыя свѣтлыя надежды и утрачиваемъ подлинный смыслъ и главную опору своей жизни.

* * *

„Не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ на пути“ (Лук. 24, 32)

Сердце человѣка всегда горитъ, когда съ нимъ бесѣдуетъ Истина. Кто не испыталъ этого чувства, тотъ не знаетъ подлиннаго голоса послѣдней.

* * *

Въ основѣ душевныхъ болѣзней нерѣдко лежатъ скрытыя гноящіяся раны больной совѣсти, требующей нравственнаго врачеванія. Лучшіе психіатры, какъ на примѣръ Шарко, нерѣдко старались углубляться въ эту сокровенную подпочву духовной жизни, когда хотѣли опредѣлить первопричину умственнаго расстройства человѣка.

* * *

Замѣчательно, что въ дѣтствѣ и юности мы хотѣли бы быть или по крайней мѣрѣ казаться старше своихъ лѣтъ, а во вторую половину жизни начинаемъ вздыхать о невозвратно ушедшей молодости. Такимъ образомъ мы желали бы соединить преимущество того и другого возраста, дополняющихъ другъ друга по извѣстному французскому изреченію: „О, если бы старость (все) могла. О, если бы юность (все) знала“.

Богъ однако устроилъ такъ, чтобы одно поколѣніе

нуждалось въ другомъ для болѣе тѣснаго внутренняго объединенія людей между собою; бодрая, но часто близорукая юность несетъ на своихъ плечахъ утомленную, но дальновидную старость, указывающую ей вѣрный путь жизни; тамъ, гдѣ этотъ союзъ между старшими и младшими поколѣнiami разрывается, легко открывается путь къ общественной катастрофѣ.

* * *

Извѣстная русская пословица, гласящая, что „утро вечера мудренѣе“ — взята конечно изъ сокровищницы многолѣтняго человѣческаго опыта.

Но она вполнѣ оправдывается и данными психологической науки. Утромъ послѣ обновленія сномъ нашей нервной системы въ насъ особенно ярко горитъ свѣточъ сознанія, работа котораго не прекращалась однако и во время нашего ночного отдыха, подготавливая рѣшеніе того или другого волнующаго насъ вопроса. Въ утреннюю пору онъ одинъ становится въ центрѣ нашего вниманія, незаслоненный другими впечатлѣнiami и на него направляется вся энергія нашего ума. Результатомъ этого и служитъ то, что предметъ, казавшійся намъ смутнымъ и неяснымъ наканунѣ, сразу проясняется при свѣтѣ дня. Извѣстно много случаевъ, когда рѣшеніе тѣхъ или другихъ математическихъ задачъ и даже важныя научныя открытія дѣлались во время сна.

* * *

„Англія рассчитываетъ, что каждый исполнитъ свой долгъ“, — въ этомъ боевомъ сигналѣ, данномъ Нельсономъ, наканунѣ Трафальгарскаго боя, сказался характеръ англійскаго народа. Если прибавить сюда свойственный ему консерватизмъ, и т. наз. *common sense* т. е. здравый смыслъ, не оставляющій англичанъ даже въ минуты крайняго возбужденія, то станетъ понятнымъ источникъ особой жизненности и устойчивости этой націи.

* * *

Одинъ король просилъ своего капеллана доказать ему истинность христіанства въ кратчайшихъ словахъ потому, что онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно свободнаго времени. „Евреи, Ваше Величество“, былъ отвѣтъ капеллана.

* * *

Съ шумомъ несутся впередъ только мелководные потоки. Глубокія же воды текутъ спокойно. Отраженіе этого естественнаго порядка природы мы наблюдаемъ часто и въ психологіи людей.

* * *

Содержаніе творчества великихъ писателей исчерпывается часто лишь нѣсколькими оригинальными идеями; остальное въ ихъ произведеніяхъ есть только раскрытіе и обоснованіе, а иногда и просто повтореніе этихъ основныхъ мотивовъ ихъ творческой мысли. Замкнувшись въ опредѣленномъ кругѣ излюбленныхъ идей, они уже какъ бы не въ состояніи выйти изъ него; здѣсь лучше всего сказывается ограниченность человѣческой природы, которая не можетъ превзойти сама себя даже въ наиболѣе яркихъ и блестящихъ своихъ проявленіяхъ.

* * *

„*Aimer c'est comprendre*“, любить значить понять, сказалъ Викторъ Гюго, любовь помогаетъ намъ воплощаться въ дорогой для насъ предметъ, чтобы, слившись съ нимъ, мы могли изучать его, такъ сказать, изнутри, т. е. изъ самого его существа.

* * *

„Слушайте безжалостные и жестокиѣ“, говоритъ Златоустъ, „вы жестоки не для другихъ, а для самихъ себя“. „Когда ты питаешь злобу, то питаешь ее къ самому себѣ, а не къ другому“. — Развѣ не таково состояніе духовъ злобы, всегда коснѣющихъ во враждѣ и

ненависти къ добру и всѣхъ, кто только подражаетъ имъ, питаясь ядомъ собственнаго отравленнаго злобою сердца. Когда послѣдняя овладѣваетъ нашей душою, мы ясно ощущаемъ демоническую природу этого чувства. Какъ отравленная игла, оно постепенно вонзается въ нашу душу, разжигая ее губительнымъ пламенемъ. Мы чувствуемъ, какъ сгораемъ въ этомъ огнѣ сами, однако продолжаемъ беречь свои раны, находя въ этомъ своеобразное духовное сладострастіе.

* * *

Одна свѣтская дама въ бесѣдѣ съ Митрополитомъ Филаретомъ задала ему слѣдующій искусительный вопросъ: „Скажите, Владыко, почему Христосъ по воскресеніи Своемъ явился прежде всего женщинѣ (т. е. Маріи Магдалинѣ)?“ — Митрополитъ, по своему обычаю, нѣсколько помолчалъ и потомъ отвѣтилъ: „Надо думать, что Онъ хотѣлъ такимъ образомъ скорѣе распространить вѣсть о Своемъ воскресеніи“. Содержаніе отвѣта не исчерпываетъ конечно существа вопроса, но онъ соотвѣтствовалъ характеру послѣдняго, и искусительница невольно смолкла въ смущеніи, получивъ должный урокъ отъ знаменитаго святителя.

* * *

Тотъ, кто хочетъ справедливо относиться къ людямъ, долженъ оцѣнивать ихъ не столько по отрицательнымъ, сколько по положительнымъ качествамъ, т. е. не по тому, чего недостаетъ имъ, а по тому, что они имѣютъ, хотя бы иногда и въ незначительной степени.

* * *

Величайшіе умы человѣчества бесѣдуютъ обыкновенно съ нами какъ равные съ равными, тогда какъ священные писатели Библии стоятъ всегда на недостигаемой высотѣ, будучи отдѣлены отъ насъ такимъ разстояніемъ, котораго никогда не можетъ перейти естественный разумъ человѣка.

* * *

Два чувства овладѣвають нами на грани каждаго новаго года: съ одной стороны сожалѣніе объ оторвавшейся части нашей земной жизни, возвратить которую назадъ мы уже не можемъ, съ другой, — живое ощущеніе непрерывности времени, когда мы видимъ, что одинъ годъ сейчасъ же непосредственно смыкается съ другимъ, и когда насъ невольчо поражаетъ величественное дыханіе вѣчности, какъ бытія безконечнаго.

* * *

„Если истина въ началѣ угнетена, то впоследствии признають ее и сами гонители“. Не проходитъ дня, чтобы это исповѣданіе Великаго Страдальца за истину Св. Аѳанасія Великаго не находило себѣ новаго подтвержденія. Вся исторія Церкви есть постоянное торжество гонимой истины. На каждой страницѣ ея написаны безсмертныя слова Зарававеля: „Истина пребываетъ и возмощаетъ во вѣкъ“ (2 Ездра, 4, 38).

* * *

Подъ однообразную мелодію няни смыкаются глаза ребенка. Такъ монотонный ритмъ жизни постепенно убаюкиваетъ человѣка, и онъ засыпаетъ, стремясь къ покою.

* * *

Если принять во вниманіе, что около трети жизни человѣкъ проводитъ въ физическомъ снѣ, а большая часть его бодрственнаго состоянія изо дня въ день проходитъ автоматически, въ привычныхъ почти механическихъ дѣйствіяхъ, то сколько же времени онъ живетъ на землѣ вполне сознательной жизнью?

* * *

Почему состояніе сомнѣнія столь тягостно для насъ? Потому, что это есть не просто болѣзнь, а какъ бы разложеніе души, раздирающей на части. Оно убиваетъ нормальную духовную жизнь, погружаетъ насъ во мракъ и доводитъ до отчаянія. Человѣкъ можетъ вынести самое тяжкое горе, всевозможныя лишенія и обиды, но не муку внутреннего раздвоенія, — эту междоусобную брань, въ которой нашъ духъ борется самъ съ собою, и подобно скорпіону, вонзаетъ въ себя самого свое отравленное жало. Истощенный столь тяжкимъ искушеніемъ, которое не только подвижники, но и поэты приписывали вліянію демоническихъ силъ, страдалецъ готовъ призвать къ себѣ преждевременную смерть, чтобы найти успокоеніе въ ея холодныхъ объятіяхъ. Вопросъ „быть или не быть“, стоявшій во всей своей остротѣ передъ Гамлетомъ, вырастаетъ чаще всего изъ души, разѣденной ядомъ сомнѣнія.

* * *

Нѣкоторыя стихотворенія въ прозѣ Тургенева, вышедшія уже изъ подъ его старческаго слабѣющаго пера, являются подлинной исповѣдью его сердца. Подобно увядающимъ деревьямъ осени, они дышатъ меланхоліей и грустью — спутниками угасающей жизни. Тургеневъ не имѣлъ мужества Толстого, чтобы смотрѣть прямо въ лицо надвигающейся смерти. Пѣвецъ и служитель плоти по преимуществу, онъ хотѣлъ какъ бы укрыться отъ ея грознаго образа въ мечтахъ о тѣхъ свѣжихъ благоухающихъ розахъ, какими усыпанъ былъ путь его прежней безпечной и роскошной жизни.

* * *

Что главный источникъ силы дѣйственности нашей рѣчи заключается прежде всего въ силѣ ея внутренней убѣжденности, это можно доказать многими примѣрами. Простые люди нерѣдко плачутъ, слушая проповѣдника, котораго не понимаютъ, будучи тронуты только искренностью тона его рѣчи и высокимъ подъемомъ религіознаго чувства. Призывая нѣкогда идти всѣхъ на освобо-

ждение Гроба Господня, Петръ Амiенскiй потрясалъ сердца тысячъ людей, для которыхъ былъ совершенно чуждъ и непонятенъ его языкъ. Очевидно наша рѣчь способна плѣнять иногда людей непосредственнымъ краснорѣчiемъ чувства, будучи въ этомъ случаѣ подобна музыкѣ безъ словъ.

* * *

Зло по своей сущности настолько отвратительно для насъ, что оно не смѣетъ приблизиться къ намъ въ своемъ собственномъ обличii, безъ всякаго прикрытiя. Сатана нерѣдко принимаетъ поэтому образъ „ангела свѣтла“. Всѣ искушенiя основаны на поддѣлкахъ, на обманѣ нашихъ внѣшнихъ или внутреннихъ чувствъ. Всякiй соблазнъ стремится къ тому, чтобы подмѣнить истину — подкрашеннымъ заблужденiемъ, подлинный свѣтъ — блуждающими огнями, порокъ и страсть представить, если не подъ видомъ добродѣтели, то по крайней мѣрѣ въ ореолѣ свободы и съ привкусомъ временной сладости грѣха.

* * *

Всѣ люди живутъ и питаются надеждой, которая есть „богъ грядущихъ дней“ по слову поэта. Она одна часто озаряетъ мрачные дни нашей жизни. Больной надеется выздороветь, старость — помолодеть и окрѣпнуть, бѣднякъ — освободиться отъ гнетущихъ тисковъ нужды. Каждый утомленный странникъ этого мiра говоритъ себѣ: „подожди немного — отдохнешь и ты“. Горе тому, въ чьемъ сердцѣ погасъ этотъ свѣтильникъ. Отчаянiе равносильно духовной смерти. Адъ будетъ ужасенъ именно своею безнадежностью.

* * *

Наша душа, разсѣянная смѣняющимися впечатлѣнiями въ теченiе дня, собирается внутрь себя съ наступленiемъ ночи. Поэтому ночные часы считаются наиболѣе благоприятнымъ временемъ для молитвы, для сосре-

доточенной умственной работы и для всякаго духовнаго дѣланія, вообще. Къ сожалѣнію, однако, ночь способствуетъ не только дѣламъ свѣта, но и покрываетъ своимъ мрачнымъ покровомъ дѣла тьмы, которыя, подобно нѣкоторымъ хищникамъ и пресмыкающимся, боятся показаться наружу при свѣтѣ солнца.

* * *

Гораздо легче высокому росту человѣку склониться къ маленькому, чѣмъ подняться до него послѣднему. Люди великодушные никогда не забываютъ этого простаго и благороднаго правила въ отношеніи тѣхъ, кто ниже ихъ по своему положенію.

* * *

Кантъ сдѣлалъ вѣрное наблюденіе, что у „человѣка есть не только тоска по родинѣ, но и другая болѣзнь — тоска по чужбинѣ“. Гдѣ бы послѣдній ни находился, ему вездѣ тѣсно и всегда чего то недостаетъ.

„Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли, сказалъ Чеховъ устами одного изъ своихъ героев. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку... Человѣку нужны не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа“ („Крыжовникъ“).

Но можно было бы распространить эту мысль еще далѣе и сказать, что душа наша шире самой вселенной и нигдѣ не находитъ себѣ покоя.

* * *

Замѣчательно, что человѣкъ груститъ среди радости, въ скорбяхъ мечтаетъ о дняхъ утѣшенія, но когда послѣднее приходитъ къ нему, онъ не хочетъ довольствоваться имъ и жаждетъ новыхъ неиспытанныхъ наслажденій. Всегда недовольный настоящимъ, онъ умѣетъ цѣнить счастье только въ мечтахъ или въ воспоминаніяхъ о прошломъ.

„И сиротливо, сиротливо
Ты странствуешь изъ вѣка въ вѣкъ
Неусмиранный, горделивый
И безпріютный человекъ“ (Блокъ).

* * *

Хотя лучшимъ и часто наиболѣе строгимъ судьей своихъ произведеній обыкновенно служить самъ авторъ, однако, онъ не смѣетъ положиться только на собственный приговоръ и ждетъ признанія отъ общества. Очевидно и для него нужна своего рода рецепція, т. е. сборное пріятіе его идей, сообщающее имъ печать истинности.

* * *

— „Я сплю, а сердце мое не спитъ“ (Пѣсн. Пѣсн. V, 2).

Бываетъ такой тонкій сонъ, когда душа преодолеваетъ косность тѣла и какъ бы отдѣляясь временно отъ него, приобретаетъ особенную ясность зрѣнія. Митрополитъ Филаретъ называлъ это состояніе „соннобдѣніемъ“.

* * *

Грѣхъ, царствующій въ мірѣ, отравляетъ для насъ самые источники радости, примѣшивая къ ней извѣстную горечь. Поэтому радость нерѣдко „умираетъ еще до своего рожденія“, какъ замѣтилъ Шекспиръ.

* * *

Въ раю не было никакого средостѣнія между Богомъ и человекомъ. Сердце послѣдняго свободно и радостно обращалось къ Творцу, какъ растеніе къ солнцу. Каждое движеніе, каждое слово, каждая мысль первыхъ людей была хвалебнымъ гимномъ, обращеннымъ къ Престолу Всевышняго. Такъ душа ребенка, исполненная чистоты и невинности, всегда звучитъ святой гармоніей

предь Богомъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ не нужно ни по-ста, ни подвига для того, чтобы возгрѣвать въ себѣ религиозное чувство. Молитва дитяти льется такъ же непринужденно и естественно, какъ его просьба, обращенная къ отцу и матери, какъ пѣснь жаворонка, купающагося въ лучахъ лѣтняго солнца, какъ благоуханіе утренняго цвѣтка, виміамомъ стремящагося къ небесамъ.

* * *

Неудовлетворенность собою, толкающая насъ впередъ и ведущая къ совершенству, приноситъ намъ гораздо больше пользы, чѣмъ тупое самодовольство, служащее всегда символомъ духовнаго застоя. Джонъ Стюартъ Милль выразилъ это въ нѣсколько грубыхъ, но вѣрныхъ по существу словахъ: „Лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольною свиньею“

* * *

Тѣмъ дѣятелямъ, кто подвергается незаслуженнымъ нападкамъ и клеветамъ со стороны завистниковъ и другихъ недоброжелателей, нелишне напомнить въ утѣшеніе японскую пословицу: „Камни летятъ въ дерево, на которомъ есть плоды“.

* * *

Лютеръ, боровшійся противъ единоличнаго авторитета папы, не высоко чтилъ и общественную стихію, называя ее „господинъ omnes, не имѣющій разума“.

* * *

„Это больше, чѣмъ преступленіе, это — ошибка“, сказалъ однажды Талейранъ, котораго французская революція превратила изъ епископа въ свѣтскаго дипломата. Здѣсь конечно отразился до извѣстной степени аморальный образъ мыслей этого человѣка, для котораго было хорошо все, что ведетъ къ данной цѣли. Однако, если принять во вниманіе, что онъ имѣлъ въ виду

людей высокаго общественнаго положенія, ошибки которыхъ являются историческими и часто неискупимымъ грѣхомъ предъ цѣлымъ народомъ, а иногда и предъ всѣмъ міромъ, то, быть можетъ въ его крылатомъ выраженіи слѣдуетъ признать извѣстную долю истины.

* * *

Къ древу познанія добра и зла нельзя прикасаться безнаказанно. Отъ запрещеннаго плода всегда остается горькій привкусъ, отъ котораго мы не можемъ освободиться часто на всю послѣдующую жизнь. Глаза наши послѣ этого дѣйствительно открываются, но только для того, чтобы увидѣть свою духовную наготу и сознать свое паденіе.

* * *

Притча (parimio), въ буквальномъ переводѣ съ греческаго значитъ „придорожная“. Въ древности на перекресткахъ дорогъ нерѣдко писались подобныя поучительныя изреченія въ назиданіе проходящимъ. Надо пожалѣть, что этотъ добрый обычай утраченъ въ настоящее время вмѣстѣ со многими другими, что завѣщала намъ мудрая патріархальная старина. Современная кричащая реклама идетъ тѣмъ же путемъ психическаго внушенія, но, конечно, стремится совсѣмъ къ инымъ цѣлямъ.

* * *

Многіе смѣются, когда имъ напоминаютъ такъ называемыя „прописныя истины“, но послѣднія отъ того и стали таковыми, что онѣ должны служить вѣчнымъ урокомъ для человѣчества во всѣхъ его возрастахъ.

* * *

„Въ этомъ удивительное свойство всякаго истиннаго таланта“, говоритъ Толстой въ своемъ замѣчательномъ предисловіи къ сочиненіямъ Мопасана, „что онъ

только подъ вліяніемъ ложной теоріи насилуетъ себя, что талантъ учить обладателя его, ведетъ его впередъ, по пути нравственнаго развитія, заставляетъ его любить то, что достойно любви и ненавидѣть то, что достойно ненависти... Носитель таланта — человѣкъ — можетъ ошибаться, но талантъ, если ему только будетъ данъ ходъ, откроетъ обладателю предметъ и заставитъ полюбить его, если онъ достоинъ любви и возненавидѣть его, если онъ достоинъ ненависти“. Истина этихъ словъ не была бы для насъ столь очевидной, если бы Толстой не подтвердилъ ее собственнымъ примѣромъ. Данный ему свыше талантъ былъ лучшимъ его руководителемъ въ его творческой работѣ и всегда выводилъ его на истинный путь, открывая ему подлинную художественную или жизненную правду, если только онъ самъ „давалъ ходъ“ своему таланту. Къ сожалѣнію, ослѣпленный ложными предвзятыми идеями, Толстой нерѣдко насилывалъ свое дарованіе, и тогда его мысль сбивалась съ правильной дороги и заводила его въ тупикъ, изъ котораго онъ не могъ выбраться при всѣхъ усиліяхъ своего недюжиннаго ума.

* * *

То, что непосредственно выливается изъ подъ пера писателя, подъ вліяніемъ внутренняго порыва, или сильнаго внѣшняго впечатлѣнія, невольно захватываетъ насъ своею силою и жизненностью. Мысль, прошедшая сквозь горнило разсудка, теряетъ ароматъ свѣжести и теплоты, дѣлаясь болѣе сухой и отвлеченной. Однако, мы не всегда должны довѣрять первому внушенію мысли и чувства и мудрое правило — „семь разъ смѣрь, одинъ разъ отрѣжь“ — предпочесть въ этомъ случаѣ принципъ Пилата — „еже писахъ — писахъ“.

* * *

Когда на нашихъ глазахъ превозносятся умъ, независимо отъ нравственныхъ достоинствъ человѣка, намъ невольно припоминаются слова Библіи: „Змій же бѣ мудрѣйшій изъ всѣхъ звѣрей земныхъ“.

* * *

Никто не может превзойти въ проникательности падшаго Денницу, котораго нѣкоторые святыя отцы не напрасно называли иногда семитысячелѣтнимъ старцемъ, и однако, едва-ли кто захочетъ позавидовать его лаврамъ.

* * *

„Изслѣдовать и испытывать мудростью все, что дѣлается подъ небомъ — есть тяжкое занятіе, которое далъ Богъ людямъ, чтобы они упражнялись въ немъ“ (Екл. 1, 13). Таковъ удѣлъ всѣхъ, кто ищетъ познанія истины. Они идутъ путемъ напряженнаго духовнаго подвига. Великая мысль вынашивается въ душѣ чловѣка, какъ ребенокъ въ утробѣ матери, и родится часто съ такимъ же страданіемъ, но зато послѣ нея виновникъ не помнитъ скорби за радостью, что сказалъ новое слово міру.

* * *

Что такое истина и правда? Слово истина происходитъ отъ истое и означаетъ согласіе вещи съ самой собою, съ ея первообразомъ или ея идеей. Правда же — понятіе нравственнаго порядка. Оно указываетъ на нашу обязанность справедливо, т. е. съ должнымъ уваженіемъ относиться къ истинѣ, и слѣдовать за послѣдней. Можно знать истину и въ то же время содержать ее въ неправдѣ, т. е. не покоряться ей, въ чемъ обвинялъ римлянъ-язычниковъ Апостоль Павелъ. Что касается красоты, то она есть сіяніе той и другой.

* * *

Видѣть, какъ чловѣкъ, отмѣченный особенною печатью Провидѣнія, ниспадаетъ съ указанной ему высоты, переживаетъ самого себя, свое величіе и славу, какъ высыхаетъ въ немъ родникъ воды живой, которою онъ питалъ и оживлялъ многихъ, какъ меркнетъ его творческій свѣтильникъ и жреческое служеніе обраща-

ется въ привычную профессию — составляетъ поистинѣ трагическое зрѣлище, которое съ такою художественной силою изобразилъ Гоголь въ его „Портретѣ“.

„Жизнь его (художника) коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычекъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламень, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступны звуку золота“. Конечно, столь печальный жребій постигаетъ не однихъ только служителей искусства, но и всѣхъ, кто призванъ быть солью земли и свѣтомъ міра, если они угашаютъ въ себѣ духъ.

* * *

Кто наблюдалъ жизнь дѣтей, тотъ знаетъ, что въ этомъ возрастѣ осуществляется полное равенство между людьми. Наслѣдникъ царскаго престола играетъ съ сыномъ послѣдняго изъ придворныхъ слугъ, не требуя для себя никакихъ преимуществъ, и считаетъ своего товарища вполнѣ равноправнымъ съ собою. Въ школахъ также царитъ нерѣдко непринужденное равенство и братство между учащимися, хотя бы они принадлежали къ разнымъ общественнымъ классамъ. Конкуренція и борьба между людьми начинается лишь съ тѣхъ поръ, какъ они вступаютъ на путь практическаго жизненнаго сопернованія, для того, чтобы оспаривать другъ у друга побѣдные лавры въ погонѣ за земными благами. Не значитъ ли это, что на зарѣ исторіи человѣчества, въ пору его золотого дѣтства, не было социальнаго неравенства, и что дѣленіе по классамъ началось съ тѣхъ поръ, когда люди вышли изъ этой счастливой поры и вступили въ борьбу за существованіе. Грѣхъ — родоначальникъ всѣхъ золъ въ мірѣ — впервые создалъ богатаго и бѣднаго, раба и господина. Онъ донинѣ лежитъ въ основѣ ненормальностей общественнаго порядка, тяжелыхъ и мучительныхъ для всѣхъ, но неустранимыхъ до конца, пока существуетъ самый его первоисточникъ, т. е. зло, пришедшее въ міръ вмѣстѣ съ паденіемъ человѣка.

* * *

Справедливо говорить одинъ историкъ краснорѣчя, что какимъ бы талантомъ ни обладалъ ораторъ, его рѣчь безъ запаса соотвѣтствующаго матеріала всегда будетъ подобна фонтану, ненаполненному водой, послѣдній не дастъ ничего, кромѣ шипящихъ звуковъ, порожденныхъ движеніемъ воздуха. Искусственный паеосъ не только безсиленъ прикрыть бѣдность содержанія рѣчи, но скорѣе еще болѣе отъняетъ внутреннюю слабость и пустоту послѣдней.

* * *

Скорбь по своей природѣ глубже радости: она очищаетъ наше духовное зрѣніе и помогаетъ послѣднему проникать въ тайны бытія. Счастье, напротивъ, легко дѣлаетъ человѣка надменнымъ и легкомысленнымъ, способнымъ скользить только по поверхности вещей. Потому поэтъ и говоритъ: „Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать“.

* * *

Читая „Гамлета“ многіе, быть можетъ, изумлялись той сценѣ, гдѣ изображенъ могильщикъ, роющій могилу и безпечно поющій пѣсни. Между тѣмъ это самый обычный результатъ профессиональной привычки.

„Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастью она“.

Но она же способна превратить человѣка въ равнодушнаго автомата, убивая въ немъ всякую чувствительность, а иногда живую душу вообще.

* * *

Праздная пустота жизни никогда не проходитъ безнаказанно для нашего внутренняго духовнаго міра. Она не только превращаетъ послѣдній въ бесплодную

пустыню, но и наноситьъ ему болѣе существенный вредъ, открывая легкій доступъ внутрь его празднымъ суетнымъ мыслямъ и разнаго рода порокамъ. „Если бы наша душа, разсуждаетъ одинъ знаменитый проповѣдникъ, была подобно безчувственному инструменту, который остается спокойнымъ, когда на немъ прекращаютъ игру, то ее можно было бы безъ вреда оставлять вездѣ и всюду, но она скорѣе похожа на поле, которое оставаясь невоздѣланнымъ, покрывается худыми сорными травами“.

* * *

Нѣкоторые писатели, которыми мы увлекались въ юности, перестаютъ насъ удовлетворять въ болѣе поздніе годы. Это значитъ, что мы переросли ихъ вмѣстѣ съ возрастомъ; зато до другихъ мы только постепенно достигаемъ духовно и дѣлаемся способны вмѣстить ихъ глубокія думы и настроенія; непонятные намъ въ молодости, они открываются нашей душѣ во всей своей силѣ и значеніи только при свѣтѣ болѣе углубленнаго сознанія зрѣлыхъ лѣтъ.

* * *

Диогенъ, какъ извѣстно, среди дня съ фонаремъ въ рукѣ искалъ человѣка на землѣ. А вотъ, что говорить о себѣ другой, болѣе древній и несомнѣнно болѣе глубокій, чѣмъ онъ мудрецъ: „Еще душа моя искала и не находила вотъ чего: мужчину одного изъ тысячи я нашель, а женщины между всѣми ими я не нашель. Однако вотъ что я нашель: что Богъ создалъ человѣка правымъ, а люди пустились въ большую затѣйливость“ (Екл. 7, 29).

* * *

Гипнозъ чужой мысли такъ властвуетъ часто надъ нами, что обяываетъ насъ по временамъ избѣгать близкаго общенія съ извѣстнаго рода людьми, чуждыми намъ по своимъ убѣжденіямъ, если мы хотимъ отстоять чистоту и самобытность собственнаго міровоззрѣнія.

Слова „человѣкъ“ и „смертный“ давно уже сдѣлались синонимами: смерть стала одною изъ существенныхъ принадлежностей человѣческой природы и есть для насъ нѣчто не менѣе реальное, чѣмъ жизнь. Послѣдняя неизбѣжно ведетъ его къ постепенному увяданію, пока духъ не оставитъ тѣла, которое потомъ распадается на части. Здѣсь вполне оправдывается парадоксальное, повидимому, изреченіе одного англійскаго писателя: „mortality only is immortal and the law of change is the only constant law“, т. е. только смертность бессмертна и только законъ измѣненій есть постоянный законъ.

Уже изъ утробы матери ребенокъ выходитъ съ болѣзненнымъ крикомъ, какъ бы вырываясь изъ могилы. Но та же смерть, отъ которой онъ бѣжитъ, вырываясь на свѣтъ Божій, стережетъ его уже на порогѣ земного бытія. Это слабое существо, въ которомъ едва теплится свѣтильникъ жизни, съ перваго же дня должно вести борьбу за свое существованіе, которому угрожаетъ тысяча опасностей.

Каждый человѣкъ всю жизнь ходитъ, какъ преступникъ, осужденный еще до рожденія на казнь, ежеминутно ожидая исполненія послѣдней. И однако мы никогда не можемъ свыкнуться съ мыслью о смерти, отъ которой отвращается все наше существо. „Мы знаемъ, что должны умереть, но не вѣримъ въ это“ — какъ выразился одинъ философъ; — почти ежедневно провожая въ другой міръ своихъ знакомыхъ или близкихъ, мы продолжаемъ думать, что сами не подлежимъ этому закону и не пойдемъ въ путь всея земли. И когда смерть приходитъ однако къ намъ, лицомъ къ лицу, мы хотѣли бы отмахнуться отъ нея, какъ отъ ужаснаго призрака, пока она не наложитъ на насъ свою неотвратимую холодную руку. Никто не сомнѣвается, что смерть есть величайшее бѣдствіе для всего живого. Неумолимая и безпощадная, она приходитъ къ человѣку во всякій возрастъ его жизни, разрушаетъ гармонію послѣдней, разрываетъ самыя дорогія и нѣжныя привязанности, уничтожаетъ наши лучшіе земные планы и

надежды и холоднымъ мракомъ могилы покрываетъ минутную улыбку жизни. Эта она внесла законъ тлѣнія, подъ тяжестью котораго стонетъ вся тварь, ожидая своего обновленія. Но въ этомъ величайшемъ злѣ скрывается величайшее благо для падшаго человѣка. Смерть необходима въ общей экономіи вселенной послѣ того, какъ въ нее вторгся грѣхъ, принесшій съ собой этотъ страшный оброкъ. Она является благодѣтельной для міра прежде всего потому, что пресѣкаетъ зло, имѣющее стремленіе, какъ и добро, укрѣпляться и развиваться въ безконечность. Если бы преступленія злодѣевъ не прекращались отъ рокового удара ея руки, они каждый день преуспѣвали бы на горшее и становились бы ужасомъ не только для другихъ, но и для самихъ себя, достигая бѣсовскаго ожесточенія. Жизнь на землѣ была бы тогда невыносимой и превращалась въ адъ. Особенно тяжелъ былъ бы тогда жребій людей добродѣтельныхъ и праведныхъ, вынужденныхъ безконечно долгое время томиться въ чуждомъ имъ развращенномъ обществѣ, какъ нѣкогда Лотъ среди жителей Содома. Смерть даетъ имъ успокоеніе отъ ихъ трудовъ и искушеній и навсегда закрѣпляетъ за ними запасъ пріобрѣтеннаго на землѣ добра. Съ другой стороны она снимаетъ тяготу жизни съ одряхлѣвшихъ отъ времени и истощенныхъ болѣзнями людей, которые безъ нея страшными призраками ходили бы по землѣ, превращая ее въ большую богадѣльню и служа бременемъ для болѣе молодыхъ поколѣній. „О смерти! говоритъ Сирахъ, отраденъ твой приговоръ для человѣка нуждающагося и изнемогающаго въ силахъ, для престарѣлаго и обремененнаго заботами обо всемъ, не имѣющаго надежды и потерявшаго терпѣніе“ (Сир. 41, 4). Законъ смерти устраняетъ или предупреждаетъ всѣ эти ненормальности міровой жизни, возстановливая въ ней должное равновѣсіе. Смерть является не только тайной, но поистинѣ и таинствомъ для насъ. Въ ней открывается нѣчто священное, если мы смотримъ на нее, какъ на великое жертвоприношеніе за грѣхъ. Это огонь, очищающій землю, оскверненную преступленіями человѣка. По своей премудрости Творецъ постѣ грѣхопаденія первыхъ людей всѣхъ заключилъ подъ смерть, чтобы всѣмъ даро-

вать сугубую жизнь, согласно сказанному: „Зерно еще падше на землю не умретъ — то едино пребываетъ, еще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ“ (Іоан. XII, 24). Изъ тлѣннаго сѣмени расцвѣтетъ нѣкогда нетлѣнная жизнь еще болѣе полная и блаженная, чѣмъ какая была до грѣхопадєнія.

* * *

Мы одинаково не имѣемъ мужества сказать правду въ лицо самимъ себѣ, какъ и другимъ, и предпочитаемъ въ обоихъ случаяхъ ложь, лесть и лицемѣріе. Два послѣднихъ качества рождаются изъ перваго и являются только его разновидностью. Человѣкъ способенъ лицемѣрить предъ собственной совѣстью такъ же, какъ и предъ лучшими своими друзьями. Толстой говоритъ, что лесть часто требуется даже въ дружбѣ, какъ подмазка для колесъ.

* * *

Ницше навсегда убилъ утопію социализма однимъ изъ своихъ молніеносныхъ афоризмовъ: „Равнымъ — равное, неравнымъ — неравное“. Впрочемъ это не болѣе чѣмъ перефразъ словъ 3 книги Ездры (7, 25). „Пустымъ — пустое, а полнымъ — полное“. Аристотель со своей стороны находилъ, что „нѣтъ большей несправедливости, чѣмъ равное обращеніе съ неравными“. Уравнительный принципъ одинаково противорѣчитъ и закону природы, у которой нѣтъ нигдѣ полного равенства, и требованіямъ нравственной правды и справедливости, стремящихся воздать каждому по его дарованіямъ и заслугамъ. Одинъ простой, но надѣленный яснымъ здравымъ смысломъ человѣкъ, услыхавъ о стремленіи социалистовъ раздѣлить всѣ земныя блага поровну между людьми, съ недоумѣніемъ спросилъ: „Какъ же можно этого достигнуть? — Въдь тогда надо раздѣлить прежде всего умъ“. Незатуманенная предвзятыми теоріями мысль простеца безъ труда проникла то, что утаевается часто отъ премудрыхъ и разумныхъ. Источникъ каждаго капитала есть прежде всего трудъ, а производительность по-

слѣдняго обусловлена степенью теоретическихъ и практическихъ способностей человѣка, т. е. его умомъ, пріимчивостью и настойчивостью характера. Мы всегда должны имѣть предъ глазами притчу о талантахъ и помнить вѣчный законъ жизни, по которому имущему дается и пріумножится, а у неимущаго отнимется и то, что имѣетъ (Мѡ. 25, 29).

* * *

Кіевскій періодъ нашей исторіи такъ же относится къ Московскому, какъ дѣтство и отрочество къ зрѣлому возрасту. Кіевъ — это полусознательная эпоха нашей національной жизни, уходящая часто въ легенду и былинку. Москва — это живой и вполнѣ сознательный періодъ нашего государственнаго и общественнаго строительства — это мужество нашего народнаго генія.

* * *

Когда человѣкъ хочетъ во что бы то ни стало создать что-нибудь великое и заранѣе вѣнчаетъ себя лавровымъ вѣнкомъ, онъ рѣдко творитъ что-нибудь выше посредственности, а иногда и прямо напоминаетъ гору, родившую мышь. Подлинно великое дѣло совершается въ простотѣ духа и смиреніи сердца, приближающихъ ихъ виновника къ дѣтскому состоянію.

* * *

„Знаю, что ветошь, а все-таки горжусь“ — такъ писалъ Преосвященный Теофанъ, знаменитый подвижникъ и богословъ, опредѣляя свое душевное состояніе послѣ того, какъ онъ получилъ въ награду одинъ высокій орденъ. Вотъ лучший отвѣтъ тѣмъ, кто утверждаетъ, что сознать зло, какъ зло — значитъ уже побѣдить его. Нѣтъ, ветхій человѣкъ живетъ въ насъ вопреки нашему разуму и волѣ и преодолевается только силою благодати, дѣлающею насъ новою тварью.

* * *

Мы всё хотѣли бы наслаждаться безмятежнымъ счастьемъ, считая только это состояніе благомъ для себя, и ропщемъ, когда насъ посѣщаютъ дни тревогъ и скорбей. А между тѣмъ, по выраженію одного святого отца, „Богъ Своей мудростью посылаетъ намъ несчастье для нашего же счастья“. „Въ счастья, говоритъ Златоустъ, человѣкъ долженъ почитать себя должникомъ Божиимъ, а въ несчастія, когда онъ переноситъ его безъ роптанія, съ благоговѣніемъ и молитвой, онъ имѣетъ своимъ должникомъ Бога“.

* * *

Ожесточенное человѣческое сердце можно размягчить только огнемъ горящей вѣры, теплотою любви, жаромъ вдохновенія или пламенемъ негодующаго обличенія, если только послѣднее не соединено съ чувствомъ ненависти и озлобленія.

* * *

Трагедія невѣрующихъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ никогда не можетъ убѣдить себя до конца, что онъ только животное. Противъ этого возстаетъ его собственная духовная природа. Послѣдняя говоритъ ему, что отвергать Бога значитъ „подвергать сомнѣнію, по выраженію одного писателя, не достоинство Бога, а достоинство самого человѣка“, которое утверждается только на идеѣ Божества. Сгибаясь подъ бременемъ мнимой свободы своего разума, религіозный отрицатель невольно ищетъ потомъ снова сладкаго плѣна вѣры. „Утомленный рационалистъ, воскликнулъ нѣкогда одинъ изъ нихъ (Тьерри) — я чувствую потребность въ непогрѣшимомъ авторитетѣ; мнѣ для моего измученнаго духа нуженъ покой“. „Боже, — отвѣчаетъ ему Августинъ изъ глубины вѣковъ, — Ты создалъ насъ для Себя и душа наша и мятущееся сердце дотолѣ томится, не находя себѣ покоя, пока не успокоится въ Тебѣ“.

* * *

Чтобы не впасть въ уныніе при видѣ повсемѣстнаго оскудѣнія религіознаго одушевленія, надо оживлять въ себѣ вѣру въ постоянно возрождающуюся силу христіанства, — въ эту побѣду, побѣдившую и донинѣ побѣждающую міръ. „Вѣра Христова — сила непобѣдимая, сказалъ нѣкто, какъ ртуть термометра, сила эта то повышается, то понижается, но не уменьшается“. Подобную мысль выразилъ и нашъ поэтъ, когда написалъ слѣдующіе проникновенные стихи:

„О дѣти слабаго скептическаго вѣка,
Иль вамъ не говоритъ мощный образъ Тотъ,
О назначеніи великомъ человѣка
И волю спящую на подвигъ не зоветъ.

О нѣтъ, не вѣрю я. Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета,
Еще настанетъ день... вдохнетъ и жизнь и силу
Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа“.

(А. Плещеевъ.)

„Явись къ намъ снова“ —

восклицаетъ или лучше сказать молится другой поэтъ, —

„Господь, въ нашъ бѣдный міръ,
Гдѣ горе и разладъ,
Да прозвучитъ еще Божественное слово
И къ жизни воззоветъ Твоихъ отпадшихъ чадъ“.

* * *

Нѣкогда, еще на зарѣ христіанства, Тертуліанъ могъ съ дерзновеніемъ сказать язычникамъ: „Вчерашніе мы, а все уже ваше наполнили: города, острова, замки, народное собраніе, самые лагеря, трибуны, дворецъ Императора, сенатъ, форумъ... только храмы оставили мы вамъ“. Увы, теперь, когда прошло почти двѣ тысячи лѣтъ послѣ торжества христіанства, его снова начинаютъ вытѣснять съ форумовъ, изъ сенатовъ, дворцовъ и другихъ общественныхъ и государственныхъ учреждений. Семья — это единственная общественная ячейка, гдѣ завѣты Христа сохраняютъ еще свою силу. Тамъ,

гдѣ мы видимъ болѣе широкия общественныя соединенія, свѣтъ Евангелія уже значительно тускнѣетъ. Современныя государства все болѣе и болѣе секуляризуются, возвращаясь къ своему языческому первообразу, а въ международныхъ отношеніяхъ считается уже просто наивнымъ и даже смѣшнымъ руководиться высокими нравственными началами истины, правды и любви. Главнымъ опредѣляющимъ ихъ принципомъ является національная гордость и соображенія государственной выгоды. Послѣдній мотивъ получилъ особенно широкое распространеніе въ настоящее время. Никогда еще золотой кумиръ не царилъ такъ откровенно надъ міромъ, какъ въ нынѣшнее время. Если всегда, по свидѣтельству Шекспира, „золото было способно сдѣлать чернѣйшее — бѣлѣйшимъ, все гнусное — прекраснымъ, всякій грѣхъ — правдивымъ, все низкое — высокимъ“, и если по слову нашего поэта, ему „порабощаются“ одинаково и „свободный геній и окровавленное злодѣйство“, то теперь оно подлинно безраздѣльно владѣетъ умомъ и сердцемъ людей. Оно колеблетъ и низвергаетъ престолы сильныхъ, возводя къ власти людей ничтожныхъ, вызываетъ вѣшнія осложненія и войны и зажигаетъ внутреннюю междоусобную брань, разрѣшающуюся кровавыми революціями. Нѣтъ такой цѣнности, которая не продавалась бы нынѣ на мировомъ рынкѣ, гдѣ торгуютъ всѣмъ и прежде всего честью и совѣстью. Современные политическіе кризисы и финансовыя катастрофы, порожденные прежде всего паденіемъ человѣческихъ нравовъ, казалось должны бы служить лучшимъ предупрежденіемъ для человѣчества, явно устремляющимся въ бездну. „Богъ использовалъ — говоритъ Епископъ Николай Охридскій — современное средство, ударивъ по современнымъ людямъ; ударилъ по банкамъ, по биржамъ, по финансамъ, по валютѣ. Опрокинулъ столы мѣнялъ по цѣлому свѣту, какъ нѣкогда въ Иерусалимскомъ храмѣ“. Однако, человѣчество не хочетъ остановиться на своемъ роковомъ пути и продолжаетъ справлять свой пиръ во время чумы.

* * *

Сильное честолюбіе только потому склонно заглушать иногда самолюбіе человѣка, что первая страсть является только расширеніемъ и углубленіемъ второй; меньшее здѣсь приносится въ жертву большому.

* * *

Нужна постоянная внутренняя самособранность, чтобы овладѣть своими мыслями, чувствами, движеніями. Какъ только человѣкъ выходитъ изъ себя, и начинаетъ дѣйствовать, какъ говорятъ внѣ себя, онъ сейчасъ же теряетъ власть надъ самимъ собою.

* * *

Когда мы ходимъ съ высоко поднятой головой и не хотимъ склонить своей гордой выи сами, Господь по любви къ намъ смиряетъ насъ рукою крѣпкою и мышцею высокою.

* * *

Чтобъ умъ казался блестящимъ, острее его всегда должно быть отравлено ядомъ скепсиса или язвительнаго критицизма. Этого требуетъ испорченный вкусъ современнаго общества. Положительные спокойные умы, какъ бы ни велики были ихъ достоинства, всегда кажутся людямъ чѣмъ то тусклымъ, прянымъ и неподвижнымъ. А между тѣмъ, только черезъ нихъ творится вся духовно-созидательная культура на землѣ.

* * *

Если вы видите передъ собою человѣка, лицо котораго озарено чистой радостью, не угашайте въ немъ этого свѣтильника. Радость — эта небесная гостья, — есть праздникъ жизни, который слишкомъ рѣдко посѣщаетъ насъ на землѣ. Дайте свободу этимъ живительнымъ лучамъ солнца: они очищаютъ, просвѣтляютъ души людей, тѣснѣе соединяютъ ихъ между собою. Пусть страдалецъ хоть на мгновеніе почіетъ отъ тру-

довъ своихъ: завтра свѣтъ уже померкнетъ надъ его головой, и онъ снова проснется для печали и слезъ. Монотонно долго тянутся дни скорби, мгновенно, какъ на крыльяхъ, проносятся минуты наслажденія. „Нѣтъ это слишкомъ хорошо, чтобы могло продолжаться долго“, — говоримъ мы себѣ въ подобные моменты, не довѣряя собственному счастью. Послѣднее покидаетъ насъ быстро обыкновенно потому, что мы становимся его недостойными, ибо блаженство — есть достояніе только чистыхъ и смиренныхъ душъ и сердецъ.

* * *

Многіе выдающіеся правители обязаны своей славою искусству выбирать себѣ достойныхъ сотрудниковъ: „поставивъ cadaго на вѣрное мѣсто, они могли извлечь изъ нихъ, по выраженію Фридриха Великаго, двойную пользу“. Это обстоятельство не умаляетъ, однако, ихъ собственного значенія въ исторіи. Умѣть почувствовать и выдѣлить одаренныхъ людей, указавъ должное примѣненіе для ихъ способностей, — есть особый талантъ власти. Кромѣ того, заслуга послѣдней состоитъ въ томъ, что она умѣетъ объединить дѣятельность своихъ помощниковъ одной идеей и направить ихъ къ одной цѣли.

* * *

Психологія массъ до сихъ поръ таитъ въ себѣ много загадочнаго. Почему самые просвѣщенные и нравственные, люди собираясь вмѣстѣ, часто утрачиваютъ свое лицо и превращаются въ беспорядочную толпу, стоящую гораздо ниже cadaго изъ нихъ въ отдѣльности? Какимъ образомъ въ суммѣ оказывается духовныхъ цѣнностей меньше, чѣмъ сколько дано ихъ въ слагаемыхъ? Почему народъ, подобно океану, остается неподвижнымъ въ то время, когда его верхніе слои вздымаются бурными общественными волнами, или какъ безсловесное стадо, покорно идетъ за своими вождами, часто далеко не лучшими изъ людей, а только наиболѣе смѣлыми и даже наглými изъ нихъ? Почему ду-

ховная зараза такъ легко передается отъ одного къ другому во всякомъ скопленіи людей, какъ гниль среди скученныхъ плодовъ, и почему вообще зло внутри человѣческаго общества бываетъ активнѣе добра? Почему коллективный умъ и совѣсть бываютъ такъ неустойчивы и такъ легко поддаются ослѣпленію, склоняясь то въ одну, то въ другую сторону, куда зовутъ ихъ демагогическіе призывы? Всѣ эти вопросы давно стоятъ неразгаданными предъ человѣчествомъ, не взирая на всѣ усилія психологовъ и соціологовъ разрѣшить ихъ.

* * *

„Несправедливо подавать примѣръ наказаніемъ маленькихъ людей, которые подобны деревьямъ, неотбрасывающимъ отъ себя тѣни“ — писалъ Ришелье Людовику XIII, находившемуся подъ его неограниченнымъ вліяніемъ въ теченіе всего своего царствованія. И этотъ всемогущій министръ не боялся сокрушать высокіе дубы, отбрасывающіе отъ себя большія тѣни. Онъ не пощадилъ даже мать Короля Марію Медичи, которая, благодаря ему, умерла въ изгнаніи, въ большой бѣдности.

* * *

„Не мѣрю Богъ даетъ Духа“. Когда Его дыханіе касается нашего сердца, тогда воздвигаются грани нашей природы, открываются какіе то тайные родники познанія, и предъ нашимъ взоромъ развертываются безконечные горизонты. Наша мысль и наше сердце сразу какъ бы обнимаютъ вселенную, и человѣческое въ насъ растворяется съ Божественнымъ. Только въ эти минуты мы ощущаемъ всю полноту и красоту бытія, только тогда мы подлинно живемъ, а не прозябаемъ. Но не для всѣхъ безопасны такіе полеты. Какъ у воздухоплавателя, поднявшагося въ стратосферу, у человѣка въ это время легко можетъ закружиться голова, что такъ легко можетъ повлечь его къ паденію. Спасая насъ отъ самихъ себя, Богъ не оставляетъ смертныхъ надолго на такой высотѣ. Онъ отнимаетъ у нихъ взнесенія ихъ крылья, и мы съ неба снова опускаемся на землю. По-

добно рѣкѣ, вышедшей изъ береговъ, наша душевная жизнь опять входитъ въ свое обычное русло. Вчерашній богъ — человекъ снова становится червемъ и, какъ узникъ, попрежнему, бьется объ стѣны своей тюрьмы, ища снова свѣта и свободы. Даже святые испытывали иногда такое оскудѣніе и томленіе духа, дабы они лучше могли оцѣнить посѣщеніе благодати.

* * *

Развязное слово рождается обыкновенно отъ разнузданной мысли и неуправленнаго чувства. Поэтому оно также способно отталкивать насъ, какъ человекъ, не знающій дисциплины приличія.

* * *

Въ красотѣ насъ привлекаетъ собственно форма, т. е. нѣчто идеальное и духовное, что находитъ соответствующее отраженіе въ нашей душѣ. Поэтому она сохраняетъ свое обаяніе только на извѣстномъ разстояніи. Какъ только мы приближаемся къ ней и пытаемся осязать ее — чудное видѣніе исчезаетъ, и человекъ не видитъ предъ собою ничего, кромѣ грубой матеріи.

* * *

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, есть люди праваго и лѣваго направленія. Между тѣмъ и другимъ міровоззрѣніемъ замѣтенъ опредѣленный водораздѣлъ, за предѣлами котораго начинается между ними принципиальная борьба. Въ увлеченіи послѣдней оба лагеря склонны доходить до крайностей и не только лѣвыя, но и правыя партіи становятся опасными съ тѣхъ поръ, когда онѣ, въ пылу борьбы, заходятъ правѣ здраваго смысла.

* * *

Только въ юности жизнь предстаётъ предъ нами съ свѣтлымъ улыбающимся лицомъ. Впослѣдствіи ея

образъ становится болѣе сосредоточеннымъ, и лишь изрѣдка ея суровый ликъ озаряется улыбкой.

* * *

Человѣкъ привыкшій плыть по теченію, безъ всякой затраты усилій движется впередъ, пока его ладья не натолкнется на подводные камни. Усыпленный своею безопасностью, онъ не чувствуетъ въ себѣ тогда ни силъ, ни навыка къ сопротивленію, и потому легко терпитъ крушеніе.

* * *

Нѣкоторыя духовныя переживанія бывають такъ глубоки, что какъ бы выходятъ изъ предѣловъ земного порядка, являясь отзвукомъ иного, высшаго міроощущенія, которое въ это время раскрывается предъ нами.

* * *

Жизнь — есть великая школа, продолжающаяся тысячелѣтія. Каждый день обогащаетъ насъ новыми уроками согласно написанному: „день дню отрыгаетъ глаголь и ночь ночи возвѣщаетъ вѣдѣніе“. Особенность этой практической науки состоитъ въ томъ, что она вся построена на опытѣ, а опытный методъ, какъ это признаетъ современная наука, есть наиболѣе вѣрный путь въ изслѣдованіи истины.

* * *

Успѣхъ и счастье всегда внушаютъ нѣкоторый суевѣрный страхъ людямъ. Они легко склоняются предъ тѣми, чья звѣзда стремительно поднимается вверхъ. Когда же послѣдняя, достигши уже своего зенита, начинаетъ склоняться къ закату, ослѣпленные еще ея блескомъ люди не замѣчаютъ этого явленія, и избранникъ судьбы можетъ еще долго жить за счетъ своего старого капитала. Его почитатели не хотять замѣчать его упадка только потому, что боятся разрушить собственное очарованіе.

„Если мы, люди, тѣмъ отличаемся отъ животныхъ, что можемъ говорить, то сколь великой хвалы достоинъ тотъ, кто именно въ томъ превосходитъ другихъ людей, въ чемъ люди превосходятъ животныхъ“. Такую похвалу слову воздаеть одинъ римскій ораторъ, который очевидно самъ сознавалъ свое превосходство въ этомъ отношеніи предъ другими людьми.

* * *

Сущность искусства становится понятнѣе для насъ тогда, когда отвлеченное понятіе о немъ переводится на конкретный языкъ. Что такое архитектура? — Это, по художественному выраженію Шеллинга, — „музыка, застывшая въ пространствѣ“. „Живопись — по выраженію другого авторитета въ этой области — есть нѣмая поэзія, а поэзія — говорящая живопись“.

* * *

„Меньше всего боятся смерти — сказалъ Кантъ — тѣ, жизнь коихъ наиболѣе драгоцѣнна“. Исторія даетъ много фактовъ, подтверждающихъ наблюденіе великаго философа.

* * *

Люди, искушенные въ военномъ искусствѣ, иногда говорятъ: „кто хочетъ обойти на полѣ брани своего противника, тотъ самъ рискуеть быть обойденнымъ“. Это предостереженіе слѣдуетъ помнить не только на войнѣ. Оно находитъ постоянное свое оправданіе въ обыденной практической жизни, поскольку послѣдняя есть постоянная борьба, соединенная съ разнаго рода обходными движеніями однихъ въ отношеніи другихъ. Какъ часто мы видимъ, что „Господь уловляетъ мудрецовъ ихъ же лукавствомъ и совѣтъ хитрыхъ становится тщетнымъ“ (Іов. V, 13-14).

* * *

Нельзя злоупотреблять ничѣмъ, даже стремленіемъ къ умноженію знаній, дабы избѣжать умственного перепроизводства, истощающаго духовную энергію человѣка. „Знаніе можетъ быть сравнено съ пищею, которую употреблять должно умѣренно“ — говоритъ Мильтонъ. „Точно также, какъ излишекъ пищи вредитъ здоровью, такъ излишекъ знаній обременяетъ человѣческой умъ и превращаетъ такимъ образомъ мудрость въ безуміе“.

* * *

Разъ пережитое впечатлѣніе не исчезаетъ безслѣдно изъ нашей души. Это одно изъ счастливыхъ и вмѣстѣ несчастныхъ преимуществъ человѣческаго духа; благодаря ему, мы можемъ пережить исчезнувшіе дорогіе для насъ свѣтлые и пріятные дни еще разъ въ своихъ воспоминаніяхъ, но оно же невольно воскрешаетъ въ нашей памяти давно пережитую боль и огорченіе. Иногда мы хотѣли бы скорѣе забвенія прошлаго, а въ другое время готовы повторять слова поэта:

„Исчезло все теперь; но ты осталось мнѣ,
Утѣха страждущихъ, спасеніе въ тишинѣ —
О, милое души святое воспоминаніе“ (Лермонтовъ).

* * *

Въ жизни всегда необходимъ исповѣдническій подвигъ, требующій дѣятельной и неутомимой борьбы со зломъ и мужественной защиты истины. Безмолвствовать при видѣ оскорбленія той или другой нашей святыни — значитъ уже измѣнить ей и соучаствовать въ этомъ преступленіи. „Ты не участвовалъ въ дерзости виновныхъ“, спрашиваетъ Златоустъ. „Хвалю это и одобряю, но ты не воспрепятствовалъ тому, что случилось, и это достойно осужденія. Такія же слова ты услышишь и отъ Бога, если будешь молчать въ то время, когда противъ Него раздаются хулы и поношенія“.

* * *

Всѣ предрасудки держатся на силѣ привычки и такъ какъ привычка есть вторая природа человѣка, то даже самые просвѣщенные и сознательные изъ людей бывають не чужды этого недостатка, унижающаго часто ихъ достоинство.

* * *

Для истиннаго цѣломудрія слово есть уже нѣкоторое обнаженіе души. Поэтому скромность предпочитаетъ хранить молчаніе боясь, чтобы черезъ самый звукъ нашего голоса, какъ черезъ открытую изнутри дверь, недобрый глазъ не проникъ за внутреннюю завѣсу нашего сердца. „Пусть твои уста — внушаегь поэтому св. Григорій Богословъ христіанской дѣвѣ — будутъ подобны закрытой чашечкѣ цвѣтка и слово твое пусть будетъ предметомъ желаній“.

* * *

Дружба, гдѣ бы и въ какой бы формѣ она ни проявлялась, всегда основана на какомъ то незримомъ средствѣ душъ. Въ разнообразіи, окружающихъ насъ людей душа сама отыскиваетъ внутреннимъ чутьемъ созвучное ей сердце и соединяется съ нимъ нѣжными таинственными узами. Дружба, какъ и любовь, не знаютъ преградъ, образуемыхъ разностью происхожденія или общественнаго положенія и можетъ сблизить пастуха съ царскимъ сыномъ, какъ соединила нѣкогда Давида съ Іоананомъ; она всегда носитъ чистый платоническій характеръ и въ этомъ отношеніи превосходитъ любовь, которой не всегда удается устоять на такой чистой духовной высотѣ. По своему внутреннему существу она, впрочемъ тѣсно соприкасается съ послѣдней и иногда можетъ сливаться съ ней. Истинный другъ для насъ нерѣдко дороже и надежнѣе, чѣмъ родственники, съ которыми мы связаны только узами плоти и крови. Когда мы хотимъ подчеркнуть особенную близость съ послѣдними, мы обыкновенно говоримъ: „онъ мнѣ не только отецъ или братъ, но и другъ“.

„Вѣрному другу“ подлинно „нѣтъ цѣны; кто на-

шелъ его — нашелъ сокровище“ (Сир. 14, 15). Дружба расцвѣтаетъ особенно въ юности, когда наша душа, какъ бы расширяется, ища вездѣ симпатіи и откликовъ. Это чувство можно назвать священнымъ, ибо оно вѣдренно въ наше сердце рукою Творца. Даже Христосъ Спаситель, возлюбившій весь міръ, имѣлъ Своихъ избранныхъ друзей на землѣ въ лицѣ св. Іоанна Богослова, Праведнаго Лазаря и его сестерь. Разрывъ дружескихъ отношеній, производимый разлукой, или смертью одного изъ друзей, всегда причиняетъ намъ боль; справедливо говорятъ, что въ каждомъ изъ своихъ друзей мы теряемъ какъ бы часть самого себя. Самъ Богочеловѣкъ невольно заплатилъ дань этому послѣднему чувству и Своими слезами надъ гробомъ умершаго Лазаря навсегда освятилъ благородное и нѣжное чувство человѣческой дружбы.

* * *

Сребролюбецъ все, даже чисто духовныя цѣнности, привыкъ взвѣшивать на золото; у него нѣтъ другой категоріи мышленія; если „собственность“ — какъ выразился Папа Левъ XIII въ своей знаменитой буллѣ *Retiim novatum* — „есть продолженіе личности“, то у такого человѣка личность является какъ бы продолженіемъ его собственности, что налагаетъ на всю его душу глубоко-матеріалистическій отпечатокъ.

* * *

Понять во время свою ошибку и отказаться отъ нея — есть признакъ свѣтлаго ума и благороднаго сердца. Упорство въ своихъ заблужденіяхъ, напротивъ, свойственно умственной ограниченности или испорченному характеру. Когда Бисмарка упрекнули однажды въ Рейхстагѣ, что онъ измѣнилъ своему прежнему мнѣнію, знаменитый канцлеръ съ свойственной ему прямою отвѣтилъ: „Только глупцы не измѣняютъ своихъ мнѣній, когда есть къ тому основаніе“. Французское остроуміе давно уже создало пословицу, смыслъ которой состоитъ въ томъ, что глупцы хотятъ сравняться

съ Богомъ, Который Одинъ не измѣняетъ Своихъ мнѣній.

* * *

Когда Господь увидѣлъ первозданный мiръ такимъ, какимъ онъ долженъ быть, по Его предвѣчному замыслу, то нашелъ его „добрымъ зѣло“, т. е. истинно прекраснымъ. Грѣхъ разстроилъ эту чудную гармонию, и красота померкла въ прежнемъ космосѣ. Неправда и зло, порожденныя грѣхомъ, никогда не могутъ быть красивыми; онѣ не способны внушить намъ ничего кромѣ отвращенія.

„Нѣтъ ничего прекраснаго, какъ только истинное“ — справедливо говорятъ французы. Надо имѣть разстроенное воображеніе и извращенное эстетическое чувство, чтобы видѣть какую либо красоту въ отцѣлжи и первоисточникѣ зла — діаволѣ, котораго подъ видомъ Демона - Люцифера или Мефистофеля пытались неоднократно опоэтизировать жрецы прекраснаго — поэи артисты.

* * *

Намъ дано иногда предвосхищать особымъ внутреннимъ чутьемъ наступленіе солнечнаго счастливаго дня жизни, который посылаетъ какъ бы свои лучи впередъ. Съ другой стороны, при помощи того же, невѣдомаго намъ подсознательнаго органа, мы слышимъ по временамъ тяжелый звукъ шаговъ преслѣдующей насъ горестной судьбы, уже издали набрасывающей на насъ свою мрачную тѣнь: то и другое ощущеніе мы называемъ обыкновенно предчувствіемъ.

* * *

Темпераменты у людей различны до противоположности: одни ищутъ мира и спокойствія, боясь малѣйшихъ разногласій и недоразумѣній съ окружающими; другіе, напротивъ, жаждутъ борьбы, составляющей основную стихію ихъ жизни. Если у нихъ нѣтъ дѣй-

ствительнаго противника, они создаютъ его въ воображеніи и въ стремленіи ниспровергнуть его почерпають главный паѳосъ своихъ словъ и своихъ дѣйствій. Иногда, за недостаткомъ возбуждающаго ихъ горячаго матеріала, внутренній пламень въ нихъ временно угасаетъ; тогда они сразу утрачиваютъ одушевляющую ихъ энергію и опускаютъ свои крылья, какъ парусное судно во время безвѣтрія.

* * *

Любоваться красивой оболочкой, не углубляясь внутрь предмета, свойственно дѣтству; зрѣлый возрастъ цѣнитъ каждую вещь, какъ и всякаго человѣка, прежде всего по ихъ внутреннему содержанию.

* * *

„Мертвыя мухи портятъ и дѣлаютъ зловонною благовонную мазь мироварника; то же дѣлаетъ небольшая глупость уважаемаго человѣка съ его мудростью и честью“ (Екл. 10, 1). Человѣкъ можетъ идти десятки лѣтъ неуклонно по пути добра и правды; міръ какъ бы не замѣчаетъ этого, но стоитъ ему только однажды споткнуться, чтобы всѣ заговорили объ его паденіи и никогда не забыли объ немъ. Люди по своему жестокосердію не умѣютъ подражать милосердію Божіему. Они продолжаютъ порицать и осуждать своего немощнаго брата и послѣ того, какъ онъ уже покаялся въ томъ или иномъ своемъ грѣхѣ и изгладилъ его, получивъ прощеніе отъ Бога“.

* * *

Каждый человѣкъ, по замѣчанію Шопенгауера, по крайней мѣрѣ разъ въ жизни бываетъ красивъ и геніаленъ. Это именно въ пору своей юности и при томъ до тѣхъ поръ, пока послѣдняя сохранила благоуханіе чистоты и невинности.

* * *

Когда Руссо и Толстой возставали противъ культуры и цивилизаціи, приписывая всецѣло имъ извращеніе естественной простоты и чистоты человѣческихъ нравовъ, они были неправы только въ томъ отношеніи, что слишкомъ идеализировали естественнаго человѣка, и забывали о растлѣвающимъ началѣ грѣха и зла, ядъ которыхъ онъ носитъ въ себѣ отъ рожденія. Но что близость къ природѣ несомнѣнно спасаетъ человѣческое сердце отъ многихъ соблазновъ и искушеній, подстерегающихъ его въ условіяхъ утонченной культурной жизни, полной всякихъ условностей, лжи и лицемерія, это хорошо подмѣтилъ и не менѣе хорошо выразилъ еще одинъ просвѣщенный грекъ, современникъ Михаила Палеолога, а слѣдовательно и свидѣтель упадка Византии. „Злополучна судьба государствъ — пишетъ онъ — все доброе исходитъ изъ деревни и сначала даетъ блескъ въ столицѣ, но въ столицѣ все портится, и возвращаются обратно только пороки и бѣдствія“.

* * *

„Я, какъ ваятель, какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, старательно лѣплю и вырѣзываю и всячески украшаю тотъ кубокъ, въ которомъ самъ же подношу себѣ отраву“. Вотъ исповѣдь русскаго интеллигента, типичнымъ воплощеніемъ котораго былъ самъ авторъ этихъ словъ Тургеневъ.

Утонченная самоотрава — это роковой удѣлъ нашей интеллигенціи. Ей не дано ощутить цвѣтенія и аромата жизни, которыми наслаждаются люди цѣльнаго духа. „Такъ паукъ извлекаетъ ядъ изъ цвѣтка, дающаго пчелѣ нектаръ“.

* * *

Говорятъ, что идеи правятъ міромъ. Однако онѣ могутъ долго витать въ сферѣ отвлеченной мысли, не воплощаясь въ тѣхъ или другихъ практическихъ формахъ, и только, когда онѣ облекутся въ плоть и кровь, т. е. зажгутъ чувства и волю людей, онѣ становятся могучими двигателями жизни.

* * *

Чѣмъ богаче и утонченнѣе работа ювелира, тѣмъ болѣе остается у него обрѣзковъ золота или другого драгоценнаго матеріала. Точно также въ мастерской художника можно всегда найти въ изобиліи неиспользованные эскизы, имѣющіе сами по себѣ большую цѣнность. Такую же картину представляетъ собою и лабораторія духа великихъ мыслителей и писателей. Тамъ накапливается большой запасъ отрывочныхъ мыслей и афоризмовъ, невмѣстившихся въ ихъ систематическую работу. Этихъ крупницъ, падающихъ съ ихъ богатаго стола, бываетъ съ избыткомъ достаточно, чтобы напитать многихъ другихъ людей, алчущихъ духовной пищи.

* * *

Глубокіе реалисты по природѣ, желающіе все видѣть своими очами и осязать своими руками, люди однако довѣряютъ вполне только идеальному міру, который всегда остается вѣренъ себѣ и никогда не обманываетъ, будучи въ то же время незримымъ для насъ. Густавъ ле Бонъ, посвятившій большую часть своей жизни изученію социальныхъ явленій, пришелъ къ слѣдующему поучительному выводу: „Мечты, идеалы, легенды, однимъ словомъ — нереальное, вотъ, что ведетъ исторію“.

Викторъ Гюго еще рѣшительнѣе утверждаетъ ту же истину, когда говоритъ: „О, идеалъ, ты одинъ существуешь“.

* * *

Если вы хотите глубже заглянуть въ душу того или другого писателя, — внимательнѣе вчитывайтесь въ его произведенія. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, ясно отражень его собственный духовный обликъ. Онъ почти всегда творитъ своихъ героевъ по собственному образу и подобию, влагая въ ихъ уста, нерѣдко, исповѣдь своего сердца.

* * *

Творческая свѣтлая мысль такъ же способна вдохновлять человѣка, какъ и благородное возвышенное чувство. Даже у такого великаго поэта, какъ Шиллеръ, паѳосъ мысли преобладалъ надъ паѳосомъ чувства.

* * *

Когда гениальный человѣкъ безпомощно борется съ гнетущими его житейскими мелочами, онъ напоминаетъ намъ льва, запутавшагося въ сѣтяхъ; маленькая мышъ въ этомъ случаѣ оказывается сильнѣе царя звѣрей. Такъ и человѣкъ средняго практическаго ума бываетъ болѣе приспособленъ къ жизни, чѣмъ гений, который всегда кажется чѣмъ то не отъ міра сего.

* * *

Болезнь есть аномалія, вносящая разстройство не только въ нашу собственную, но и въ окружающую насъ жизнь. Въ силу этого сознанія больной невольно чувствуетъ себя виноватымъ предъ всѣми.

* * *

Истина, подобно свѣтящемуся факелу въ маякѣ, вращается предъ нами то одной, то другой стороной и никогда не открывается для насъ во всей своей цѣлокупности.

* * *

Время является не только лучшимъ врачомъ для душевныхъ страданій, но оно есть „великій критикъ“, какъ назвалъ его нашъ извѣстный критикъ Бѣлинскій: „Его крылья провѣвають всѣ дѣла человѣческія, оставивъ на току немного зеренъ и развѣвая по воздуху много шелухи“. Дѣйствительно, мы воочию видимъ, какъ время переоцѣниваетъ всѣ цѣнности, развѣнчиваетъ неоспоримые, казалось бы, авторитеты, и возводитъ на высоту людей, непризнанныхъ своевременно. Консерватизмъ человѣческой природы замедляетъ обыкновен-

но этотъ процессъ, ибо намъ больно всегда разстаться со старыми привычными кумирами, хотя бы мы убѣдились въ томъ, что мы переоцѣниваемъ ихъ значеніе.

* * *

Всякій, кто обладаетъ тѣмъ или другимъ талантомъ, любитъ и наслаждается имъ прежде всего самъ, напоминая собою ювелира, съ наслажденіемъ вращающаго въ своихъ рукахъ сверкающіе самоцвѣтные камни.

* * *

Каждый человѣкъ носить въ себѣ въ той или другой формѣ свое тemento mori, и это напоминаніе о послѣднемъ концѣ полезно для всѣхъ. Оно умѣряетъ гордыню человѣка и служитъ для него источникомъ истинной мудрости. Толстой признается, что мысль о смерти возродила его нравственно, заставивъ задуматься надъ вопросомъ о смыслѣ жизни. Бунинъ, въ свою очередь, приобрѣлъ „вѣру въ Бога, ощущеніе Его вмѣстѣ съ понятіемъ о смерти“.

* * *

Для праведника законъ не лежитъ только потому, что онъ уже давно сталъ его второю природою; воплощая въ себѣ его духъ, святой человѣкъ можетъ стать иногда выше его внѣшнихъ предписаній. Но такое преимущество не можетъ быть достояніемъ тѣхъ, кто только вступаетъ на путь духовнаго подвига. Для нихъ необходимы внѣшнія нормы и правила, опредѣляющія ихъ жизнь, какъ нужна внѣшняя дисциплина для ребенка и юноши для воспитанія ихъ характера, какъ необходимы подпорки для недостаточно укоренившагося растенія. Подлинно мудрое слово изрекъ одинъ просвѣщенный инокъ, исполненный духовнаго опыта: „Почтимъ благоговѣйнымъ созерцаніемъ свободу дѣйствій древнихъ иноковъ, родившуюся отъ великаго преуспѣванія. Почтимъ ее благоговѣйнымъ уклоненіемъ отъ подражанія ей въ сознаниіи своего недостаточества“.

* * *

Если намъ вообще свойственно оплакивать чело-
вѣка уходящаго изъ міра, прежде чѣмъ онъ раскрылъ
до конца свои дарованія и осуществилъ свое земное
призваніе, то это чувство особенно углубляется тогда,
когда на нашихъ глазахъ преждевременно угасаетъ
жизнь гения.

„Какъ нѣкій херувимъ,“ —

готовы мы сказать тогда съ поэтомъ, —

„Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобы, возмутивъ безкрылое желаніе
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть“.

(Пушкинъ. Моцартъ и Сальери).

* * *

Море — это таинственная безконечная стихія, раз-
стилающаяся передъ нами ясною лазурью и затѣмъ вне-
запно вздымающаяся грозными волнами, море — всегда
дышащее своею мощною грудью, дающее постоянные
приливы и отливы, — есть лучшій образъ невѣрной и
непостоянной человѣческой жизни и вмѣствъ — символъ
безпредѣльной вѣчности. Не потому ли оно такъ при-
тягиваетъ къ себѣ нашу душу, что мы чувствуемъ нѣ-
которое сродство съ этой стихіей, олицетворяющей
судьбу челоѣка на землѣ.

* * *

Подлинное великодушіе измѣряется тѣмъ, насколько
челоѣкъ способенъ смиряться не только передъ
высшимъ или равнымъ себѣ, но и передъ тѣми, кто
стоитъ ниже его.

* * *

Радость не есть только внѣшній придатокъ или
украшеніе жизни, какъ мы обыкновенно думаемъ; она

неотдѣлима отъ послѣдней по самому своему существу. Что человекъ и все живое созданы для счастья, что жизнь и наслажденіе — синонимы, объ этомъ говорить намъ ликующей видъ рѣзнячагося ребенка, веселая игра молодыхъ животныхъ, вдохновенно-восторженное пѣніе соловья и вся чудная симфонія весны, являющаяся свѣтлымъ торжествомъ обновившейся природы. Тамъ, гдѣ нѣтъ полной и цѣлостной жизни, тамъ нѣтъ и совершенной радости. Когда ущербляется или приходитъ въ разстройство первая, тогда исчезаетъ и вторая, вмѣсто которой мы чувствуемъ невольную грусть и томленіе духа.

* * *

Мифъ и легенда часто гораздо глубже воплощаютъ въ себѣ духъ исторіи, чѣмъ самые историческіе факты. Къ ихъ голосу надо прислушиваться всякому, кто хочетъ проникнуть въ судьбы прошлаго.

* * *

Таланты даются людямъ, чтобы свѣтить міру. Поэтому они спѣшатъ возможно раньше проявить себя вовнѣ, какъ-бы боясь потерять время, которое ограничено мѣрою отпускаемою каждому, хотя-бы геніальному смертному. И какъ утенокъ, едва вышедшій изъ яйца, бѣжитъ къ водѣ, такъ и прирожденное дарованіе уже въ дѣтствѣ опознаетъ свое призваніе. Скорѣе другихъ выявляется и зрѣетъ обыкновенно художественное творчество. Моцартъ, будучи только трехъ лѣтъ, началъ играть на клавикордахъ. Листъ съ девяти лѣтъ сталъ выступать публично. Графъ Алексѣй Толстой въ шестилѣтнемъ возрастѣ дѣлаетъ первые поэтическіе опыты, упражняясь въ составленіи стиховъ. Пятнадцатилѣтній Лермонтовъ, написалъ и обработалъ первую редакцію своего „Демона“, а Викторъ Гюго еще на школьной скамьѣ былъ увѣнчанъ Французской Академіей, за одно изъ своихъ юношескихъ произведеній.

* * *

Справедливо сказано, что ни одна великая идея не приходитъ въ міръ безъ жертвъ. Истина всегда идетъ крестнымъ путемъ облеченная въ рубище. Тѣ, которыхъ „не былъ достоинъ весь міръ, скитаются по пустынямъ и горамаъ, по пещерамъ и ущельямъ земли“ (Евр. 11).

* * *

„Можно стучать въ запертую дверь съ молитвою, но съ совѣтами можно войти только въ отверстую“; это изреченіе М. Филарета можетъ послужить хорошимъ предостереженіемъ для тѣхъ, кто не привыкъ считаться съ подобнымъ правиломъ.

* * *

Желая объяснить или оправдать то или другое событіе, особенно такое, за которое мы чувствуемъ себя отвѣтственными, мы нерѣдко говоримъ: „таковъ неотвратимый ходъ исторіи“. На самомъ дѣлѣ ничего неотвратимаго, заранѣе предрѣшеннаго, въ послѣдней нѣтъ. Исторія есть взаимодействіе двухъ свободныхъ волей — воли Божественной и воли человѣческой, причемъ послѣдняя можетъ идти или въ согласіи съ первой или вступить въ борьбу съ нею. Въ зависимости отъ этого и направляется ходъ историческихъ событій; Богъ предоставляетъ намъ свободу дѣйствовать по собственному усмотрѣнію даже тогда, когда оно является убійственнымъ для насъ, никогда однако не переставая руководить общимъ теченіемъ міровой жизни и направляя ее къ наилучшей цѣли.

* * *

Ницета бываетъ нерѣдко безпокойной и назойливой, но не сами ли мы дѣлаемъ ее таковою, заставляя ее усиленно стучать въ закрытыя двери нашего сердца. Особенной чуткости съ нашей стороны требуетъ бѣдность, таящаяся отъ людского взора, которая „копать не можетъ, а просить стыдится“.

* * *

Покровительственную окраску или т. н. защитный цвѣтъ способны принимать не только животныя, по-

винующіяся въ этомъ случаѣ требованію своей природы, но и извѣстный родъ людей, у которыхъ приспособленіе къ средѣ также превратилось въ органическую привычку. Однако послѣдніе могутъ имѣть успѣхъ только у себѣ подобныхъ: другіе знаютъ имъ истинную цѣну и никогда не забываютъ, что хамелеонъ можетъ принимать все цвѣта, кромѣ бѣлаго.

* * *

Въ молодости человѣкъ весь находится во внѣ: онъ пируетъ свѣтлый праздникъ весны и „жить торопится и чувствовать спѣшить“. Множество разнообразныхъ впечатлѣній, развертывающихся предъ нимъ каждый день, не оставляютъ ему времени для того, чтобы обобщить ихъ и сдѣлать изъ нихъ соответствующіе выводы. При приближеніи старости наши мысли сами собою собираются внутрь, и охлажденный умъ начинаетъ подводить итоги пережитаго опыта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ возрастѣ мы начинаемъ упрощать отношенія къ окружающимъ людямъ и это не только потому, что старость по необходимости должна экономить остающійся запасъ силъ, но и потому, что она уже достаточно насыщена жизнью, для нея уже нѣтъ ничего новаго подъ луною, и ея взоръ невольно обращается къ иному міру.

* * *

Никто не далъ себѣ труда составить нашу бытовую философію по пословицамъ. Она была бы чужда всякой идеализаціи и отражала бы народную душу такою, какою она есть въ дѣйствительности, т. е. со всеми ея достоинствами и недостатками. Быть можетъ мы нашли бы въ ней объясненіе многихъ изъ такихъ явленій нашей жизни, предъ которыми мы стоимъ теперь въ безмолвномъ изумленіи.

* * *

Кто не спускался въ глубину униженія, не сгоралъ въ огнѣ страданій, и не заглядывалъ въ лицо смерти,

тотъ не знаетъ многихъ тайнъ бытія и не уразумѣлъ еще истиннаго смысла собственной жизни.

* * *

Насколько Толстой измѣнилъ себѣ во вторую половину своей долгой жизни, когда онъ создалъ собственную религію и собственное евангеліе, въ которомъ по остроумному замѣчанію его друга Б. Чичерина, поставилъ себя на мѣсто Христа, это видно изъ относящейся къ болѣе раннему возрасту молитвы, записанной въ его дневникѣ отъ 13 мая 1854 г.

„Моя молитва: Вѣрую во Единого Всемогущаго и добраго Бога, во возмездіе по дѣламъ нашимъ, желаю вѣровать въ религію отцовъ моихъ и уважать ее.

„Отче нашъ“ и т. д. „За упокой и спасеніе родителей“.

Благодарю Тебя, Господи, за милость Твою, за то, за то, и за то... (при этомъ, вспомни все, что было для тебя счастливаго).

Прошу, внуши мнѣ благія предпріятія и мысли, и дай мнѣ счастья и успѣха въ нихъ. Помоги мнѣ исправиться отъ пороковъ моихъ. Избавь меня отъ болѣзней страданій, ссоръ и униженій. Даруй мнѣ въ твердой вѣрѣ и надеждѣ на Тебя, въ любви къ другимъ и отъ другихъ и съ пользой для ближнихъ жить и умереть. Даруй мнѣ творить добро и избѣгать зла. Но будетъ-ли со мною добро или зло, да будетъ пресвятая воля Твоя. Даруй мнѣ добра истиннаго.

Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй“.

* * *

Въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, въ уста Ап. Павла, влагаются слѣдующія слова: „постыдитесь вы, удерживающіе чужое, подражайте равной для всѣхъ благодати Божіей, и тогда не будетъ ни одного бѣднаго“.

* * *

Жемчужины не плавают на поверхности моря; надо опуститься на дно послѣдняго, чтобы достать ихъ. То же можно сказать и о духовныхъ цѣнностяхъ: онѣ извлекаются изъ сокровенныхъ глубинъ нашего существа, изъ нѣдръ той пучины, которая называется чело-вѣческой душою.

* * *

Многіе способные люди „разбрасываются“ по мѣткому народному выраженію. Они не въ состояніи овладѣть своими силами и возможностями и сосредоточить ихъ на извѣстной идеѣ. Такіе характеры полезно положить подъ прессъ или зажать въ тиски, чтобы они могли дать что-нибудь производительное или полезное для общества.

* * *

Не отъ нашей воли зависитъ обладаніе дарами духа, которые ниспосылаются намъ туне, т. е. безъ всякихъ заслугъ съ нашей стороны: но мы должны быть достойными того сокровища, которое получили. Горе тому, кто носить небесный даръ въ нечистомъ сосудѣ, обращаетъ его на служеніе страстямъ и порокамъ или просто легкомысленно играетъ имъ, какъ ребенокъ многоцѣннымъ алмазомъ. Расточать непроизводительно талантъ такъ же предосудительно, какъ и оставлять его въ пренебреженіи. Еще болѣе преступно глумиться надъ нимъ, извращать его назначеніе и самую природу. Это значить — священный елей выливать кощунственно въ грязь и попирать его ногами.

* * *

Замѣчательно, что первыми поклонниками, родившагося въ міръ Спасителя, явились пастыри, истинныя дѣти природы, которыя могли открыть предъ Нимъ только сокровищницу своего сердца, полного простоты, вѣры и смиренія. Уже значительно послѣ нихъ пришли волхвы съ Востока, насыщенные ученою мудростію, по-

вергшіе предъ Богомладенцемъ вмѣстѣ съ благоговѣйною радостію злато, ливанъ и смирну. Они должны были совершить долгій путь, прежде, чѣмъ достигли Іудеи и даже, находясь уже въ Іерусалимѣ, не сразу могли обрѣсти мѣсто рожденія Царя Іудейскаго. Не говоритъ ли это о томъ, что и простота сердца и глубокая добросовѣстная ученость одинаково ведутъ ко Христу: но первый путь прямѣе, короче и вѣрнѣе второго. Пастырями руководили непосредственно Ангелы, а волхвы „учахуся“ отъ безсловесной звѣзды и чрезъ Ирода отъ книжниковъ и старцевъ Іудейскихъ. Не безъ затрудненій и опасностей достигли они желанной цѣли и не слышали небесной гармоніи, прозвучавшей надъ землей „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чловѣдахъ благоволеніе“.

* * *

Призрачность чувственныхъ наслажденій видна изъ того, что они только на мгновеніе даютъ удовлетвореніе чловѣку, и затѣмъ вызываютъ въ немъ жгучее раскаяніе, соединенное съ отвращеніемъ къ самому предмету своей страсти. Когда сынъ Давида Аммонъ въ порывѣ бурнаго вождельнія дерзнулъ надругаться надъ своею сестрою (отъ другой матери), Тамарью, то онъ тотчасъ же „возненавидѣлъ ее величайшей ненавистью, такъ что ненависть, какую онъ возымѣлъ къ ней, была сильнѣе любви, какою любилъ ее прежде“ (II Цар 14, 25). Такъ поруганная природа отомстила здѣсь сама за себя и дала Аммону почувствовать всю горечь, скрывающуюся на днѣ всякаго грѣховнаго увлеченія.

* * *

„Намекъ о Божественномъ, небесномъ раѣ, заключень для чловѣка въ искусствѣ — потому одному оно выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненія мірскаго: во сколько разъ твореніе выше разрушенія: во сколько разъ Ангелъ одной только чистой невинностью чистой души своей выше

всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны — во сколько разъ выше всего, что есть на свѣтѣ, высокое созданіе искусства... Для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства.

Оно не можетъ поселить ропота въ душу, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу“. Такъ разсуждаетъ Гоголь устами своего художника въ „Портретъ“ о подлинномъ характерѣ искусства. Геніальный провидецъ предчувствовалъ уже заранѣе грядущее буйство мятежныхъ страстей русской души, которыя поставятъ „разрушеніе выше творенія“ и заставятъ всѣ виды искусства — въ томъ числѣ и художественное перо писателя — служить не „успокоенію и примиренію“, а возбужденію „ропота въ душѣ“, и вмѣстѣ братоубійственной вражды и ненависти.

* * *

Было много споровъ о томъ, пессимистично или оптимистично христіанство по своему содержанію. Оно, конечно, не вмѣщается ни въ одну изъ этихъ категорій и стоитъ выше обѣихъ.

Оно оплакиваетъ грѣхъ и зло, низведшіе насъ съ духовной высоты, и въ то же время, торжествуетъ свою побѣду надъ ними: т. е. печаль здѣсь незамѣтно претворяется въ радость, и всѣ противорѣчія жизни разрѣшаются въ чудную гармонію, заключительнымъ аккордомъ которой будетъ служить пѣснь спасенныхъ: „Аллилуія. Спасеніе и слава и честь и сила Господу нашему, ибо истинны и праведны суды Его. Возрадуемся и возвеселимся и воздадимъ Ему славу: ибо наступилъ бракъ Агнца“ (Апок. 19, 1-2-7).

* * *

Что за странное существо это человѣкъ, готовый поставить на карту все, даже собственную жизнь и въ этомъ находить своеобразную прелесть — искушеніе, котораго не знаютъ другія живыя существа на землѣ. Только ему одному легкомысленно хочется бросить свою судьбу, какъ монету, надъ бездною, чтобы потомъ попы-

таться подхватить ее вновь; волненія, сопряженныя съ этимъ рискомъ, составляютъ главную привлекательную силу, такихъ, повидимому, безумныхъ, но заразительныхъ для многихъ, опытовъ. Поэтъ давно уже подмѣтилъ эту странную черту человѣческаго сердца и изобразилъ ее въ извѣстныхъ стихахъ.

Все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизвѣсно наслажденье.

* * *

Ничто не придаетъ такой силы человѣческому слову, какъ „цѣломудріе огромнаго, сдержаннаго великимъ чувствомъ мѣры, идущаго изъ самой глубины сердца, подлиннаго чувства“.

Впечатлѣніе, оставляемое такой рѣчью, прямо пропорціонально той скрытой энергіи, какую она таитъ въ себѣ и которую мы еще болѣе цѣнимъ оттого, что эта клокочущая внутри лава управляется человѣческой волей, не позволяющей ей стихійно прорваться наружу.

* * *

Завершая кругъ своей жизни, человѣкъ снова возвращается къ своему исходному пункту т. е. къ дѣтству.

Уже давно всѣ привыкли сближать старость съ младенческимъ возрастомъ: сходство между ними выражается не только въ общей имъ физической слабости и беспомощности, но и въ ясности и чистотѣ души, которую можно наблюдать у старцевъ и у дѣтей, а также въ непосредственности всей ихъ душевной жизни, въ упрощенномъ отношеніи къ окружающимъ и, наконецъ, въ излишней трудно сдерживаемой словоохотливости.

* * *

Высокому не нужно выдвигаться впередъ: онъ и безъ того виденъ для всѣхъ. Низкорослый, напротивъ,

поднимается на цыпочки и громче другихъ кричить о себѣ, боясь быть не замѣченнымъ окружающими.

Такъ же поступаютъ и дѣти, желающія казаться взрослыми.

Исходя изъ этихъ фатковъ, легко понять, почему малые народы стремятся во что бы то ни стало показать себя великими, и почему вообще національное самолюбіе бываетъ часто обратно пропорціонально дѣйствительному удѣльному вѣсу той или другой народности въ мірѣ.

* * *

Кто хочетъ знать, какъ смотритъ Библія на внѣшнюю человѣческую мудрость, а слѣдовательно и на культуру вообще, поскольку она не стремится стать самоудовлѣющей и не отдѣляется отъ религіи, тотъ пусть читаетъ похвальное слово Соломону, въ третьей книгѣ Царствъ и у Премудраго Сираха: — „И далъ Богъ Соломону мудрость и весьма великій разумъ и обширный умъ, какъ песокъ на берегу моря. И была мудрость Соломона выше всѣхъ сыновъ Востока и всей мудрости Египетской...“ „и изрекъ онъ три тысячи притчей, и пѣсней его было тысяча и пять. И говорилъ онъ о деревьяхъ отъ кедра, что въ Ливанѣ, до иссопа, выростающаго изъ стѣны и о животныхъ и о птицахъ и о пресмыкающихся и о рыбахъ. И приходили отъ всѣхъ народовъ послушать мудрости Соломона отъ всѣхъ царей земныхъ, которые слышатъ о мудрости его“ (3. Цар. IV, -29-34)

„Какъ мудръ былъ ты, (Соломонъ), восклицаетъ восторженно Сирахъ, въ юности твоей и, подобно рѣкѣ, полонъ разума. Душа твоя покрыла землю, и ты наполнилъ ее загадочными притчами; имя твое пронеслось до отдаленныхъ острововъ и ты былъ любимъ за миръ твой; за пѣсни и изреченія, за притчи и изъясненія тебѣ удивлялись страны“ (Сирх. 47-11-19).

„Главное — мудрость, завѣщаетъ онъ самъ своему сыну, приобрѣтай мудрость и всѣмъ умѣніемъ твоимъ приобрѣтай разумъ; высоко цѣни ее и она возвыситъ

тебя; она прославить тебя, если ты прилѣпишься къ ней“ (Притч. VI, 7-8).

* * *

Юность всегда внутренне поетъ и, какъ арфа, струитъ изъ себя тихія и свѣтлыя мелодіи. Она вездѣ ищетъ звуковъ небесъ — откровенія совершенной гармоніи и идеальной красоты — особенно въ человѣкѣ — этомъ вѣнцѣ творенія. Не ея вина если суровая дѣйствительность, разбивая ея мечты, ведетъ ее къ горькимъ разочарованіямъ, и она часто напоминаетъ намъ бабочку, летящую на огонь, чтобы обжечь свои крылья.

* * *

Удивительно, что все въ природѣ стремится къ покою. Только ея царь — человѣкъ — чувствуетъ всегда какое-то безпокойство и тревогу, которая только усиливается по мѣрѣ развитія цивилизаціи. Всегда „мятежный онъ ищетъ бури какъ будто въ буряхъ есть покой“.

* * *

Въ теченіе вѣковъ человѣчество съ жадностью припадаетъ къ доступнымъ ему источникамъ знанія и только для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что оно черпаетъ изъ сокрушенныхъ кладенцовъ, которые не только не удовлетворяютъ его духовной жажды, а скорѣе только распыляютъ ее; чѣмъ болѣе узнаетъ нашъ умъ, тѣмъ яснѣе начинаетъ понимать, что обнять и постигнуть всѣ тайны міра для него значитъ то же, что исчерпать черепкомъ море. Отсюда рождается неудовлетворенность и томленіе духа, которое люди, насыщенные знаніемъ, испытываютъ еще со временъ Екклезиаста: „Вотъ я возвеличился и приобрѣлъ мудрость больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Іерусалимомъ, и сердце мое видѣло много мудрости и знанія. И предалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безуміе и глупость; узналъ, что и это томленіе духа: потому что въ многой мудрости много печали

и кто умножаетъ знаніе — умножаетъ скорбь“ (Еккл. I, 16-18). „Я знаю только, что ничего не знаю“ — признается потомъ Сократъ, подводя итоги своей мудрости, которой до сихъ поръ еще изумляется міръ.

Въ новѣйшее время ему вторитъ Гете устами Фауста. Сознаніе бесплодности своихъ научныхъ и философскихъ изысканій, которымъ послѣдній посвятилъ всю свою жизнь, довело его до отчаянія, и онъ готовъ былъ насильственною рукою прекратить свои мученія, если бы не услышалъ въ послѣдній моментъ хоръ ангеловъ, славословящихъ Воскресеніе Христово.

Глубокій и искренній Карлейль съ какимъ то благоговѣніемъ останавливается предъ необъятною громадой знанія, смиряющей гордыню нашего разума. „Наука много сдѣлала для насъ, пишетъ онъ, но жалка та наука, которая захотѣла бы скрыть отъ насъ всю громаду, глубину, святость нескончаемаго знанія, куда мы никогда не сможемъ проникнуть, и на поверхности котораго знаніе плаваетъ подобно легкому налету. Этотъ міръ, несмотря на все наше знаніе и всѣ наши науки, остается до сихъ поръ чудомъ, удивительнымъ, неисповѣдимымъ волшебствомъ для всякаго, кто задумывается надъ нимъ“ (Карлейль „Герои и героическое въ исторіи“, стр. 11).

Наконецъ, авторъ „Заката Европы“ — Шпенглеръ — этотъ Экклезиастъ нашихъ дней, устами котораго изживающая себя современная культура произноситъ приговоръ надъ самою собою, изрекъ подлинно мудрое и вовсе не скептическое слово, когда сказалъ: „Надо много знать, прежде чѣмъ станешь настолькоъ мудрымъ, что начнешь сомнѣваться въ смыслѣ и цѣнности знанія“ („Закатъ Европы“, стр. 440. Перев. Гарелина).

* * *

Когда человекъ воображаетъ себя чѣмъ-нибудь, онъ легко становится ничѣмъ; когда онъ считаетъ себя ничѣмъ, дѣлается способнымъ стать всѣмъ.

* * *

Уже давно подмѣчено, что маятникъ исторіи имѣетъ свой размахъ, влекущій ее изъ одной крайности въ другую. Лютеръ имѣлъ поэтому право сказать, что „человѣчество подобно пьяному на лошади: когда его подерживаютъ съ одной стороны, онъ валится въ другую“.

* * *

Афоризмъ имѣетъ то преимущество, что выдѣляетъ одну опредѣленную мысль и, давъ ей законченную формулу, ставитъ ее въ фокусъ нашего сознанія. Въ такомъ видѣ она легче воспринимается, всестороннѣе обнимается нами и глубже запечатлѣвается въ нашей памяти, чѣмъ если она составляетъ звено въ ряду другихъ. Такъ дубъ, стоящій одиноко на равнинѣ, представляется намъ гораздо рельефнѣе въ своихъ очертаніяхъ, и ярче запечатлѣвается въ нашемъ представленіи, чѣмъ когда мы видимъ его въ лѣсу, окруженнымъ другими деревьями.

Древняя мудрость считала часто афоризмъ наиболее удобной формой для своего выраженія. Стоитъ вспомнить Книгу Притчей или Премудрости Соломона, состоящихъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ изреченій, не связанныхъ между собою опредѣленною логическою нитью.

* * *

„Тактъ есть умъ сердца“. Къ такому мѣткому опредѣленію, достойному пера Розанова (въ „Опавшихъ листьяхъ“) можно было бы добавить только одно слово, чтобы сказать: „тактъ есть умъ благороднаго сердца“.

* * *

Есть дерзновеніе испытующей мысли, которое присуще было и святымъ. Оно терпѣливо стучится въ двери таинственнаго, пока послѣднія не откроются предъ нимъ, пріобщивъ человѣка къ самымъ первоисточкамъ истинной мудрости. И есть дерзость надменнаго самоутверждающагося человѣческаго ума, стремящагося во

что бы то ни стало уничтожить преграду, отдѣляющую насъ отъ невѣдомаго міра до тѣхъ поръ, пока самъ не разобьется объ эту стѣну.

Попытка похитить силою огонь съ неба никогда не проходитъ безнаказанно для смертныхъ.

Подобно Прометею они приковываются тогда за свою вину къ скалѣ, лишаясь прежней свободы духовнаго полета или, какъ Ницше, низвергаются въ бездну безумія, и сбывается тогда слово Писанія: „Не обратилъ ли Господь мудрость вѣка сего въ безуміе и тѣ, кто называютъ себя мудрыми, обезумѣли“ (I Кар. 1, 20).

* * *

Наша душа есть зеркало, въ которомъ постоянно отражается чудная красота мірозданія.

„Лилія, которою ты любишься, говоритъ одинъ французскій писатель, цвѣтетъ въ твоемъ сердцѣ и душа твоя украшается розами, на которыя ты смотришь“. Вся природа говоритъ намъ о величїи Небеснаго Художника.

Не менѣе явственно вѣщаетъ о Немъ и наше собственное сердце, какъ это поэтически изобразилъ Викторъ Гюго въ слѣдующихъ словахъ: „Когда я прислушиваюсь къ голосу моего сердца — я слышу разговоръ двухъ лицъ; съ душой моей насъ двое: Онъ и я“.

* * *

Въ молитвѣ, какъ и въ духовной жизни, вообще человѣкъ можетъ подниматься на разныя высоты. Св. Ниль Синайскій такъ опредѣляетъ признакъ истинной молитвы: „Когда, стоя на молитвѣ ты будешь выше всякой другой радости, тогда ты истинно обрѣлъ молитву“.

* * *

Великій Шекспиръ давно подмѣтилъ, что одна и та же вещь стоитъ больше или меньше, смотря по человѣку, владѣющему ею.

* * *

Для мудраго человѣка, углубляющагося въ сокровенный смыслъ историческихъ событій и даже въ ходъ обыденной нашей жизни, въ мѣрѣ нѣтъ слѣпого случая. „Слѣпотствующіе зрители міра, по слову Митрополита Филарета, приписываютъ ему собственную слѣпоту“.

То, что принято называть случаемъ, есть на самомъ дѣлѣ „сила невидимая, сокрытая въ дѣйствіяхъ видимыхъ, тѣнь руки Вседержительной, облаченіе Провидѣнія“.

* * *

Стоящимъ на высотѣ немного нужно, чтобы осчастливить другихъ людей. Одна ихъ ласковая улыбка, какъ лучъ солнца, способна оживить тѣхъ, кому они дарятъ ее.

* * *

Одинъ изъ древнихъ христіанскихъ писателей свидѣтельствуемъ, что когда „Оригенъ говорилъ, всѣ казались нѣмыми“.

Существуютъ такіе умы и дарованія, которые подавляютъ насъ своей громадой.

Мы стоимъ въ изумленіи передъ ними, какъ у подножія высокой горы, вершину которой мы никогда не видимъ. Намъ кажется, что она уходитъ въ безконечность.

* * *

„Мы научились какъ побѣждать убѣжденіями разума, такъ и уступать надъ собою законную побѣду“— говоритъ одинъ изъ великихъ учителей Церкви. Многіе ли изъ людей способны на такое великодушіе? Обыкновенно ожесточенные споры рѣдко приводятъ къ побѣдѣ истины, ибо „мнѣнія, по словамъ Дюма, суть гвозди, по которымъ чѣмъ больше бьютъ, тѣмъ болѣе ихъ вколачиваютъ“. Апостоль Павелъ заповѣдуетъ Тимоѣю

не вступать „въ словопренія, что не служатъ къ пользѣ, а къ разстройству слушающихъ“ (II Тим. 11, 14).

* * *

Душу человѣческую можно уподобить океану. Мы въ состояніи изслѣдовать и измѣрить ее только у береговъ, т. е. на ея периферіяхъ — въ области т. наз. психо-физической жизни. Но чѣмъ болѣе мы отходимъ отсюда къ ея сокровеннымъ глубинамъ, тѣмъ труднѣе подходить къ ней съ какой либо опредѣленной мѣрой и числомъ.

Творческая жизнь не укладывается ни въ какія формулы и рамки и не можетъ быть взвѣшена на вѣсахъ точной науки. Здѣсь изслѣдователь долженъ невольно положить печать на уста свои и иззуть сапоги отъ ногъ своихъ, ибо ограниченное здѣсь соприкасается уже съ Абсолютнымъ. Напрасно мы хотимъ проникнуть въ духовную утробу человѣка и видѣть, какъ зарождается и зрѣетъ здѣсь великая мысль. Эта тайна, запечатлѣнная семью печатями, которая также мало понятна намъ, какъ и самому творцу. Послѣдній является загадкой для самого себя. Какъ земледѣлецъ, онъ встаетъ ночью и смотритъ и не знаетъ какъ растеть въ немъ великое зерно, заложенное высшею Творческою рукою.

* * *

Острее cadaго тяжкаго испытанія, посылаемаго намъ свѣше, состоитъ въ томъ, что мы не хотимъ сначала съ смиреніемъ принять его и внутренне боремся съ Богомъ, желая какъ бы сбросить съ себя наложенное Имъ бремя, какъ непокорный волъ хотѣлъ бы сбросить съ себя свое ярмо. Но стоитъ только примириться съ волею Промысла, какъ наша душа успокаивается и легко несетъ иго Христова.

Всякій крестъ, какъ учить насъ христіанская мудрость, состоитъ въ пересѣченіи нашей воли съ волею Божественной. Соедините горизонтальную линію съ вер-

тикальной, т. е. направьте собственную волю по линии воли Божественной, и креста ужъ не будетъ.

* * *

Глубокая скорбь подобна физическому страданію: она приковываетъ нашу мысль всецѣло къ нашему больному мѣсту и тѣмъ разстраиваетъ гармонію душевной жизни, суживая нашъ умственный горизонтъ, притупляя чувство и даже вызывая иногда временно парализовать всѣхъ душевныхъ способностей. Не напрасно печаль уподобляется иногда смерти: какъ могильная крышка, она сдавливаетъ нашу душу, тогда какъ радость расширяетъ ее, какъ объ этомъ неоднократно поетъ въ своихъ псалмахъ пророкъ Давидъ.

* * *

Никакая слава не дается даромъ, за ней всегда есть что нибудь положительное въ человѣкѣ.

„Какъ огненный языкъ,
Она по избраннымъ главамъ летаетъ“.

Если она потомъ иногда легко развѣнчиваетъ ихъ, то не потому, что она капризна, а потому, что ея избранникъ начинаетъ слишкомъ увлекаться ею, считая ее цѣлю въ себѣ. Она бѣжитъ неотступно, какъ тѣнь, только за тѣми, кто презираетъ ее, трудясь ради славы Божіей и ради блага ближнихъ.

* * *

Что такое быть? Какъ показываетъ самое слово, это не случайное явленіе жизни, а то, что бываетъ постоянно, что служитъ обычною принадлежностью нашего даннаго бытія. Подобно тому, какъ отложенія разнаго рода органическихъ веществъ образуютъ т. н. почву, производящую извѣстную растительность, такъ и отложеніе и кристаллизація въ нашей жизни опредѣленныхъ навыковъ, возрѣній и обычаевъ создаютъ быть, то есть духовную почву, изъ которой если не вполнѣ, то

въ значительной степени вырастають тѣ или другія особенности даннаго общества и каждаго человѣка въ отдѣльности. Бытовая среда отъ колыбели питаетъ насъ своими соками и черезъ нихъ входитъ въ составъ нашего духовнаго организма. Она вліяетъ и на цѣлый народъ, способствуя образованію опредѣленнаго національнаго характера и придавая извѣстную устойчивость всей національной жизни.

Бытовые черты воспринимаются нами безсознательно, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ и въ зависимости отъ того, заключаютъ ли онѣ въ себѣ больше добра или зла, могутъ способствовать и повышенію и пониженію нашего духовнаго уровня. Разрушеніе бытовыхъ основъ всегда создаетъ духовный кризисъ т. е. потрясеніе нравственныхъ основъ общества.

* * *

Какъ нѣкоторыя рѣки питаются въ своихъ истокахъ отъ горныхъ высотъ, уходящихъ въ облака своими снѣжными вершинами, и потомъ спускаясь въ долины забываютъ о своемъ первоисточникѣ, такъ и наша душа, почерпая свое лучшее содержаніе отъ духовныхъ вершинъ человѣчества, соприкасающихся съ небомъ, потомъ легко забываетъ объ этомъ и готова приписать себѣ то, что заимствовала у другихъ.

* * *

Вмѣстѣ съ Христомъ въ мірѣ возсіялъ такой блистательный свѣтъ разума, что нынѣшній школьникъ по справедливости является во многомъ мудрѣ Сократа и Платона, и меньшій въ Царствіи Божіемъ возносится выше величайшихъ умовъ дохристіанской древности.

* * *

Чѣмъ объясняются антиноміи нашего дискурсивнаго мышленія? Флоренскій приписываетъ это несовершенству самаго аппарата, при помощи котораго мы производимъ эту работу. Помраченный грѣхомъ нашъ рассу-

докъ напоминаетъ собою зеркало, разбитое на куски, которое не можетъ дать точнаго законченнаго отраженія предмета; послѣдній какъ бы всегда двоится въ нашемъ сознаниі. Только непосредственное интуитивное познаніе и особенно черезъ созерцаніе вѣры — разрѣшаетъ всѣ эти противорѣчія и являетъ намъ міръ въ его цѣлостномъ и подлинномъ видѣ.

* * *

Если бы Лермонтовъ не написалъ ничего другого, кромѣ своего глубокаго философскаго стихотворенія „Ангель“, то и тогда онъ былъ бы достоинъ безсмертія. Здѣсь изображена вѣчная тоска о „Потерянномъ Раѣ“, никогда не покидающая сердце человѣка.

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа“, сказалъ Гоголь, конечно, не отъ своего только имени. Развѣнчанный царь, изгнанный изъ своего отечества, человѣкъ никогда не можетъ забыть того, чѣмъ онъ обладалъ прежде, а потому ходитъ всегда съ поникшею головою.

Только въ пору невиннаго дѣтства передъ нимъ приоткрываются иногда врата Эдема, но, прикоснувшись къ роковому запрещенному плоду, онъ падаетъ и снова изгоняется изъ рая сладости.

Чеховъ такими художественными штрихами изображаетъ это состояніе дѣтской невинности, изъ котораго удаляютъ насъ уже личные сознательные грѣхи.

„О, мое дѣтство, чистота моя! — восклицаетъ одна изъ героинь „Вишневаго сада“. — Въ этой дѣтской я спала, глядѣла отсюда на садъ, счастье просыпалось вмѣстѣ со мною каждое утро, и тогда ужъ онъ былъ точно такимъ, ничего не измѣнилось. Весь, весь бѣлый. О, садъ мой, опять ты молодъ, полонъ счастья, ангелы небесные не покинули тебя. Если бы снять съ груди и плечъ моихъ тяжелый камень, если бы я могла забыть все прошлое!“

У каждаго человѣка есть воспоминаніе о цвѣтущемъ садѣ, куда слетали къ нему ангелы; о счастьѣ, которое просыпалось съ нимъ каждый день; какъ и у каждаго есть тяжелый камень на душѣ, который онъ

хотѣлъ бы сбросить, чтобы возвратить себѣ прежнюю свободу.

Есть одинъ только путь къ возвращенію этого утраченнаго сокровища, указанный тѣмъ же великимъ поэтомъ:

„Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай“.

* * *

Паскаль первый назвалъ человѣка „мыслящимъ тростникомъ“, показавъ тѣмъ и его силу, и его слабость. Кажется, это опредѣленіе больше всего приложимо къ нашей интеллигенціи, издавна склонной считать себя солью земли и свѣтомъ міра за утонченность мысли, какою она всегда гордилась передъ другими, менѣе образованными классами общества. Но оторвавшись отъ корней органической народной культуры, она легко становится тростью, вѣтромъ колеблемой. Слабость, какую наша интеллигенція проявила въ минуту нашихъ великихъ потрясеній, очевидна для всѣхъ: это была расплата за то, что она переоцѣнила значеніе интеллекта (откуда и получила свое наименованіе) за счетъ чувства и воли, безъ которыхъ невозможно никакое творчество жизни.

* * *

Человѣческій гений многограненъ до безконечности, онъ сияетъ безчисленнымъ количествомъ разнообразныхъ лучей. На свѣтѣ нѣтъ двухъ людей, похожихъ одинъ на другого, какъ двѣ капли воды. Въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ нѣчто оригинальное. Соединенія общечеловѣческаго съ личнымъ и индивидуальнымъ даетъ печать особой красоты каждому разумному существу на землѣ.

* * *

Юность даетъ часто пышный расцвѣтъ, но не всегда сдерживаетъ своихъ обѣщаній. Какъ на деревьяхъ

весною, здѣсь оказывается много пустоцвѣта, не дающаго завязи. Подсчетъ плодовъ можно начинать только съ зрѣлаго возраста. Къ старости человѣкъ окончательно кристаллизуется: на этомъ отчасти основанъ ея авторитетъ: она служитъ символомъ вѣчности.

* * *

Языкъ есть непосредственный отпечатокъ души народа и вмѣстѣ его живая исторія. Древне-славянскій лексиконъ выразилъ ясно эту мысль, сдѣлавъ языкъ и народъ синонимами. Языкъ, какъ и всякій организмъ, живетъ, растетъ и увядаетъ. Въ немъ происходитъ постоянно обмѣнъ составныхъ частей; однѣ изъ нихъ старѣютъ и отмираютъ, другія, новыя и свѣжія, вступаютъ на ихъ мѣсто и органически сливаются съ прежде накопленными запасами словъ и понятій. Каждое измѣненіе въ народной психологіи, каждое впечатлѣніе отъ тѣхъ или другихъ событій въ исторической жизни страны непременно оставляютъ свой слѣдъ въ національномъ словооборотѣ. Нашъ могучій, свободный и прекрасный русскій языкъ могъ быть созданъ только великимъ народомъ, имѣвшимъ широкую душу, славное и величественное прошлое. Музыкальность, гибкость и красота нашего народнаго языка не зависятъ только отъ того, что народъ жилъ среди природы, всегда наполненной разнообразными звуками: дыханіемъ вѣтра, завываніемъ бури, шумомъ лѣсовъ, пѣніемъ птицъ, ревомъ звѣрей, а служитъ прежде всего отголоскомъ внутренней гармоніи, отличающей русскую душу. Русская рѣчь запечатлѣла на себѣ пѣвучесть русскаго сердца. Съ тѣхъ поръ, какъ большевизмъ принизилъ, загрязнилъ и раскололъ народную душу, лишивъ ее прежней простоты, цѣльности и благолѣпія, и языкъ нашъ засорился и огрубѣлъ, утративъ свойственную ему возвышенность, плавность и художественность выраженія. Языкъ опустошается и блѣднѣетъ по мѣрѣ того, какъ народъ начинаетъ нищать духовно. Онъ дѣлается грубо плотскимъ и даже почти нечленораздѣльно скотскимъ, если человѣкъ самъ ниспадаетъ до животнаго состоянія.

* * *

Въ физической и духовной природѣ мы нерѣдко наблюдаемъ аналогію.

Первичная истина, подобно протоплазмѣ, имѣетъ свое обыкновенно небольшое основное ядро, изъ котораго вырастають цѣлыя многовѣтвистыя философскія и научныя системы.

* * *

Если принять во вниманіе, что слово культура произошло отъ религіознаго культа и что первоначальныя города — прототипъ послѣдующаго государства (polis Древней Греціи и civitas въ Италіи) были прежде всего религіозными союзами, то отсюда можно заключить, что не только культура, но и цивилизація были порождены, освящены и выпѣствованы религіей. Лафатеръ какъ бы подтверждаетъ это своимъ глубокимъ афоризмомъ: „Религія есть не что иное, какъ геніальность“.

* * *

„Не хвались твоей славой безславной, ты захотѣлъ прослыть лучше ораторомъ, чѣмъ христіаниномъ“ — писалъ Св. Григорій Богословъ Григорію Нисскому, упрекая его за то, что послѣ прекращенія гоненій Юліана онъ оставилъ должность церковнаго чтеца и сталъ опять учителемъ краснорѣчія. Однако, послѣдній скоро снова возвратилъ свой талантъ на служеніе Церкви, которая увѣнчала его за его глубокія творенія наименованіемъ „Умъ“ (nous).

* * *

Сократъ, Платонъ и Аристотель — эта благороднѣйшая генерація величайшихъ умовъ челоуѣчества, всѣ были глубоко вѣрующими, а первые два должны быть названы даже прямо благочестивыми людьми. Нѣкоторые церковные учителя называли ихъ христіанами до Христа, а древняя Церковь, въ знакъ этого, помѣща-

ла иногда ихъ изображенія въ притворѣ своихъ храмовъ. Все ихъ мировоззрѣнiе утверждается на строго религіозномъ основанiи. Молитва была постояннымъ спутникомъ ихъ жизни и оплодотворяющимъ началомъ философской работы ихъ мысли. Сократъ умеръ съ молитвой на устахъ, а Платонъ самъ названный божественнымъ за высоту своего идеалистическаго ученiя ежедневно благодарилъ Небо за то, что жилъ во время Сократа.

* * *

У человѣка нѣтъ болѣе драгоцѣннаго и невознаграждаемаго капитала, чѣмъ время и надо быть подлинно безумнымъ, чтобы непроизводительно расточать его. „Убивать время“ составляетъ такой же грѣхъ предъ Богомъ, даровавшимъ намъ этотъ талантъ для лучшаго употребленiя, какъ и преступленiе предъ нами самими, ибо потерянные дни вливаются въ океанъ вѣчности и не возвращаются къ намъ снова. Впрочемъ, не время течетъ мимо насъ, какъ мы привыкли думать, а скорѣе, наша собственная жизнь течетъ и проходитъ на его неподвижномъ фонѣ. Какъ на сценѣ смѣняются декорации, такъ и на исторической аренѣ проходятъ непрерывной чередой поколѣнiя людей и цѣлыхъ народовъ, уступая мѣсто одни другимъ. Чѣмъ короче срокъ нашего земнаго странствованiя, тѣмъ болѣе надо стараться искупать каждый мигъ отпущеннаго намъ времени, подражая въ этомъ отношенiи древнимъ подвижникамъ, этимъ неусыпнымъ труженникамъ, переходившимъ постоянно отъ молитвы къ чтенiю, отъ чтенiя къ руководѣнiю и другого рода трудамъ и почти не дававшимъ очамъ своимъ сна и вѣждамъ дреманiя. Такъ же дорожили временемъ и другiе люди высокаго духовнаго порядка, проводившіе всѣ свои дни и часто даже ночи въ неустанныхъ занятiяхъ. Ихъ отдыхъ состоялъ только въ перемѣнѣ работы. Такъ Маркъ Аврелій писалъ свои знаменитыя „Размышленiя“ часто на полѣ брани, въ походной палаткѣ. Одинъ извѣстный государственный мужъ, не имѣвшій почти ни одной свободной минуты, пользовался, какъ онъ говорилъ, только обрѣзками своего вре-

мени, чтобы писать своимъ друзьямъ. „У меня нѣтъ времени жить, отказъ отъ радостей жизни —тяжкій налогъ, который я плачу будущему“, сказалъ Бальзакъ, проведшій однажды тридцать безсонныхъ ночей, спѣша окончить одно изъ своихъ произведеній.

* * *

„Человѣкъ суетный, говоритъ Блаженный Августинъ, непрестанно расточаетъ драгоцѣнное время и ратуетъ на Провидѣніе. Онъ постоянно находится подъ вліяніемъ внутренней борьбы и сердце его обуреваемо тысячами разнородныхъ страстей. Привязанный къ жизни, онъ тѣмъ не менѣе расточаетъ время, которое какъ будто обременяетъ его; то вдругъ начинаетъ сожалѣть о томъ времени, которое протекло...

Онъ избѣгаетъ скуки, но скука, какъ будто прикованная къ его пятамъ, неотступно преслѣдуетъ его во все продолженіе его жизни. Такимъ образомъ Господь, какъ Премудрый Отецъ, даруетъ внутреннюю радость тѣмъ, кто умѣетъ пользоваться временемъ и скуку посылаетъ въ наказаніе тѣмъ, которые не цѣнятъ времени, расточаютъ его по пустому...“

* * *

Многіе ли изъ христіанъ, часто равнодушныхъ къ своей религіи, знаютъ, что даже Магометъ преклонялся передъ нею и убѣждалъ ихъ неуклонно держаться Евангелія, какъ основы ихъ земного благополучія и источника вѣчнаго блаженства.

„О, если бы люди писаній (т. е. имѣющіе откровеніе) вѣровали и боялись Бога, читаемъ мы въ Коранѣ, то Мы непременно очистили бы ихъ отъ злыхъ дѣлъ и ввели ихъ въ рай сладости и если-бы они твердо держались закона и Евангелія, то непременно жили бы въ изобиліи“ (въ подлинникѣ „ѣли бы сверху и изъ подъ ногъ“).

„О вы, получившіе писаніе, вы не будете имѣть твердаго основанія дотолѣ, пока не станете въ точно-

сти слѣдовать закону и Евангелію и тому, что ниспослано вамъ отъ Господа Вашего“ (гл. 5, ст. 72).

Не нужно быть богословомъ, чтобы, перелистывая Коранъ, гдѣ такъ часто упоминаются имена древнихъ патріарховъ и пророковъ, а также и Иисуса, сына Маріи, посланнаго подтвердить прежнія откровенія и законъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что ученіе Ислама есть не что иное, какъ „затемненное христіанство“.

Не тѣми ли отблесками евангельскаго свѣта, которые горятъ донинѣ во мракѣ мусульманской религіи, обьясняется относительная жизненность послѣдней, держащей въ своей власти значительную часть Востока. Исламъ — единственная религія, родившаяся съ оружіемъ въ рукахъ, однако ея сила нынѣ, конечно не въ вещественномъ мечѣ, а въ заимствованномъ изъ Библии ученіи о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, безсмертіи души и загробномъ воздаяніи, которое питаетъ сердца милліоновъ людей, даже въ томъ отдаленномъ и искаженномъ преломленіи, въ какомъ мы его находимъ въ Коранѣ.

* * *

Одинъ изъ величайшихъ созерцательныхъ умовъ христіанства, Св. Григорій Богословъ былъ въ то же время и религіознымъ поэтомъ. Его стихи большею частью насыщены лирическимъ настроеніемъ. „Изнуренный болѣзнию — пишетъ онъ — находилъ я въ стихахъ отраду, какъ престарѣлый лебедь, пересказывающій самъ себѣ звуки крыльевъ“.

Одновременно своими поэтическими произведеніями, онъ хотѣлъ дать „молодымъ людямъ“ и всѣмъ, которые болѣе всего любятъ „словесное искусство, какъ бы пріятное врачество, нѣчто привлекательное, въ убѣжденіи къ полезному“.

* * *

Основа религіознаго чувства въ смиреніи передъ Высочайшимъ Существомъ. Это не есть пассивное и отрицательное чувство — своего рода духовное самоупражнение, какъ думаютъ нѣкоторые.

Напротивъ, смиреніе есть творческое начало жизни. Уничтожаясь какъ бы предъ Богомъ въ сознаниіи своего недостойнства, вѣрующій человекъ въ Немъ же находитъ высшее раскрытіе и утвержденіе своей личности. Всевышній никогда не остается въ долгу у человека. Когда послѣдній повергаетъ на Его алтарь самую свободу своего разума, какъ высшую жертву, какую онъ можетъ принести своему Творцу и Богу разумовъ, тогда Господь сейчасъ же возвращаетъ ему этотъ высшій богоподобный даръ очищеннымъ, просвѣтленнымъ, углубленнымъ и подлинно свободнымъ.

Посмотрите, какою широтою духовнаго и умственнаго полета обладаютъ духоносные отцы и учителя Церкви стяжавшіе истинную свободу во Христѣ.

„Какъ духовные, они могутъ судить обо всемъ“ (1 Кор. 11 15), тогда какъ естественный геній нерѣдко чувствуетъ свою связанность, или, прямѣе сказать, ограниченность. Біографы Гете говорятъ, что онъ хотѣлъ написать необыкновенную поэму „Ахиллъ“, чтобы затмить Гомера, однако оказался безсиленъ осуществить свой гордый замыселъ. Извѣстно также, какъ слабъ и даже жалокъ былъ Толстой въ своихъ философскихъ построеніяхъ, а также въ вопросахъ чисто практической жизни.

* * *

Пѣніе и музыка вообще имѣютъ гораздо болѣе глубокой смыслъ и значеніе, чѣмъ это принято думать. Это подлинный языкъ природы, которымъ говоритъ все живое и человекъ, и животныя, и птицы, и пресмыкающіяся. Ребенокъ выражаетъ звуками голоса свои желанія и чувства прежде, чѣмъ овладѣваетъ членораздѣльной рѣчью. Послѣдняя даже на высшихъ степеняхъ своего развитія, должна пользоваться музыкой голоса, извѣстнаго рода интонаціями, придающими художественную выпуклость словамъ. Сколько есть такихъ глубинъ душевной жизни, какія остаются невыразимыми для слова и это всегда служитъ для насъ источникомъ терзаній. Какъ часто острая печаль изливается въ рыданіяхъ и вопляхъ, а радость въ восторженныхъ во-

скличаніяхъ или пѣніи, только потому, что ихъ трудно передать словомъ. О разгнѣванномъ человѣкѣ мы говоримъ иногда, что онъ рычитъ, какъ левъ. Кто не знаетъ, какъ терзаютъ нашъ слухъ музыкальные диссонансы, рѣжущіе насъ какъ бы по самому сердцу. Съ другой стороны, возвышенная музыка способна приподнять и взволновать нашъ духъ гораздо больше, чѣмъ самая краснорѣчивая рѣчь. Она не только питаетъ наши чувства, но и возмуждаетъ мысль. Всѣмъ извѣстно, какая глубокая философія воплощена въ музыкѣ Вагнера. Не значить ли это, что музыка, и особенно пѣніе, какъ говоритъ Карлейль, „есть лишенная членораздѣльныхъ звуковъ изъ какой-то глубины исходящая рѣчь, которая увлекаетъ насъ на край безконечности и держитъ здѣсь нѣсколько мгновеній, чтобы мы заглянули въ нее“. Въ ней всегда есть какая то мистическая сила, способная настроить нашу душу на тотъ или другой ладъ, смотря по ея содержанію. Слѣдующіе два примѣра, засвидѣтельствованные Библіей, могутъ служить иллюстраціей этой мысли.

„Когда духъ отъ Бога бывалъ на Саулѣ, то Давидъ, взявши гусли, игралъ, и отраднѣе и лучше становилось Саулу и духъ злой отступалъ отъ него“ (1 Цар. 16, 23). Царь Израильскій Іоарамъ, Іудейскій Іоасафать и царь Эдомскій, предпринявшіе общій походъ противъ Моавитянъ, просили пророка Елисея открыть имъ волю Божію относительно исхода войны. „Позовите мнѣ гуслиста, — сказалъ пророкъ — и когда гуслистъ игралъ на гуслихъ, тогда рука Господня коснулась Елисея“ (4 Цар. 3, 15, 16).

Молитва — это высшее выраженіе человѣческаго духа на землѣ, нерѣдко стремится воплотить себя въ стройныхъ музыкальныхъ звукахъ, которые не только служатъ для нея прекрасной одеждой, но и являются крыльями, возносящими ее къ небесамъ, гдѣ никогда не смолкаетъ ликующее пѣніе — этотъ постоянный языкъ ангеловъ.

Если бы такая же гармонія царила на землѣ, какъ въ горнемъ мірѣ, то здѣсь также немолчно раздавались бы хвалебные гимны Творцу міровъ и самая человѣческая рѣчь напоминала бы музыку, какую мы теперь

отчасти слышимъ въ устахъ простаго народа, у дѣтей и чистыхъ юношей, а равно у всѣхъ счастливыхъ и умиротворенныхъ душою людей.

* * *

Когда Св. Равноапостольный Князь Владиміръ уподобляется „купцу, ищущему добраго бисера“, то это сравненіе въ примѣненіи къ нему получаетъ особенно глубокой смыслъ. Какъ мудрый пріобрѣтатель, онъ долго искалъ подлиннаго чистаго драгоценнаго бисера, испытывая разныя религіи, пока не обрѣлъ его въ восточномъ православіи. Онъ опредѣлилъ достоинство этого жемчуга по признаку его красоты. Въ послѣдней открылась для его словъ и для него самого преимущество Православной вѣры, и это, конечно, не было только воспріятіемъ внѣшней эстетики, которой такъ богата была Византія, давшая въ своемъ искусствѣ синтезъ лучшихъ художественныхъ достиженій Востока и Запада, а прежде всего, красоты духовной, которая сіяла изъ подъ внѣшнихъ формъ величественнаго византійскаго церковнаго искусства. И въ церковномъ пѣніи, и въ иконописи, и въ архитектурѣ Православной церкви есть особый ритмъ, служащій отраженіемъ вѣчной небесной гармоніи. Церковнымъ мастерамъ надо было утончать не только свое дѣло, но и самый духъ, чтобы подняться на высоту, подслушать тамъ небесную музыку и низвести ее на землю. Запечатлѣнная во всемъ нашемъ церковномъ благолѣпіи, она донинѣ служитъ непосредственнымъ откровеніемъ истины православія. Ея языкъ гораздо понятнѣе для всѣхъ, чѣмъ языкъ отвлеченныхъ богословскихъ понятій и черезъ нее прежде всего осуществляетъ нынѣ свою міровую миссію Православная Церковь.

* * *

Бѣдность, какъ и богатство, одинаково могутъ служить источникомъ искушенія для человѣка. Если богатство ведетъ къ надменности и самодовольству, то бѣдность, которую еще Платонъ назвалъ началомъ раб-

ства, не будучи сама по себѣ порокомъ, можетъ надломить и поколебать твердость его духа, послѣ чего легко открывается путь къ паденію и пороку.

Зная это, ветхозавѣтный мудрецъ просилъ у Господа только хлѣба насущнаго, о которомъ намъ заповѣдано просить и въ молитвѣ Господней: „нищеты и богатства не давай мнѣ — питай меня насущнымъ хлѣбомъ, дабы, пресытившись, я не отрекся отъ Тебя и не сказалъ: кто Господь и, чтобы обѣднѣвъ, не сталъ красть и употреблять имя Бога моего всуе“ (Прем. 30, 9).

* * *

Мы всѣ привыкли идеализировать древнее время, думая, что тогда великіе люди и героическіе подвиги встрѣчались чаще, чѣмъ теперь Спенсеръ полагаетъ, что „это представленіе должно быть отнесено къ вліянію исторической перспективы. Какъ въ ряду колоннъ, размѣщенныхъ въ равномъ разстояніи, наиболѣе отдаленныя отъ насъ кажутся наиболѣе близкими между собою, такъ и выдающіяся явленія прошедшаго кажутся тѣмъ болѣе близкими одно къ другому, чѣмъ болѣе они удалены отъ насъ“.

Однако, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что съ распространеніемъ демократическихъ и особенно социалистическихъ идей, общественная почва стала менѣе пригодна для культуры великихъ людей; какъ экзотическія растения, они нуждаются въ заботливомъ уходѣ за собою и соответствующей имъ духовной атмосферѣ. Геній по природѣ своей индивидуаленъ. „Ты царь, — говоритъ о немъ Пушкинъ — живи одинъ“. „Дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ“. Тамъ, гдѣ его мысль захотятъ насильственно заключить въ прокрустово ложе предвзятыхъ теорій, или подвести ее подъ общіи демократическій уровень, геній неизбѣжно увядаетъ.

* * *

„Прекрасное должно быть величаво“, но и „величавое должно быть прекраснымъ“, т. е. прежде всего

чистымъ и свѣтлымъ. Преступный и аморальный человекъ не можетъ быть названъ героемъ, хотя бы онъ творилъ великія дѣла. Разсуждая о нравственномъ образѣ Наполеона, Толстой справедливо возмущался тѣми историками, для которыхъ „величіе какъ будто исключаетъ мѣру хорошаго и дурного“. „Для насъ, — говоритъ онъ — съ данной намъ Христомъ мѣрой хорошаго и дурного, нѣтъ неизмѣримаго. И нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды“.

* * *

Идеаль христіанства такъ высокъ, свѣтель и всеобъемлющъ, что предъ нимъ не можетъ не преклониться всякій непредубѣжденный умъ и всякое благородное сердце. — Но гдѣ мы видимъ воплощеніе его въ дѣйствительной жизни?— спрашиваютъ маловѣрные или злонамѣренные люди. — Не такова ли судьба всякаго идеала вообще?— можно отвѣтить имъ. Онъ, какъ солнце, сіяетъ надъ нашей головой, озаряя нашъ жизненный путь, и человечество лишь постепенно приближается къ нему, поднимаясь со ступени на ступень. „Царство Божіе и правда Его — справедливо говоритъ одинъ богословъ — являются пока историческою реальностью только во Христѣ Исусѣ. У насъ же они утверждаются не простымъ исповѣданіемъ идеальныхъ доктринъ, а жизненнымъ преображеніемъ въ процессъ благодатнаго возрастанія. По мѣрѣ того, какъ мы прививаемся ко Христу, какъ вѣтвь къ виноградной лозѣ, мы все болѣе и болѣе возрастаемъ духовно, пока не настанетъ день, когда откроется новое небо и новая земля, и Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Это и будетъ время полного осуществленія Царства Христова, обѣщаннаго намъ въ Евангеліи.

* * *

„Въ человекѣ болѣе всего „божественно“ то, что онъ можетъ благотворить — пишетъ Св. Григорій Богословъ. Ты можешь стать Богомъ, ничего не сдѣлавъ, не пропуская случая ко благотворенію“.

* * *

„Мѣриломъ человѣческаго закона, справедливо говорить Тома Аквинатъ — должно служить согласіе его съ справедливостью, чрезъ которое обнаруживается, что послѣдній вытекаетъ изъ вѣчнаго закона. Отклоняясь отъ справедливости, законъ утрачиваетъ свою силу. Онъ даже перестаетъ тогда быть закономъ, и превращается скорѣе въ одинъ изъ видовъ насилія“.

* * *

Всякій, кому суждено жить на переломѣ исторіи, обязанъ дать отчетъ въ томъ, что онъ видѣлъ, грядущимъ поколѣніямъ. Это сознание породило обильную мемуарную литературу нашихъ дней. Справедливо говорить, что современники не могутъ дать правильной прагматической исторіи своей эпохи, потому что она была бы слишкомъ субъективна и лишена должной перспективы. Однако, никакой историкъ не можетъ возсоздать потомъ картины отшедшей жизни, если у него не будетъ матеріала, оставленнаго ему, въ видѣ записей и воспоминаній живыми свидѣтелями минувшихъ событій. Черезъ эти человѣческіе документы онъ входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ данной эпохой, дышитъ ея воздухомъ, проникается ея духомъ и чрезъ то передаетъ живое біеніе ея пульса, а не одинъ сухой скелетъ фактовъ.

* * *

Гоголь долго искалъ правды на землѣ, и, не найдя ея здѣсь, устремилъ свой взоръ на небо. Какъ истинный христіанинъ, онъ распялся для міра, отвергся земной славы и частью самого своего таланта. И именно въ этотъ періодъ своей жизни, когда онъ поднялся на такую нравственную высоту, онъ самъ отвергнуть былъ міромъ, т. е. обществомъ, потерявшимъ съ нимъ общій языкъ. Какъ и всѣ пророки, онъ остался одинокимъ среди людей, но его великіе завѣты не были забыты ни русскимъ народомъ, вообще, ни его литературными

потомками. Онъ породилъ цѣлое поколѣніе русскихъ писателей и поэтовъ, поставившихъ своею задачею не только изображать жизнь, какъ она есть, льстя низменнымъ вкусамъ развращеннаго общества, а напротивъ, поднимать его на высоту и служить духовному обновленію человѣчества. Отъ него идетъ, какъ золотая нить, нравственная и религіозная традиція нашей литературы, строгой, совѣстливой и гуманной, нашедшая свое наилучшее выраженіе особенно въ твореніяхъ Толстого и Достоевскаго; пусть Западъ не понимаетъ ея духа, видя въ немъ проявленіе какого-то юродства; это доказываетъ только то, что мудрое въ очахъ Божіихъ, дѣйствительно, кажется безуміемъ для міра.

* * *

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ.
Но, позабывъ свое служенье
Альтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?

Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

(Пушкинъ „Чернь“).

Почему не вспомнить эти вдохновенныя слова поэта противники монашества, пытающіеся отрицать его значеніе съ точки зрѣнія практической пользы или плохо понятаго альтруизма. Будучи высшимъ проявленіемъ духовной культуры, иноческій подвигъ имѣетъ не менѣе правъ на свое существованіе, чѣмъ поэзія; послѣдняя также кажется праздною и бесплодною забавой для сыновъ вѣка сего, привыкшихъ все взвѣшивать на вѣсахъ узкаго утилитаризма, или просто грубаго матеріализма.

Если поэтъ, „слуха котораго коснулся божественный глаголь, тоскуетъ въ забавахъ міра, людской чуждается молвы“, „если служеніе музъ не терпитъ суеты“, то тѣмъ менѣе можетъ терпѣть послѣднюю душа

инока, всецѣло устремленная къ горнему міру. Подвижникъ конечно, гораздо болѣе, чѣмъ поэтъ, есть „небесъ избранникъ“. Его призваніе — созерцать Вѣчный Божественный Ликъ, какъ „вождедѣнную красоту“, по слову Василія Великаго, и жить въ атмосферѣ высокаго „вдохновенія, звуковъ сладкихъ и молитвъ“, которыми великіе иноки питали и воспитывали весь міръ.

Пушкинъ самъ испыталъ на себѣ благотворное вліяніе сосредоточенной уединенной жизни, просвѣтляющей душу и углубляющей мысль. Объ этомъ онъ краснорѣчиво говоритъ въ своемъ извѣстномъ обращеніи къ Чаадаеву, описывая дни своего бессарабскаго изгнанія.

Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ объ нихъ.
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденія...
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышлений,
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ дружень умъ.
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ.

Не менѣе ярко опозитизировалъ онъ свою Михайловскую пустыню, въ которой часто спасался отъ шумнаго свѣта и гдѣ углублялись родники его творческаго генія въ то время, когда онъ оставался наединѣ съ самимъ собой и съ своимъ дарованіемъ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Приютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья...
Я здѣсь отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учусь въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить...
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ.
Въ уединеніи величавомъ
Слышнѣ вашъ отрадный гласъ,
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

У безмолвной пустыни есть свой поучительный языкъ, что хорошо выяснилъ одинъ вдумчивый англичанинъ, въ своей недавно изданной книгѣ „The wisdom of desert“ („Мудрость пустыни“).

Не для того ли подвижники уходили въ вертепы и пропасти земли, чтобы имѣть свободный духъ, чтобы „въ истинѣ блаженство находить“ и внимать вѣчнымъ небеснымъ глаголамъ, которые становятся слышнѣе въ „уединеніи величавомъ“.

Вся тварь тамъ открывается взору инока въ сіяніи вѣчной гармоніи, отзвукъ которой мы слышимъ въ восторженномъ гимнѣ, вложенномъ въ уста Іоанна Дамаскина гр. А. Толстымъ:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубя небеса.

„Все окружающее меня, — говоритъ о себѣ одинъ странникъ, написавшій замѣчательную исповѣдь своего сердца, — представлялось мнѣ въ исключительномъ видѣ: деревья, травы, птицы, земля, воздухъ, свѣтъ: все какъ будто говорило мнѣ, что существуетъ для человѣка, свидѣтельствуется любовь Бога къ человѣку и все молится, все воспѣваетъ славу Богу“. Удаляясь отъ міра тѣломъ, инокъ не отдѣляется отъ него духомъ, ибо „монахъ есть тотъ, по слову Нила Синайскаго, который, отъ всѣхъ удаленный, пребываетъ въ духовномъ общеніи со всѣми и въ каждомъ человѣкѣ видитъ самого себя“.

Если міръ не можетъ уразумѣть истиннаго смысла монашества, то очевидно, только потому, что „объ этомъ надо судить духовно“ (I. Кор. 2. 14).

Бэконъ несомнѣнно хорошо понималъ значеніе подобнаго мѣрила, когда сказалъ: „для низшихъ добродѣтелей у толпы есть похвала, для среднихъ — удивленіе, для высшихъ — никакого чутья“.

Монашество, стремящееся воплотить въ полнотѣ идеаль нравственной христіанской жизни, есть подлинно соль земли, которая быть можетъ одна спасаетъ послѣднюю отъ полного разложенія. Оно не уничтожаетъ

ничего истинно человеческого въ людяхъ, но только возвышаетъ, очищаетъ и облагораживаетъ человеческую душу. Оно всегда напоминаетъ міру, что Богъ одинъ долженъ быть краемъ, т. е. цѣлью нашихъ желаній и нашимъ утвержденіемъ. Сколько осталось истиннаго монашескаго настроенія на землѣ (которое можетъ, конечно, проявляться иногда и въ условіяхъ мірской жизни), сколько осталось здѣсь истинной духовности, истинной религіозности и истинной человѣчности.

* * *

Каждое дерево познается по его плодамъ. Свѣтскіе люди, посѣщающіе наши лучшіе общежительные монастыри, нерѣдко съ изумленіемъ останавливаются предъ высокимъ благоустройствомъ не только ихъ внутренней, чисто духовной, но и внѣшней культурной жизни. Какъ объяснить, спрашиваютъ они, что удаленные отъ міра иноки такъ легко усвоятъ завоеванія современной техники и культуры вообще? Откуда родятся таланты въ пустынѣ? Гдѣ почерпаютъ свою мудрость и утонченный вкусъ тѣ, которыхъ образованіе часто не возвышается надъ уровнемъ простой грамотности? Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ самой природѣ истинной монашеской жизни. Постоянное самоуглубленіе изоцряетъ душевныя способности инока; молитва очищаетъ и проясняетъ его мысли, приводитъ въ гармонію его разумъ, чувства и волю и открываетъ въ немъ источники творчества, присущаго каждому человѣку. Вѣра, для которой все возможно, усугубляетъ его естественныя дарованія. Смирненіе убиваетъ самодовольство, служащее всегда источникомъ умственнаго и нравственнаго застоя, и заставляетъ неустанно стремиться впередъ. Послушаніе превращаетъ трудъ въ нравственный подвигъ, что дѣлаетъ его особенно производительнымъ. Отсутствие борьбы за личное существованіе и всякой личной собственности заставляетъ думать всѣхъ только объ умноженіи общей сокровищницы, откуда каждый получаетъ все необходимое для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Наконецъ, общая гармонія внѣшней и внутренней жизни и постоянное созерцаніе небесныхъ красотъ воспиты-

ваетъ въ инокѣ чувство изящнаго, которое онъ отпечатлѣваетъ на всѣхъ дѣлахъ рукъ своихъ и даже на самой окружающей его природѣ.

При видѣ всѣхъ этихъ особенностей внутренняго быта общежительныхъ монастырей, нельзя не признать, что только въ такой жизни, отрѣшенной отъ міра, мы находимъ примѣръ наиболѣе совершеннаго общественнаго порядка на землѣ, котораго напрасно домогаются современные политики и соціологи.

* * *

„Не будь строгимъ судьей тѣхъ, которые словами учатъ о великихъ добродѣтеляхъ, когда видишь, что сами они къ благому дѣянію лѣнны; ибо недостатокъ дѣла часто восполняется пользою онаго ученія. Мы не всѣ стяжали все въ равной мѣрѣ; нѣкоторые имѣютъ превосходство болѣе въ словѣ, чѣмъ въ дѣлѣ, а у другихъ, напротивъ, дѣло сильнѣе слова“ (Лѣств. гл. 26).

Въ этихъ разсужденіяхъ Св. Іоанна Лѣствичника заключается нѣкоторое утѣшеніе для служителей слова, если они не исполняютъ сами всего того, къ чему призываютъ другихъ. Учительство само по себѣ вмѣняется имъ въ заслугу. Подвизаясь ради братій своихъ и ближнихъ своихъ, чтобы указать имъ правильный путь жизни, они, въ силу тѣсной связи людей между собою, возмѣщаютъ тѣмъ недостатокъ собственной добродѣтели.

Эта мысль, конечно, не можетъ поколебать вѣчнаго слова Вѣчнаго Учителя: „иже сотворить и научить, сей велій наречется въ Царствіи Небеснѣмъ“ (Мѡ. V, 19).

Люди, у которыхъ дѣло сопутствуетъ слову, навсегда останутся лучшими наставниками человѣчества.

* * *

Леонтьевъ, этотъ аристократъ духа по преимуществу, горячо возставалъ противъ демократизаціи или „смѣсительнаго упрощенія“ общества, видя въ этомъ признакъ упадка и разложенія культуры. Ту же мысль развиваетъ и Густавъ ле Бонъ въ своей книгѣ „Науч-

ныя основы философіи исторіи“. „Упадокъ народа, — пишетъ онъ — сказывается въ возвращеніи къ формамъ коллективизма. Цивилизація идетъ на убыль, когда личность опять пускаютъ „пасть въ стадо“.

* * *

Вся философія Николая Кузанскаго основана на ученіи о „мудромъ невѣдѣніи“, которое приводитъ къ „сверхраціональному“ познанію подлинной реальности вообще и прежде всего абсолютной реальности — Бога. Къ сожалѣнію, теперешнимъ людямъ не достааетъ „даже мудрости на то, какъ говоритъ Св. Григорій Богословъ, чтобы сознать свое невѣжество“.

* * *

Мы живемъ въ вѣкъ поддѣлокъ. Онѣ преслѣдуютъ насъ всюду. Предъ нами постоянно выявляютъ себя не только фальшивая красота, неискреннія рѣчи, лицемѣрные поступки, но и поддѣльные авторы — это подлинное знаменіе нашихъ дней. Они не стыдятся ставить свои имена подъ чужими произведеніями, чтобы только стяжать себѣ такимъ образомъ литературное имя.

* * *

Жизнь человѣка такъ коротка сравнительно съ вѣчными запросами его духа, что каждый, умирая, готовъ воскликнуть: „вкушая, вкусихъ мало меда и се азъ умираю“ (I Цар. 14, 43).

Одинъ изъ греческихъ мудрецовъ, Фемистоклъ, прожилъ до 107 лѣтъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ, по словамъ Иеронима, сказалъ, „что ему жаль разстаться съ жизнью въ то время, когда онъ только что началъ быть умнымъ“.

* * *

„Славенъ міръ Божій вокругъ насъ — пишетъ Лонгфелло, — но еще болѣе славенъ міръ Божій въ

насъ самихъ“. Его можно видѣть однако только очищеннымъ умомъ и умиротвореннымъ благодатнымъ сердцемъ. Тотъ, кто обладаетъ такимъ зрѣніемъ, по слову Исаака Сирина „и видѣніемъ души своей увеселяется, и удивляется красотѣ своей, которая во сто кратъ свѣтлѣе свѣтлости солнечной.

Это — Иерусалимъ и Царство Божіе, сокровенное внутри насъ, по слову Господа“.

* * *

Извѣстный поэтъ Гумилевъ, умученный, подобно А. Шенье, революціей, въ бесѣдѣ съ другимъ нашимъ писателемъ, изрекъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Я не понимаю, какъ человѣкъ, пережившій революцію, можетъ остаться безъ Бога. То есть, я не въ томъ смыслѣ, чтобы, какъ принято, искать Бога“.

„Что же искать, когда мы Имъ достигнуты и каждую минуту чувствуемъ себя въ Его рукѣ? Поздно. Онъ Самъ нашелъ насъ“.

Есть міръ, есть Богъ, они живутъ во вѣкъ, —
пишетъ онъ, какъ бы свою предсмертную исповѣдь —

А наша жизнь мгновенна и убога.
Но все въ себѣ вмѣщаетъ человѣкъ,
Который любитъ міръ и вѣритъ въ Бога.

* * *

„Всѣ человѣческіе законы питаются единымъ божественнымъ закономъ“ (Гераклитъ).

* * *

У святыхъ любовь къ Богу всегда превозмогала всѣ земныя привязанности.

„Боюсь вашей любви, писалъ Игнатій Богоносецъ Римлянамъ, уже обреченный на закланіе — чтобы не повредили мнѣ; не дѣлайте для меня ничего, кромѣ того, чтобы я пожренилъ былъ Богу...“

Прошу васъ, не имѣйте ко мнѣ неумѣстной привязанности“.

* * *

Несоизмѣримо духовное величіе человѣка, сравнительно съ его скудельнымъ тѣлеснымъ сосудомъ. Каждый изъ насъ, чрезъ свое сознание, вмѣщаетъ въ себѣ какъ бы всю вселенную. „Я лежу, сжавшись въ комокъ — читаемъ въ одномъ мѣстѣ у Л. Андреева, и весь помѣщаюсь на двухъ аршинахъ пространства, а мысль моя обнимаетъ міръ. Глазами всѣхъ людей смотрю и ушами ихъ слушаю“.

Но именно здѣсь то подстерегаетъ человѣка большая нравственная опасность. Охватывая свою мысль весь міръ, онъ готовъ возомнить себя владыкою вселенной, въ отношеніи которой онъ является на самомъ дѣлѣ лишь ничтожной песчинкой. Гордый помыслъ — это величайшее искушеніе для всѣхъ ученыхъ и мыслителей: вращаясь въ области отвлеченныхъ идей, они мнятъ себя съ этой высоты особой духовной расой, призванной руководить и повелѣвать другими и царствовать надъ міромъ.

Таково свойство нашего разума: онъ всегда „кичитъ“, по слову апостола, и потому часто вводитъ насъ въ заблужденіе, тогда какъ любовь „созидаетъ“ вездѣ и въ самой области познанія.

Здѣсь невольно вспоминаются быть можетъ нѣсколько острия, но часто оправдывающіяся въ жизни, слова сербскаго поэта Шайковича въ его поэмѣ „Новый Пророкъ“ —

Въ разумѣ діаволь находитъ господство
И увлекаетъ отъ истины вдаль,
Сердцемъ лишь только дается познанье
Истины вѣчной, Добра и Красы.

* * *

Когда Св. Ѳекла хотѣла послѣдовать за своимъ учителемъ Апостоломъ Павломъ, онъ возбранилъ ей, — сказавъ: „никто не идетъ съ невѣстою на брань“.

* * *

Извѣстно, что міръ, разсматриваемый съ высоты птичьяго полета, кажется намъ гораздо красивѣе, чѣмъ вблизи, когда мы непосредственно соприкасаемся съ нимъ. Гете очевидно хотѣлъ выразить эту мысль въ своихъ стихахъ: „Человѣкъ охотно наслаждается на картинѣ тѣмъ, что раздражаетъ въ жизни“.

* * *

Блаженный Августинъ говоритъ, что „наша душа и тѣло подобно двумъ взаимно недовольнымъ супругамъ съ различными нравами, живутъ въ постоянномъ разладѣ, пока находятся вмѣстѣ и приходятъ въ отчаяніе, если принуждены разлучаться“.

* * *

Румынская Королева Марія, написавшая въ трехъ томахъ исторію своей жизни („The Story of my life“), которую одинъ изъ рецензентовъ считаетъ „лучшею книгою, когда-либо написанною лицомъ королевской крови въ какой-либо странѣ“, — исповѣдуетъ въ ней „чудные воистину пути Божіи, великіе и страшные“, — проявившіеся во дни минувшей войны въ судьбахъ Румыніи и въ ея собственной жизни.

Заключая свой трудъ, она говоритъ, что люди, однако только въ сказкахъ, послѣ пережитыхъ бѣдствій остаются „счастливыми потомъ навсегда“. Въ жизни же обыкновенно не бываетъ такъ, и царственная писательница заканчиваетъ свою біографію словами Екклесіаста, который „зналъ все относительно скорбей царей“: „это тяжкое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы упражняться въ немъ. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подл солнцемъ, и вотъ все — суета и томленіе духа“ (Еккл. I, 13-14).

* * *

Окружное посланіе папы Пія XI *Quadrojesimo Anno*, изданное по случаю сорокалѣтія со времени опубликованія извѣстной буллы Льва XIII *Regum novarum*, является несомнѣннымъ знаменіемъ нашего времени. Католическая Церковь продолжаетъ идти по пути, проложенному Львомъ XIII, захотѣвшимъ взять современное соціальное движеніе въ руки Церкви.

Поставивъ своею цѣлью возстановленіе общественнаго порядка въ полномъ соотвѣтствіи съ евангельскими заповѣдями, Пій XI не скрываетъ трудности этой задачи, для успѣшнаго разрѣшенія которой нужно „перерожденіе современнаго человѣчества во Христѣ“. „Если нужно найти цѣлебное средство для человѣческаго общества, повторяетъ онъ слова Льва XIII, то пусть ищутъ его только въ возвращеніи къ христіанской жизни и къ ея установленіямъ“.

Онъ сожалеетъ, что современныя государства недооцѣниваютъ грозной опасности отъ коммунизма, и высказывается рѣшительно не только противъ него, но и противъ соціализма, считая его во всѣхъ его видахъ несомвѣстимымъ съ „завѣтами Вселенской Церкви“.

„Пусть помнятъ они (защитники соціализма), что отцомъ этого соціализма, стремящагося проникнуть въ нравы и культуру, былъ либерализмъ, а его наслѣдникомъ будетъ большевизмъ“.

* * *

Углубляясь въ изученіе міровой жизни, современная біологія невольно идетъ навстрѣчу религіи. Нынѣшніе естествовѣды обращаютъ особое вниманіе на два явленія въ жизни природы: законъ цѣлесообразности и фактъ постояннаго творчества, къ которымъ сводится жизнь каждаго отдѣльнаго организма.

„Цѣлесообразность въ природѣ и особенно въ устройствѣ организмовъ поражаетъ всякаго наблюдателя, пишетъ въ своемъ трактатѣ „Наука и этика“ профессоръ Метальниковъ. Какъ будто какая-то разумная сила участвовала въ устройствѣ организма. Всякая мельчайшая частица организма, всякій органъ играетъ нуж-

ную и опредѣленную роль, имѣющую значеніе для всего организма“.

Съ другой стороны, въ природѣ наблюдается безконечное разнообразіе формъ и варіацій.

„Можно безъ преувеличенія сказать, что въ природѣ не существуетъ двухъ совершенно подобныхъ формъ, какъ не существуетъ двухъ подобныхъ поступковъ или проявленій организма. И это индивидуальное творчество, которое является причиной этихъ безконечныхъ варіацій, есть только небольшая частичка общаго мірового творчества, которое мы называемъ эволюціей“.

Духовная природа живого организма, безъ которой были бы необъяснимы подобныя явленія есть „такая же реальность, какъ матерія и ея законы“.

Такъ биологія чисто научнымъ методомъ приводитъ насъ къ „признанію Творческаго Разума, управляющаго дѣятельностью человѣка и животныхъ (Труды IV сѣзда Русскихъ Академическихъ организацій за границей ч. I стр. 241, 248, 249) и истинная наука снова говоритъ въ унисонъ съ религіей.

* * *

Однѣ изъ самыхъ блестящихъ и вдохновенныхъ страницъ, какія есть у Карлейля въ его „Герои и героическое въ исторіи“, посвящены возвеличенію писателя и книги, запечатлѣвающей въ себѣ „душу“ прошлыхъ вѣковъ и „открывающей эру чудесъ“.

Вмѣстѣ съ Фихте онъ готовъ считать писателя „пророкомъ“ и даже „священникомъ, раскрывающимъ во всѣ вѣка людямъ смыслъ божественнаго: писатели это — непрекращающееся жречество изъ вѣка въ вѣкъ, поучающее всѣхъ людей, что Богъ неизмѣнно присутствуетъ въ ихъ жизни, что вся внѣшность, все что мы видимъ въ мірѣ представляетъ обличіе „божественной идеи міра“, одѣяніе того, что „лежитъ въ основаніи внѣшности“: онъ — свѣтъ міра, міровой пастырь; онъ руководитъ людьми, подобно огненному священному столбу въ ихъ объятomъ мракомъ странствованіи по пустынямъ времени“ (стр. 220, 221, 225).

Такъ великій Пушкинъ всегда какъ бы священно-
дѣйствовалъ въ минуты творчества и называлъ вдохно-
веніе — „праздникомъ Бога“, поэзію — „святой“ и
самого себя — „жрецомъ“ и „пророкомъ“.

О если бы всѣ современные писатели такъ же глу-
боко и свято понимали свое призваніе и такъ же высоко-
держали свое отвѣтственное знамя! Къ сожалѣнію, среди
нихъ преобладаютъ тѣ, сердца коихъ не касается „боже-
ственный глаголъ“, которыхъ тотъ же Фихте считаетъ за
это „фальшивыми писателями“ или „жалкими кропателя-
ми“, относя ихъ къ небытію. Они наполняютъ книж-
ный рынокъ своею фальшивою и гнилою литерату-
рою, которая причиняетъ величайшій вредъ современ-
ному обществу, отучая его отъ серьезной и здоровой
умственной пищи.

Страшенъ и загадоченъ мрачный ликъ революціи. Разсматриваемая со стороны своего внутренняго существа, она не вмѣщается въ рамки исторіи и не можетъ быть изучаема наряду съ другими историческими фактами. Своими глубочайшими корнями она уходитъ за предѣлы пространства и времени, какъ это установилъ еще Густавъ ле Бонъ, считавшій ее ирраціональнымъ явленіемъ, въ которомъ дѣйствуютъ какія то мистическія потустороннія силы.

То, что могло казаться сомнительнымъ прежде, то стало совершенно очевиднымъ послѣ Русской революціи.

Въ ней всѣ почувствовали, какъ выразился одинъ современный писатель, предѣльное воплощеніе абсолютнаго зла въ человѣческомъ обликѣ; другими словами, здѣсь ясно обнаружилось участіе дьявола — этого отца лжи и древняго противника Божія, пытающагося сдѣлать человѣка своимъ послушнымъ богоборческимъ оружіемъ.

Исконная борьба зла съ добромъ, тьмы со свѣтомъ, сатаны съ Богомъ и составляетъ глубочайшую нравственную основу революціи, ея сокровенную душу и главную цѣль. Все остальное — что обычно характеризуетъ ее, т. е. политическіе и социальныя перевороты, разгулъ кровавыхъ страстей, есть только внѣшнія послѣдствія или средства этой борьбы; они относятся къ ней такъ же, какъ стрѣлки на часовомъ циферблатѣ къ движущей ихъ скрытой отъ насъ пружинѣ.

Революціонный процессъ проходитъ черезъ всю исторію міра.

Первый актъ этой великой драмы имѣлъ мѣсто въ глубинѣ небесъ, когда тамъ произошло возмущеніе противъ Творца въ средѣ безплотныхъ духовъ, а эпилогъ ея изображенъ огненными красками на страницахъ Апокалипсиса.

Падшій Денница первый зажегъ огонь революціи въ мірѣ. Объ этомъ мы читаемъ у Пророка Исаи:

„Какъ упаль ты съ неба, Денница, сынъ зари! А говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду на небо, выше звѣздъ Божіихъ, вознесу престолъ мой и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ: взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Вышнему“ (Ис. XIV, 12-14). Онъ увлекъ за собою „третью часть звѣздъ“, т. е. небесныхъ воинствъ; противъ нихъ возсталъ Михаилъ Архангелъ съ прочими безплотными силами и низринулъ ихъ съ неба (Апок. XII, 7-9). Слово Божіе не даетъ намъ подробнаго изображенія этой небесной брани, картину которой попытался нарисовать при помощи поэтическаго воображенія въ своемъ „Потерянномъ Раѣ“ Мильтонъ. Онъ изображаетъ всѣ моменты этого возстанія типическими чертами революціоннаго мятежа.

„Хоть я измѣнился по внѣшнему блеску, говоритъ Вельзевулъ, но я не измѣнилъ твердой мысли и гордаго негодованія, сознающаго гордое достоинство; оно-то и побудило меня поспорить съ Сильнѣйшимъ и увлекло въ ожесточенную борьбу несмѣтныя силы вооруженныхъ духовъ“.

„Онъ, Властитель надъ всѣми, продолжаетъ Денница, обращаясь къ своимъ темнымъ силамъ, будетъ сидѣть по царски, а мы, рабы Его, принуждены будемъ покрывать алтарь Его цвѣтами амброзій и за нихъ же воскурять Ему благовонный ѳиміамъ“.

„Онъ, самодержавно царствующій на небѣ, сидѣлъ на престолѣ своемъ, охраняемый лишь привычкою, уваженіемъ и согласіемъ своихъ подданныхъ. Къ чему намъ раболѣпствовать, если мы можемъ господствовать“.

„Прощайте, счастливыя небесныя поля, гдѣ вѣчно обитаетъ радость! Да здравствуетъ вѣчная тьма. Прими того, кто приноситъ съ собой непреклонный духъ...“

Низринутый за свою дерзость съ Неба, сатана не только не смирился передъ Творцомъ, но еще болѣе укрѣпился въ чувствѣ богопротивленія. Онъ постарался вовлечь въ эту печальную борьбу и перваго человѣка, возстановивъ его противъ своего Создателя. Отравленные навсегда ядомъ гордыни, прозвучавшей для нихъ въ словахъ „будете яко боги“, потомки Адама никогда уже не могли сами исцѣлиться отъ этой опасной болѣзни. Сатана незримо разжигалъ въ человѣкѣ этотъ

губительный духъ самоутвержденія, побуждающій его сопротивляться своему Творцу.

Вавилонское столпотвореніе было первымъ открытымъ вызовомъ, который человѣчество осмѣлилось бросить Небу. Наказанное за свою дерзость, оно также не смирилось до конца.

Вся послѣдующая исторія ветхозавѣтнаго міра становится продолженіемъ той же борьбы человѣка съ Богомъ, которой не чуждъ былъ и избранный народъ Израильскій, какъ мы это ясно видимъ изъ Библии и особенно изъ писаній пророческихъ.

Похоть богопротивленія въ скрытомъ видѣ продолжала существовать и послѣ пришествія на землю Христа Спасителя, примирившаго людей съ Богомъ и давашаго имъ ощутить снова радость богосыновства.

Появленіе гуманизма, попытавшагося вывести человѣка изъ подчиненія Божественному Авторитету, чтобы объявить его существомъ самодовлѣющимъ и секуляризовать всю культуру, выросшую на христіанскихъ корняхъ, знаменуетъ собой новый моментъ въ развитіи и углубленіи этой вѣковой драмы.

Революція всегда приходитъ съ соблазномъ свободы и притомъ съ свободой абсолютной, божественной, обѣщаніе которой звучало въ словахъ искусителя: „будете, яко божи“. Революція всегда находитъ для себя пищу въ этой неумирающей иллюзіи человѣчества, за увлеченіе которой послѣднее всегда платилось такою дорогою цѣною.

Духъ гуманистической свободы, проникшій въ нѣдра Католической Церкви, произвелъ здѣсь потрясающую революцію, извѣстную подъ именемъ реформаціи. Отъ ея огня воспламенилась вскорѣ первая глубокая политическая и частію соціальная революція въ Англіи. Она носила въ себѣ въ зародышѣ всѣ типическія разрушительныя черты послѣдующихъ революцій, но религиозные истоки этого движенія, желѣзная рука Кромвелля и исходный здравый смыслъ англійскаго народа, сдержали эту буйную стихію, не давъ ей развиться до конца.

Съ тѣхъ поръ, однако, общественный воздухъ въ Европѣ навсегда былъ отравленъ революціонными бактеріями.

Французская почва, вздѣланная руками Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, оказалась наиболѣе восприимчивой для революціонныхъ сѣмянъ, и они расцвѣли здѣсь пышнымъ цвѣтомъ къ концу XVIII вѣка, породивъ такъ называемую Великую Французскую революцію. Тѣсная генетическая связь ея съ англійской революціей не подлежитъ никакому сомнѣнію, но каждый народъ даетъ, конечно, свое воплощеніе революціоннымъ идеаламъ. Въ противоположность Англій, здѣсь не было ничего сдерживающаго для разразившейся общественной бури, а, напротивъ, все способствовало ея скорѣйшему распространенію.

Во Французской революціи, какъ въ зеркалѣ, отразился легкомысленный характеръ этого народа, его стремленіе къ позѣ, къ красивымъ фразамъ и жестамъ, вдохновляемое суетнымъ тщеславіемъ. Всѣ герои и рядовые дѣятели этой революціи — даже наиболѣе умѣренные и серьезные изъ нихъ — жирондисты — напоминаютъ актеровъ, стоящихъ предъ лицомъ многочисленныхъ зрителей и думающихъ только о томъ, что скажутъ о нихъ современники и потомки. Они предавались оргіямъ наканунѣ казни, чтобы показать тѣмъ мнимое мужество духа. Многие изъ нихъ старались рисоваться даже на эшафотѣ, который былъ для нихъ послѣдней сценой въ этомъ мірѣ.

Никто изъ нихъ не думалъ объ отвѣтственности передъ Богомъ, передъ исторіей или своей совѣстью въ этотъ роковой для страны моментъ.

При такомъ настроеніи общества, революція изъ средства превратилась въ цѣль, въ кумирь, которому поклонялась вся нація. Увлекаемая инерціей собственнаго движенія, она, какъ ураганъ, неудержимо неслась впередъ и, постепенно углубляясь, превратилась въ страшное смѣшеніе богохульства, жестокости, крови, разврата и коллективнаго безумія, которое ея вожди напрасно пытались прикрыть громкими лозунгами: свободы, равенства и братства. Увы, рядомъ съ этими красовавшимися повсюду высокими словами, возвышалась „святая гильотина“, ставшая ненасытнымъ молохомъ, которому приносилось въ жертву безчисленное множество невинныхъ жизней. Читая повсюду „Братство или

смерть“ — Шамфоръ невольно воскликнулъ: „Это братство Каина!“ Скоро эту роковую истину понялъ весь міръ и если вначалѣ за развитіемъ французской революціи съ любопытствомъ слѣдили даже такіе серьезные умы, какъ Кантъ и Гете, то потомъ она уже не внушала Европѣ ничего, кромѣ отвращенія и ужаса.

Французская революція ясно показала міру, что ея стремленія не ограничивались только ниспроверженіемъ существующаго государственнаго и соціальнаго устройства; она присвоила себѣ болѣе широкую миссію мірового масштаба и прежде всего объявила себя самодовлѣющимъ началомъ жизни, провозгласивъ особую революціонную мораль, революціонное правосудіе и т. п. Она отвергла вѣчные законы Творца, чтобы поклониться человѣческому разуму и его одного сдѣлать законодателемъ жизни. Робеспьеръ, воплотившій въ себѣ до конца кровавый обликъ революціи, достигшей при немъ своего зенита, впервые понялъ, однако, все безуміе состязанія человѣка съ Богомъ и потому попытался вновь „декретировать“ поклоненіе Высочайшему Существо, сдѣлавшись самъ его первымъ жрецомъ.

Однако, эта жалкая пародія на религію не могла спасти ни его самого, ни революцію. Послѣдняя, какъ Сатурнъ, продолжала безжалостно пожирать ея собственныхъ дѣтей, пока желѣзная рука Наполеона не вырвала у нея ея жала. Однако, духъ ея не умеръ и послѣ того, какъ этотъ страшный пожаръ погасъ, наконецъ, во Франціи. Онъ сдѣлался величайшимъ соблазномъ для человѣчества, которое не переставало оглядываться на эти кровавыя огненные страницы французской исторіи, получившія для многихъ какую то роковую притягательную силу.

Широкое культурное вліяніе Франціи, которое издавна она оказывала на Европу, еще болѣе облегчало распространеніе революціонныхъ идей. Русское образованное общество особенно увлеклось ими съ тѣхъ поръ, какъ наши офицеры принесли ихъ на концахъ своихъ штыковъ послѣ своего побѣдоноснаго похода въ Парижъ.

Всякая революція зарождается въ умахъ и постепенно электризуетъ разные общественные слои, начи-

ная скорѣе съ верхнихъ. Ея подпочвенная работа продолжается до тѣхъ поръ, пока сопротивленіе власти и наиболѣе крѣпкой общественной среды не ослабѣетъ и тогда она, какъ подземная вода, съ шумомъ прорывается наружу. Это и случилось у насъ послѣ неудачной для насъ великой войны, когда надломленный и утомленный ею народный организмъ уже не въ состояніи былъ противостоять этой бурной разрушительной стихіи, давно уже глухо хлокотавшей подъ землею.

Русская революція есть одно изъ самыхъ сложныхъ явленій, какія когда либо были въ исторіи. Она соткана изъ самыхъ разнообразныхъ стихій. Тутъ есть и прямое подражаніе французской революціи, въ идеяхъ которой воспитывался цѣлый рядъ поколѣній нашей интеллигенціи; и мессіаниззмъ западниковъ, безпощадно осуждавшихъ русскій политическій и общественный строй и разочаровавшихся потомъ въ „буржуазно-мѣщанской“ Европѣ; и апоѳеозъ Россіи у славянофиловъ, считавшихъ ее свѣтомъ для міра, съ ея идеаломъ вселенскаго братства; и исконная неутолимая жажда полной правды на землѣ у простого народа; и всегдашній неудовлетворенный земельный голодъ послѣдняго; и анархія умовъ, водворившаяся въ Россіи подъ вліяніемъ отрицательной проповѣди Толстого, а также разнаго рода буревѣстниковъ, декадентовъ и т. п.; и глубокое потрясеніе русской души огненными образами глубиннаго зла у Достоевскаго; и огромная энергія, развитая великой войной и искавшая себѣ выхода послѣ разочарованія въ послѣдней; и русскій максимализмъ вообще, не умѣющій нигдѣ и ни въ чемъ останавливаться на полдорогѣ и легко переходящій въ нигилизмъ; и отголоски смуты, а также Разинскаго и Пугачевскаго возстаній, въ которыхъ проявился русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный, какъ результатъ буйнаго настроенія русской души въ минуту ея крайняго возбужденія. Все это смѣшеніе оказалось заквашеннымъ чуждымъ намъ матеріалистическимъ марксизмомъ и потому дало такое неожиданное и бурное броженіе, превратившее солнце въ тьму и луну въ кровь, создавшее повсюду смятеніе и ужасъ и сдѣлавшее Россію страшнымъ позорищемъ для всего міра.

Въ нашей революціи, конечно, не менѣе характер-

ныхъ національныхъ чертъ, чѣмъ во Французской, но если заглянуть въ ея сокровенную душу, то мы увидимъ здѣсь тотъ же міровой революціонный процессъ, вступившій въ новую стадію своего развитія.

Русская революція смѣлѣе, чѣмъ какая либо изъ предшествующихъ ей, выступила со своей всемірной миссіей и съ углубленной радикальной программой. Ея идеологи не хотѣли видѣть въ ней только повтореніе „классическихъ образцовъ“, всегда кончавшихся компромиссомъ. Она съ самаго начала поставила своей задачей отреченіе отъ стараго міра и созданіе абсолютно новаго строя общественной жизни — съ новыми идеалами и новыми методами общественнаго строительства. Ея цѣлью было не только открыть новую страницу въ міровой исторіи, но совершенно порвать связь съ послѣдней и создать новую землю съ новымъ человѣкомъ, апофеозъ котораго она поставила въ центръ своей догмы. Исходя изъ принципа, что „пагосъ разрушенія есть пагосъ созиданія“, она съ яростію фуриі устремилась на весь прежній политическій общественный и нравственный порядокъ жизни, желая сокрушить его до основанія.

Тутъ сказалась исконная максималистическая русская дилемма: „Все или ничего“, или лучше сказать — „все или долой все“.

Замѣчательно, что не только Нечаевъ — этотъ „разрушитель“ по преимуществу, но и идеалистъ Герценъ съ какимъ то демоническимъ сладострастіемъ предвкушалъ эту картину общаго крушенія, которое должна принести съ собою русская революція.

„Или вы не видите... — говоритъ онъ... — новыхъ варваровъ, идущихъ разрушать. Они готовы, они, какъ лава, тяжело шевелятся подъ землею внутри горъ. Когда настанетъ ихъ часъ, Геркуланумъ и Помпея исчезнутъ, хорошее и дурное, правый и виноватый, погибнутъ рядомъ...“

„Что выйдетъ изъ этой крови — кто знаетъ; но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія погибнетъ міръ, тѣснящій новаго человѣка, мѣшающій водвориться буду-

щему — и это прекрасно, а потому да здравствует хаосъ и разрушеніе, и да водворится будущее!“

Увы! Пророчество это исполнилось во всей своей ужасающей силѣ.

Варвары пришли — чтобы исполнить свою роковую миссію — и всѣ стихіи смѣшались въ кровавомъ хаосѣ.

Все, что почиталось высокимъ, святымъ, добродѣтельнымъ, или просто честнымъ, благоприличнымъ, культурнымъ въ человѣческой жизни — все было попрано и поругано ихъ жестокою рукою, и мерзость запустѣнія водворилась повсюду.

Въ разгарѣ бѣшенства мести и раздора, хорошее и дурное, правый и виноватый погибали рядомъ. Вино смѣшалось съ кровію и моремъ человѣческихъ слезъ на этомъ пиру Ирода. Никогда еще человѣческое достоинство не попиралось такъ грубо и безжалостно, никогда еще человѣкъ не падалъ такъ низко и не былъ такъ отвратителенъ въ своей звѣриной разнузданности, какъ въ эту мрачную эпоху. „Для тѣла — насиліе, для души — ложь“: этотъ нечаевскій принципъ вполне былъ воплощенъ въ жизнь, сдѣлавшись главною основою дѣятельности большевиковъ.

Всякая революція есть величайшій соблазнъ, которымъ пользуется духъ злобы, чтобы увлечь за собою не только отдѣльныхъ людей, но цѣлый народъ. Въ ней всегда повторяются въ большей или меньшей степени, всѣ три вида искушеній, съ которыми Сатана приступалъ къ Богочеловѣку въ пустынѣ. Въ исторіи русской революціи они выступаютъ яснѣе, чѣмъ въ какой либо другой. И чѣмъ больше было дано русскому народу, чѣмъ выше было его признаніе, тѣмъ глубже было его паденіе.

Первое искушеніе, съ которымъ революція приступила къ нему, былъ соблазнъ хлѣбомъ, т. е. царствомъ общей сытости, равномѣрнымъ распредѣленіемъ земныхъ благъ между людьми, призракомъ земного рая, гдѣ не будетъ нуждающихся и обездоленныхъ. Ради этой чисто земной цѣли онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ вѣчныхъ духовныхъ идеаловъ, которыми жилъ въ теченіе вѣковъ.

Второй соблазнъ призывалъ русскій народъ отвергнуть путь постепеннаго, основаннаго на нравственномъ подвигѣ, улучшенія общественной жизни и сразу сдѣлать чудесный скачокъ въ царство свободы, равенства и братства, которымъ Россія должна была удивить весь міръ, и третій — самый страшный изъ всѣхъ — состоялъ въ призывѣ отречься отъ Бога и поклониться Его исконному противнику сатанѣ, чтобы при помощи послѣдняго легче овладѣть всѣми царствами міра. Уже простой здравый смыслъ показывалъ, какъ опасно и призрачно по существу каждое изъ этихъ искушеній, но революціонная психологія всего менѣе совѣтуется съ здравымъ смысломъ. Русскій человѣкъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ максимализмомъ, не задумался броситься въ бездну, какъ Эмпедокъ въ кратеръ Этны, чтобы прослыть, подобно ему, божествомъ; въ своемъ безуміи онъ дерзнулъ вступить въ борьбу съ самимъ Богомъ, и не символически, а реально поклонился сатанѣ. Послѣдній настолько овладѣлъ его душой, что въ разгаръ революціи мы увидѣли на Русской землѣ полную картину злой одержимости, или того бѣснованія, о которомъ такъ много говоритъ намъ Евангеліе.

Впрочемъ въ появленіи и утвержденіи безбожнаго матеріалистическаго коммунизма на Русской почвѣ есть своя діалектика.

Наша радикальная интеллигенція, отойдя отъ Церкви, унесла съ собою изъ христіанства высокія начала любви и состраданія къ меньшей братіи и тѣсно связанную съ ними идею жертвенности, свободы, равенства и братства.

Изъ этого нравственнаго матеріала они хотѣли создать новый общественный порядокъ на землѣ, но уже безъ религіознаго основанія. Однако чисто гуманистическое міровоззрѣніе, какъ доказалъ это историческій опытъ, не можетъ служить твердой базой для человѣческой жизни, ибо оно само всегда кажется какъ бы висящимъ въ воздухѣ — между небомъ и землей. Большевики поняли это своимъ чутьемъ и, увлекаемые тягою земли, рѣшили всецѣло на ней утвердить свое царство. Они не задумались отбросить всѣ идеалистическія традиціи и предпосылки своихъ предшественниковъ и

смѣло пошли за К. Марксомъ, подведя подъ свое коммунистическое зданіе матеріалистическій фундаментъ. Погрузившись всецѣло въ земную стихію, они естественно оказались во власти духа земли и князя вѣка сего. Послѣдній не замедлилъ провозгласить для нихъ чрезъ ихъ же собственныхъ оракуловъ новый законъ, который не могъ быть инымъ, какъ противоположнымъ Синайскому и Евангельскому законодательству.

Если прежде было сказано: „Азъ есмь Господь Богъ Твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене“, то теперь появились, именно, иніи бози и воздвиглись кумиры, которымъ поклонились безбожные коммунисты.

Отмѣнены были 4 и 5 заповѣди о почитаніи праздниковъ, установленныхъ Церковію, а также родителей и старшихъ, вообще.

Вмѣсто предписаній — „не убивать, не красть, не прелюбодѣйствовать, не лжесвидѣтельствовать, не желать чужого добра“ — появились новыя противоположныя правила, обратившія прежніе пороки и преступленія въ революціонныя добродѣтели.

Неудивительно, что всѣ живые ростки жизни иссохли на Русской землѣ отъ злобы живущихъ въ ней, и она превратилась въ преддверіе самого ада.

Сатана уже не пытался болѣе облекаться въ образъ ангела свѣта для оболъшенія людей и обнажилъ свое гнусное лицо — лицо звѣря, — отъ котораго содрогнулся міръ. Онъ повелъ тысячи людей на открытый бой съ Всемогущимъ Творцомъ міра. Воинствующее безбожіе стало основнымъ пунктомъ программы большевизма. Небо поистинѣ должно было ужаснуться отъ той неистовой хулы, какая неслась къ Нему съ Русской земли.

„Россія есть цѣль революціи!“ — воскликнулъ нѣкогда Бакуининъ. „Ея наибольшая сила тамъ развернется и тамъ достигнетъ своего совершенства. Высоко и прекрасно взойдетъ въ Москвѣ созвѣздіе революціи изъ моря крови и огня и станетъ путеводною звѣздою для всего освобожденнаго человѣчества“.

И дѣйствительно пройдя послѣдовательно въ трехъ европейскихъ странахъ три стадіи своего развитія, духъ революціи, кажется, здѣсь достигъ своего совершенства,

проявившагося въ безпримѣрномъ по ожесточенію сатанинскомъ богоборчествѣ, въ садической жестокости и ужасающей безнравственности, а взошедшее въ Москвѣ созвѣздіе революціи изъ моря крови и огня освѣтило не картину земного рая, а царство рабства, голода и смерти, пожавшей миллионы жертвъ и превратившей значительную часть Россіи въ пустыню. Иначе и не могло быть. Путь Антихриста вездѣ обозначается страданіемъ и смертію.

Тѣмъ, кто не взирая на все это, продолжаетъ идеализировать до сихъ поръ революцію — это страшное чудовище съ окровавленными руками, съ лицомъ, искаженнымъ злобою и адскимъ хохотомъ, съ глазами, полными наглого безстыдства, съ какимъ она попираетъ все божественное въ человѣкѣ, — тѣмъ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, почаще вспоминать характеристику, которую даютъ ей ея старые идеологи. „Революція есть варварскій способъ прогресса“ — сказала нѣкогда извѣстный французскій социалистъ Жоресъ, написавшій 12 томовъ исторіи французской революціи. Еще краснорѣчивѣе приговоръ о ней, сдѣланный тѣмъ же Бакунинымъ, въ минуту духовнаго просвѣтленія: „Кровавыя революціи, — пишетъ онъ — благодаря людской глупости, становятся иногда необходимыми, но все-таки онѣ зло и великое несчастье не только въ отношеніи къ жертвамъ своимъ, но и въ отношеніи къ чистотѣ и полнотѣ той цѣли, для которой онѣ совершаются... Роковымъ образомъ случается, что послѣ массовыхъ убійствъ, революціонеры должны придти къ меланхолическому выводу, что они ничего не выиграли и что они собственными руками подготовили торжество реакціи“.

„Гордая и святая свобода!“ — писалъ 30 апрѣля 1791 года Руссо Императрицѣ Екатеринѣ II. „Если бы жалкіе люди могли уразумѣть тебя, если бы они знали, какой цѣной ты покупаешься и сохраняешься, если бы они чувствовали, что законы твои неизмѣнныя тяжкаго ига тирана, — слабыя ихъ души, увлекаемыя страстями, страшились бы тебя во сто разъ болѣе рабства, или бы съ ужасомъ бѣжали отъ тебя, какъ отъ громады, которая готова раздавить тебя“. Послѣдующее свидѣтель-

ство якобинца Карно, уже прошедшаго до конца тернистый путь свободы во время французской революціи, только подтверждает этотъ приговоръ Руссо, основанный болѣе на интуиціи, чѣмъ на живомъ опытѣ. „Для того ли явлена человѣку свобода, чтобы онъ никогда не могъ отъ нея вкусить. Вѣчно протягивая руку къ этому плоду, онъ будетъ пораженъ смертью“. Если добавить сюда предсмертную исповѣдь Жанны Роланъ передъ Статуей Свободы, мимо которой ее везли на казнь: „О, свобода! Сколько преступленій творится въ твое имя“ — то станетъ понятнымъ, насколько опасно то искушеніе неограниченной свободы, какимъ революція влечетъ къ себѣ въ теченіе вѣковъ человѣчество.

Съ этими старыми „классическими“ свидѣтельствами о подлинномъ обликѣ революціи вполне совпадаетъ отзывъ о ней нѣкоторыхъ нашихъ современныхъ мыслителей, напр. профессора Бердяева.

„Всѣ большія революціи — пишетъ онъ въ своей извѣстной книгѣ „Философія неравенства“ — имѣютъ неотвратимое теченіе: всѣ были яростны, злобны, мстительны. Во всѣхъ революціяхъ побѣждали самыя крайнія теченія, во всѣхъ революціяхъ отрицалась свобода и искажался образъ человѣка. Революція не идиллія, никогда революціи не были прекрасными и добрыми, никогда не торжествовали въ нихъ лучшія стороны человѣческой природы. Всѣ революціи будили темную и злую стихію въ человѣкѣ, древній Хаосъ. Никогда не были революціи разумны. Никогда не приносили онѣ радости и не давали того освобожденія, о которомъ мечтали предшествующія поколѣнія...“ „Революція есть рокъ народовъ и великое несчастіе“, говоритъ онъ въ другой своей книгѣ „Новое Средневѣковье“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всякая революція приходитъ по линіи наименьшаго сопротивленія, что зло усиливается въ мірѣ лишь тогда, когда ослабѣваетъ сопротивленіе добра, что какъ и всякое другое искушеніе, революція несетъ въ себѣ жестокое возмездіе тѣмъ, кого соблазняетъ.

Однако, все это не можетъ дать ей даже малѣйшаго нравственнаго оправданія. Ее нельзя разсматривать, какъ Провиденціальную историческую Немезиду,

мстящую правительству и обществу за грѣхи прошлаго и заключающую въ себѣ врачество отъ политическихъ и социальныхъ недуговъ человѣчества, ибо въ такомъ случаѣ лѣкарство было бы опаснѣй самой болѣзни: оно надолго обезкровливаетъ народный организмъ, а иногда и совершенно убиваетъ его. Адскія муки также будутъ наказаніемъ за грѣхи людей, но онѣ уже не будутъ очищать послѣднихъ, то же можно сказать и о революціонномъ огнѣ, который имѣетъ свойство скорѣе закалять людей во злѣ, чѣмъ исправлять, или умягчать ихъ сердца. Это явленіе нельзя приравнять и къ разрушительнымъ стихійнымъ бѣдствіямъ, какъ напр., землетрясеніе и наводненіе, которыя Богъ посылаетъ людямъ свыше для ихъ вразумленія, ибо здѣсь дѣйствуетъ злая человѣческая воля, сознательно стремящаяся разрушать и разлагать человѣческую душу, а Богъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пособникомъ злу.

Революція по существу своему (о чемъ свидѣтельствуется самое слово, означающее взрывъ, возмущеніе, возстаніе) есть разрушительное начало: вмѣстѣ съ добромъ она уничтожаетъ отчасти и зло, но она не можетъ созидать жизнь, пока не отречется отъ самой себя, т. е. отъ своей адской сущности. Съ терновника не собираютъ винограда. На гниломъ корнѣ нельзя никогда вырастить добрыхъ, здоровыхъ плодовъ. Если Премудрый Промыселъ извлекаетъ и изъ нея нѣчто благое для насъ, то, конечно, не благодаря, а вопреки ей.

Сама же она можетъ источать изъ себя только зло и бѣдствіе для человѣчества. Вотъ почему отъ нея съ ужасомъ отвернулись нынѣ многіе изъ тѣхъ, кто прежде готовъ былъ поклоняться ей, какъ нѣкоей богинѣ — освободительницѣ человѣчества.

Отрезвившись цѣною горькаго опыта сами, они предостерегаютъ отъ увлеченія революціей и другихъ.

Подводя итогъ „доходамъ и расходамъ войны и революціи“, извѣстный социологъ проф. Пит. Сорокинъ, уплатившій въ свое время вмѣстѣ со многими другими интеллигентами дань революціонному психозу, находитъ, что первые не покрываютъ вторыхъ...

„Вотъ почему я скептически воспринимаю всякую — наивную и рафинированную — радость и восторги передъ революціей... Когда же я вижу многихъ и многихъ тружениковъ, искренне мечтающихъ о приходѣ революціи, говорю: „жаль, что человѣчество плохо усвоило уроки исторіи“. Эти дѣти играютъ огнемъ, который сожжетъ ихъ же самихъ и больше всего именно трудовые классы; они вызовутъ вихрь, который разнесетъ смерть, убійства, голодъ, болѣзни, опустошенія по всей странѣ, вихрь, въ результатѣ котораго больше всего пострадаютъ именно народные массы...

Методъ голага и кроваваго насилія по своей природѣ ничего кромѣ разрушенія дать не можетъ. „Духъ разрушающій не есть духъ созидающій“ — это теперь мы поняли всѣ.

Если бы даже революція и давала положительные результаты (что, увы, почти не бываетъ) эти плоды не стоятъ „чистой слезы одного ребенка“. Жизнь людей здѣсь служить кирпичами, ихъ кровь, — цементомъ, ихъ страданія — штукатуркой, ужасы и звѣрства — краской, таковъ революціонный методъ постройки социальныхъ зданій. Не одна жизнь и слезы взрослыхъ, но десятки тысячъ дѣтей кладутся въ фундаментъ такого зданія, безжалостно давятся, душатся, разстрѣливаются, мрутъ голодомъ, убиваются тифомъ, сифилисомъ, холерой, цингой и др. болѣзнями, дробятся ихъ нѣжныя кости, искажаются не только ихъ тѣла, но и души... это дорого... слишкомъ дорого...“ (Питиримъ Сорокинъ проф. социологіи Петроградскаго университета „Современное состояніе Россіи“, стр. 105).

Главное положительное завоеваніе всякой революціи состоитъ въ ея самоотрицаніи и въ наглядномъ подтвержденіи той истины, что эволюція неизмѣримо выше революціи, что она только ведетъ міръ по пути истиннаго прогресса. Революціонная катастрофа оставляетъ послѣ себя такія культурныя разрушенія и такія глубокія нравственные раны, какія не могутъ залѣчить цѣлые вѣка. Пушкинъ показалъ подлинную мудрую гениальную проницательность, когда поучаетъ насъ устами Гринева въ „Капитанской Дочкѣ“. „Молодой человѣкъ, если записки мои попадутъ въ твои руки,

вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній“.

Другое, не менѣе важное достиженіе, полученное человѣчествомъ послѣ революціи, состоитъ въ установленіи той истины, что религія настолько глубоко захватываетъ все существо человѣка, что онъ не можетъ жить безъ нея, какъ и не можетъ относиться къ ней безразлично: ей можно или слѣдовать, или ее гнать и ненавидѣть. Революціонеры и особенно наши большевики, не только стараются уничтожить существующую религію, но незамѣтно подмѣнить ее другой, созданной ими самими по образу своему и подобию. Самымъ своимъ демонизмомъ большевики показали, что „религіозной нейтральности, какъ справедливо говоритъ Бердяевъ, не существуетъ, что религіи живого Бога противоположна лишь религія дьявола, что религіи Христа противоположна лишь религія Антихриста“.

Отвергнувъ Истиннаго Бога, они создали себѣ ложныхъ кумировъ, надѣленныхъ подлинно почти божественными свойствами. Ленинъ и Марксъ стали для нихъ тѣмъ же, чѣмъ является Магометъ для мусульманъ. Ихъ ученіе признано не только единственно истиннымъ, но совершенно непогрѣшимымъ и вѣчнымъ. Оно не нуждается ни въ какомъ разумномъ оправданіи и должно быть принимаемо на вѣру, какъ религіозный догматъ. „Учитель сказалъ“ — этого достаточно, чтобы его слово стало закономъ на всѣ вѣка.

Таковъ человѣкъ: удалившись отъ Бога и даже борясь съ Нимъ, онъ не перестаетъ искать непрекаемаго божественнаго Авторитета. „Такъ любодѣйствуетъ душа человѣческая, говоритъ Блаженный Августинъ, отвращаясь отъ Тебя, ища внѣ Тебя, что въ совершенной чистотѣ можетъ быть найдено только по возвращеніи къ Тебѣ. Превратно подражаютъ Тебѣ всѣ, уклоняющіеся отъ Тебя и возносящіеся предъ Тобою“.

Революція, какъ извѣстно, зарождается впервые въ душѣ человѣка. Кто же произвелъ революцію русскаго духа, изъ которой вышла потомъ, какъ цыпленокъ изъ яйца, величайшая катастрофа нашихъ дней?

Декабристы, которыхъ большевики считаютъ своими первыми идейными родоначальниками?

Герценъ, Бакунинъ и особенно Нечаевъ, оформившіе до конца ихъ идеалъ и потому справедливо называющіеся ихъ „предтечами“?

Или тѣ „буревѣстники“, которые появились въ концѣ XIX вѣка и особенно въ началѣ XX вѣка и произвели анархію умовъ въ политической и религіозной области, въ наукѣ, искусствѣ, музыкѣ, поэзіи.

Всѣ, конечно, эти факторы участвовали въ постепенномъ разложеніи русской души и подготовкѣ соответствующей общественной психологіи для появленія русской революціи, но истинными духовными реформаторами своей эпохи, произведшими огромный переворотъ почти во всѣхъ областяхъ русской жизни и русской культуры, были два великихъ властителя русскихъ думъ за послѣднее полустолѣтіе — Толстой и Достоевскій.

Воплотившій въ себѣ всѣ типическія черты русскаго народа отъ его верхнихъ слоевъ до нижнихъ, такой же безкрайній, стихійно неудержимый, какъ онъ, соединившій въ себѣ и утонченнаго интеллигента съ его самокритикой, съ его духовнымъ скитальчествомъ, съ его рационализмомъ и мужика съ его тягой къ землѣ, ненавистію къ болѣе образованнымъ и обезпеченнымъ классамъ и съ жаждою если не новаго неба, то новой земли, на которой обитаетъ правда, всегда искавшій истину и часто боровшійся съ нею, Толстой вмѣстилъ въ себѣ отзвуки всѣхъ тѣхъ мыслей и настроеній, изъ соединенія коихъ должна была вспыхнуть потомъ наша революція.

Онъ былъ для нея Руссо и отчасти Вольтеромъ. Толстой самъ считалъ себя прямымъ ученикомъ перва-

го и носилъ его портретъ, какъ святыню, на груди. Что же касается второго, то здѣсь, казалось, не было прямого духовнаго сродства. Однако, Толстой былъ несомнѣнно вольтерьянцемъ на практикѣ и его язвительныя насмѣшки надъ Церковью имѣли не менѣе пагубное вліяніе на русское общество, чѣмъ сарказмы перваго, обращенныя противъ современнаго ему католичества.

Если намъ скажутъ, что Толстой стремился все же подвести христіанскую основу подъ современную культуру, то мы отвѣтимъ, что и на могильномъ памятникѣ Вольтера, въ числѣ его заслугъ указано, что онъ „поборалъ атеистовъ“ и это не было преувеличеніемъ, потому что онъ былъ только деистомъ, а отнюдь не атеистомъ. Несомнѣнно также, что Толстой, по складу своего характера и по своимъ убѣжденіямъ, былъ противникъ борьбы со зломъ силою; поэтому онъ отрицалъ судъ и всю государственную организацію и ненавидѣлъ французскую революцію, которую называлъ только большою, а не великою; онъ былъ также противъ всякихъ попытокъ и у насъ произвести измѣненія существующаго политическаго и общественнаго строя революціоннымъ путемъ, о чемъ онъ открыто говорилъ студентамъ и рабочимъ. Его призывы къ преобразованію общественныхъ отношеній на началахъ христіанскаго братства и любви, конечно, не имѣли ничего общаго съ челоуѣконенавистничествомъ большевиковъ, однако, когда онъ переходилъ къ критикѣ современнаго государства, общества и всей современной культуры, его перо насыщено было такимъ ядомъ протеста, негодованія и насмѣшки, что онъ невольно становился союзникомъ революціонеровъ.

„Насмѣшка, — говорилъ справедливо Спенсеръ, — всегда была революціоннымъ агентомъ“. „Учрежденія, потерявшія свои корни въ вѣрѣ и уваженіи народа, становятся обреченными на гибель“. Долголѣтняя пропаганда Толстого противъ многаго такого, что было близко и свято русскому сердцу, соединенная съ его попыткой къ бытовому опрощенію въ своей жизни, не могла пройти безъ вліянія на народную душу, постепенно расшатывая всѣ основныя устои русской жизни. Онъ дѣйствительно перевернулъ, по выраженію его сына, Льва Львовича

Толстого, сверху до низу сознание Русского Народа и создалъ новую Россію. Своимъ острымъ и глубокимъ литературнымъ плугомъ онъ разрылъ русскую почву для революціи, которая, по словамъ того же Л. Л. Толстого, была „подготовлена и морально санкціонирована имъ“.

Гораздо труднѣе установить и прослѣдить то вліяніе, какое могло имѣть на появленіе и развитіе русской революціи творчество Достоевскаго. Онъ, конечно, не имѣлъ ничего общаго съ Руссо, Вольтеромъ или энциклопедистами. Многимъ самая постановка такого вопроса о какой либо связи нашей революціи съ литературною дѣятельностью Достоевскаго покажется своего рода кощунствомъ. Наше общественное мнѣніе давно уже какъ бы канонизировало великаго писателя. Всѣ привыкли почти съ благоговѣніемъ преклоняться предъ гениальнымъ пророческимъ прозрѣніемъ Достоевскаго, заранѣе нарисовавшаго обликъ нашей революціи — сколько кровавой и жестокой, столько же безбожной по самой ея природѣ.

Въ его „Бѣсахъ“ и „Братьяхъ Карамазовыхъ“, какъ въ зеркалѣ, съ необычной точностью, заранѣе отражено то массовое бѣсованіе, та сатанинская одержимость и гордыня, какія принесъ съ собою въ Россію осуществленный социализмъ. Но изображая съ необыкновенной яркостью красокъ это грядущее царство Хама, или лучше сказать, самого Антихриста, Достоевскій не проявилъ, однако, здѣсь ни эпического безстрастія великихъ подвижниковъ, ни того негодующаго тона, или внутренняго страданія, какими дышитъ перо нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей (напримѣръ Пушкина и Лермонтова), когда они касались козней сатаны, проявляющихся въ міровой жизни. То и другое чувство такъ сказать застраховываетъ читателя ихъ твореній отъ соблазна зла, который всегда присущъ нашей природѣ.

Достоевскій видитъ ясно демоническій характеръ грядущей революціи и ея вдохновителей, но его кисть, которою онъ рисуется послѣднюю, въ соединеніи съ его страстнымъ темпераментомъ (по его собственному признанію, онъ всегда любилъ („хватать черезъ край“), за-

вели его дальше, чѣмъ это нужно было для его нравственныхъ воспитательныхъ цѣлей въ отношеніи общества и чѣмъ бы внутренне хотѣлъ онъ самъ. При потрясающей силѣ своего драматическаго таланта, онъ ослѣпительно ярко обнажаетъ передъ нами зло отъ всѣхъ его покрововъ и такъ глубоко перевоплощается въ своихъ отрицательныхъ героевъ, какъ бы срастаюсь духовно съ ними, что это чувство невольно переживаетъ читатель. Съ этими образами случилось то же, что съ глазами „Портрета“ художника, изображеннаго Гоголемъ въ повѣсти того же наименованія; въ нихъ заложена какая то магическая сила, которая одновременно и отталкиваетъ и влечетъ къ себѣ человѣческую душу. Смертнымъ никогда не безопасно прикасаться къ древу познанія добра и зла и приближаться къ адской безднѣ: послѣдняя всегда склонна притягивать ихъ къ себѣ и какъ бы обжигать ихъ своимъ огненнымъ дыханіемъ. Подобно Данте, Достоевскій проводитъ читателя по мукамъ и заставляетъ его иногда невольно отстранять отъ себя временно его огненныя писанія, чтобы отдохнуть отъ той области тьмы, въ какую они повергаютъ насъ по временамъ. К. Зайцевъ имѣлъ право сказать, что „иной разъ кажется — самъ сатана говоритъ его устами“. Къ сожалѣнію, его идеальные положительныя типы не даютъ достаточно противоядія противъ такихъ впечатлѣній. Высокія проявленія человѣческаго духа, для естественнаго таланта, даже такого, какимъ владѣлъ Достоевскій, воплотить въ литературныхъ образахъ всегда гораздо труднѣе, чѣмъ сатанинскія глубины зла. Не будетъ грѣхомъ ни предъ истиною, ни предъ самимъ великимъ писателемъ, сказать, что кроткій обликъ старца Зосимы или Алеши Карамазова не въ состояніи затмить предъ нами яркій образъ Ивана Карамазова, съ его самоутверждающей гордыней, сверкающей передъ нами какимъ-то зловѣщимъ, фосфорическимъ блескомъ. Его гордыя страданія не вызываютъ въ насъ сочувствія, ибо сатана также есть „мученикъ“ своей свободы.

Своимъ по временамъ подлинно „жестокимъ“ перомъ, Достоевскій, какъ острымъ рѣзцомъ, прошель по мягкому русскому сердцу, и, потрясши его до основанія, вывелъ его изъ духовнаго равновѣсія. Онъ показалъ

впечатлительному русскому обществу соблазнительный образъ челоуѣка, находящагося по ту сторону добра и зла и въ этомъ пунктѣ до извѣстной степени вошелъ въ соприкосновеніе съ Ницше: не напрасно послѣдній почувствовалъ въ творчествѣ нашего писателя что то сродное себѣ и говорилъ, что Достоевскій „единственный глубокой психологъ, у котораго онъ могъ кое что взять для себя“.

Развивая вездѣ свою излюбленную идею о двухъ безднахъ, борющихся въ глубинѣ русскаго сердца и имѣющихъ такъ сказать, одинаковое право на свое существованіе, въ силу данной челоуѣку свободы, Достоевскій тѣмъ самымъ косвенно вынесъ для нашей революціи если не моральное, то, по крайней мѣрѣ, психологическое оправданіе.

Въ этомъ смыслѣ изъ его творчества течетъ одновременно и горькая и сладкая вода. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ своей личной жизни онъ преодолѣлъ злую стихію, но онъ не передаетъ этого чувства другимъ и не придаетъ ему захватывающей и побѣждающей силы. Онъ предоставляетъ читателю самому сдѣлать выборъ между добромъ и зломъ, переоцѣнивая силу его самоопредѣленія, равновѣсіе котораго нарушено грѣхомъ.

Поэтому, отъ него родилось, такъ сказать, два поколѣнія людей: одни это тѣ, которые идутъ за нимъ до конца черезъ подвигъ вѣры, любви и смиренія къ вратамъ потеряннаго рая, а другіе останавливаются, подобно женѣ Лота на этомъ пути и оглядываются на Содомъ и Гоморру, не будучи въ состояніи преодолѣть въ себѣ тяготѣнія къ нравственному соблазну.

Изъ этой послѣдней плеяды вышелъ цѣлый рядъ молодыхъ писателей, впитавшихъ въ себя прежде всего карамазовскій „бунтъ“ и понесшихъ его въ народныя массы, съ цѣлью революціонизированія послѣднихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что самъ Достоевскій отказался бы съ негодованіемъ отъ такихъ мнимыхъ своихъ идеологическихъ преемниковъ, однако они были бы вправѣ сказать, что изъ его произведеній извлекли матеріалъ для своей разрушительной литературной работы.

Такъ какъ великіе умы невольно отбрасываютъ

свою тѣнь впередъ, то не произошло ли съ другой стороны того, что Достоевскій самымъ пластическимъ изображеніемъ духа и формы грядущей революціи помогъ большевицкимъ вождямъ конкретизировать свой идеаль, придать ему законченность, жуткую огненность и своеобразную принципиальность. Быть можетъ, революція совершилась по Достоевскому не только потому, что онъ прозрѣлъ ея подлинную сущность, но отчасти и предопредѣлилъ ея образъ — самую силою психического внушенія, исходящаго отъ его реалистическаго художественнаго генія, забывшаго на этотъ разъ завѣтъ Гоголя, по которому всякое созданіе искусства должно вносить въ человѣческую душу успокоеніе и примиреніе, а не смятеніе и раздвоеніе. Во всякомъ случаѣ, весь этотъ вопросъ, не взирая на всю его трагичность — требуетъ обстоятельнаго, вдумчиваго и объективнаго изслѣдованія, каковая обязанность лежитъ на грядущихъ поколѣніяхъ.

Русской Церкви во время революціи суждено было пройти сквозь двойное искупленіе: сначала соблазномъ вѣшняго могущества и власти, а потомъ уничиженіемъ и страданіемъ.

Когда подъ ударами революціи палъ царскій тронъ, распалась власть на мѣстахъ, поколебалась армія, разслабѣли политическія партіи и рассыпались другія общественныя организаци, тогда среди этихъ развалинъ, въ которыя превратилась прежняя могущественная Россія, осталось нерушимымъ только величественное зданіе Церкви, сохранившей всю силу своего нравственнаго авторитета и представлявшей изъ себя цѣлостный организмъ, возглавленный вновь избраннымъ Святейшимъ Патриархомъ Всероссійскимъ. Послѣдній сталъ живымъ символомъ единства Русской земли и вмѣстѣ „человѣкомъ начальнымъ“, какъ нѣкогда святѣйшій Гермогенъ въ дни первой Смуты. Къ нему невольно обратились взоры всѣхъ, кто чаялъ спасенія Россіи. На его авторитетъ старались утвердить свои надежды не только представители прежнихъ правыхъ, но и лѣвыхъ теченій рус-

ской общественности, которые такъ часто упрекали Церковь за ея тѣсную связь съ государствомъ.

Видя, что по одному слову Святѣйшаго Патріарха собирались сотни тысячъ людей для торжественныхъ крестныхъ ходовъ и всенародныхъ моленій въ Москвѣ (особенно по поводу извѣстнаго чуда съ иконой Св. Николая, находившейся на Никольскихъ воротахъ Кремля) и что въ Петроградѣ жители оказали ему царственную встрѣчу, послѣдніе оцѣнили его значеніе для даннаго момента и неоднократно приступали къ нему съ предложеніемъ двинуть народныя массы противъ еще неокрѣпшей тогда большевицкой власти.

Одновременно его именемъ и вліяніемъ хотѣли воспользоваться и извнѣ какъ наши прежніе союзники, такъ и противники, т. е. нѣмцы. Послѣдніе, какъ и первые, надѣялись при его помощи привлечь на свою сторону русскія вооруженныя силы, которыя тогда еще казались грозной силой способной своимъ присоединеніемъ къ той или другой сторонѣ опредѣлить окончательный исходъ войны.

Искушеніе для Русской Церкви было очень велико. Для нея тѣмъ соблазнительнѣе казалось взять въ руки мечъ Кесаря, что народъ и исторія сами вручили ей. И однако если бы она рѣшилась на такой шагъ и обагрила свои чистыя ризы человѣческаго кровью, на нее легла бы тяжкая отвѣтственность за начавшееся междуусобіе, и ея авторитетъ былъ бы поколебленъ навсегда.

Повинуясь и своему внутреннему чувству и еще болѣе завѣтамъ Православія, искони чуждаго всякаго клерикализма и вождельній мірской власти, Патріархъ и съ нимъ весь Соборъ Россійской Церкви не пошли по столь опасному пути, но за то во всей силѣ воспользовались врученнымъ имъ духовнымъ мечомъ, которымъ и начали разить вновь народившуюся безбожную коммунистическую власть. Ее открыто разоблачали и обличали и въ соборныхъ опредѣленіяхъ и съ церковныхъ амвоновъ даже въ самомъ Кремлѣ (при поставленіи Патріарха) и въ оставшихся органахъ печати. Особенно величественно и грозно гремѣлъ голосъ Русской Церкви, Святѣйшаго Тихона, съ величайшимъ дерзновеніемъ и

силою духа призывавшаго небесныя кары на голову работников и растлителей Русской Земли.

Его историческія посланія съ провозношеніемъ анаемы богоборцамъ и съ разоблаченіемъ безнравственной развращающей сущности новаго правительства нельзя читать безъ внутренняго трепета. Они навсегда будутъ свидѣтельствовать въ пользу Русской Церкви, которая нашла достойный ея образъ дѣйствій и соотвѣтствующій языкъ въ столь критическій моментъ ея исторической жизни.

Когда коммунистическая власть ощутила потомъ подъ собою твердую почву, она начала открытую борьбу съ Церковью. Послѣдняя не устрашилась этого новаго противоположнаго первому искуса и встрѣтила гоненія со стороны Совѣтскаго правительства съ величайшимъ спокойствіемъ и достоинствомъ.

Многіе епископы, священники и монашествующіе, а равно и вѣрующіе міряне почти съ радостью и энтузіазмомъ, достойными первыхъ христіанъ, шли на страданія. Сотни священномучениковъ, мучениковъ и мученицъ, и исповѣдниковъ, число которыхъ умножается до сихъ поръ, доказали всему міру несокрушимое могущество Христовой вѣры, и гоненія еще разъ стали „сѣмнемъ Церкви“, по глубокому замѣчанію Архіепископа Кентерберійскаго.

Если рядомъ съ этими героями духа оказалось, однако, потомъ нѣкоторое число малодушныхъ и ослабѣвшихъ, не выдержавшихъ великаго испытанія, то такыя были и въ первые вѣка христіанства. Стоитъ прочесть горькія укоризны Св. Кипріяна, обращенныя къ „падшимъ“, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Кромѣ немощи человѣческой природы вообще, для смягченія вины Русскаго народа можетъ послужить въ этомъ случаѣ и то обстоятельство, что онъ горитъ въ огнѣ испытаній уже цѣлый рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ религіозныя преслѣдованія, лишь замаскированныя часто политическими обвиненіями, не прекращались почти ни на одну минуту.

Сравнительно съ этимъ срокомъ кажутся краткими годы Французской революціи. Что же касается древнеримскихъ гоненій, то хотя они въ совокупности прости-

рались около трехъ вѣковъ, однако никогда не длились столь долгій періодъ подрядъ. Благодаря частой смѣнѣ императоровъ, мѣнялась нерѣдко и политика римской власти въ отношеніи христіанъ. Время отъ времени Богъ по своему милосердію посылалъ гуманныхъ правителей, подъ властью которыхъ христіане отдыхали временно отъ языческихъ преслѣдованій, чтобы укрѣпиться духомъ для новыхъ мученій.

Едва ли нужно добавлять, что общій духъ жизни первыхъ христіанъ, пламенѣвшихъ святой ревностью вѣры и жаждавшихъ узрѣть возможно скорѣе откровенія Царства Христова, гораздо болѣе способствовалъ мужественному перенесенію страданій за вѣру, чѣмъ настоящій малодушный и безвѣрный вѣкъ.

Наконецъ, Православная Россія въ теченіе тысячелѣтій своей исторіи не знала систематическихъ гоненій на религію и потому не могла пріобрѣсти достаточнаго опыта для борьбы съ врагами Церкви и для распознаванія козней слугъ сатаны, которые стараются воспользоваться нынѣ всѣми средствами безбожной пропаганды и всѣми утонченными духовными соблазнами и пытками, чтобы совратить вѣрующихъ съ пути истины.

— Но за что страдаетъ Русскій народъ и Русская Церковь, и почему Богъ не пресѣчетъ зло, видимо торжествующее почти повсюду надъ добромъ? — спрашиваютъ теперь многіе.

Этотъ послѣдній вопросъ, взятый въ міровомъ масштабѣ волнуетъ человѣчество съ давнихъ временъ.

„Разсказываютъ, читаемъ мы въ „Отченикѣ“, что Антоній Великій, будучи однажды приведенъ въ недоумѣніе глубиною домостроительства и судовъ Божіихъ, помолился и сказалъ: „Господи, отчего нѣкоторые изъ человѣковъ достигаютъ старости и состоянія немощи, а другіе умираютъ въ дѣтскомъ возрастѣ? Отчего одни бѣдны, а другіе богаты? Отчего тираны и злодѣи благоденствуютъ и обладаютъ земными благами, а праведники угнетаются бѣдностью и нищетою?“

Долго занятъ былъ онъ этимъ размышленіемъ и пришелъ къ нему гласъ: „Антоній, внимай себѣ и не подвергай твоему изслѣдованію судебъ Божіихъ, потому что это душевредно“.

Подобный отвѣтъ услышалъ нѣкогда въ грозѣ и бурѣ и невинный страдалецъ Іовъ, который хотѣлъ защищать свое дѣло предъ Богомъ. „Кто сей, омрачающій Провидѣніе словами безъ смысла? Препояшь чресла твои, какъ мужъ, Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мнѣ. Ты хочешь ниспровергнуть судъ Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя. Такая ли у тебя мышца, какъ у Бога? И можешь ли ты возгремѣть голосомъ, какъ Онъ?“ (XXXVIII 1-3, I 3-4).

Сами друзья Божіи не могли постигнуть судебъ Промысла въ ходѣ мировой исторіи. Царь и Пророкъ Давидъ едва „не поскользнулся стопами своими“, размышляя надъ этой тайной (Пс. 72, 1-4). Смутила она и сердце патріарха Авраама, когда послѣдній взывалъ къ Божію милосердію, при видѣ осужденныхъ городовъ Содома и Гоморры, и пророковъ Іону и Ілію, требовавшихъ у Бога наказанія для нечестивыхъ; и Екклезіаста, видѣвшаго, что „не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ побѣда, не мудрымъ хлѣбъ и не у разумныхъ богатство“ (IX, 4). Праведные мужи знали, что „чистымъ очамъ (Божіимъ) не свойственно глядѣть на злодѣяніе“, и недоумѣвали, „почему Господь смотритъ на злодѣяніе и безмолствуетъ“ (Ав. I, 23). Пророкъ Іеремія простеръ свое дерзновеніе до того, что пытался состязаться съ Самимъ Владыкою и Промыслителемъ міра, Которому приносилъ жалобу на Его же собственные суды на землѣ: „Когда я стану судиться съ Тобою, Господи, Ты будешь правъ; между тѣмъ, я все-таки буду говорить съ Тобою о правосудіи: почему путь нечестивыхъ спѣется и всѣ обманщики живутъ спокойно?“

Ты насадилъ ихъ и они укоренились, они возвышаются и приносятъ плодъ“ (Іер. 12, 1, 2).

Господь не открывалъ никому изъ людей до конца плановъ своего домостроительства, не потому, что не хотѣлъ, а потому, что люди не могли вмѣстить ихъ по самой ограниченности своего кругозора, который не можетъ объять всей глубины богатства преиму-

дрости и разума Божія, проявляющихся въ Божественномъ міроуправленіи. Чтобы понять пути Промысла Божія въ исторіи, нужно знать и настоящее состояніе міра во всей его цѣлокупности, и прошедшія и будущія судьбы вселенной, ибо все это неразрывно связано въ единомъ планѣ Божественнаго домостроительства, а такая широта вѣдѣнія, конечно, недоступна для человѣка. Такъ ребенокъ не можетъ проникнуть мыслей и намѣреній своего отца, старающагося предусмотрѣть для него все лучшее не только въ настоящемъ, но и будущемъ и притомъ такъ, чтобы сочетать его благосъ благомъ другихъ членовъ семьи.

Только тогда, когда свершится исполненіе временъ, настанетъ конецъ міра и откроется Царство Христово, тогда оправдаются для насъ всѣ неисповѣдимые суды Божіи, предъ которыми съ благоговѣніемъ преклонится искупленное Христомъ человѣчество и воздастъ „Ему благословеніе и славу и премудрость“, какъ объ этомъ читаемъ въ книгѣ Откровенія (Апок. VII, 12). До того времени Богъ только въ малой степени и по особымъ нарочитымъ цѣлямъ открываетъ людямъ время отъ времени Свою премудрую волю, ведущую отдѣльные народы и весь міръ по тѣмъ или инымъ историческимъ путямъ. Онъ являетъ ее или непосредственно своимъ избранникамъ, съ которыми Онъ бесѣдовалъ какъ бы лицомъ къ лицу, или открываетъ ее въ самомъ ходѣ міровыхъ событій, управляемыхъ Его десницей. Ревную о славу Божіей, когда она подвергается поруганію отъ сыновъ противленія, праведники нерѣдко вопрошаютъ, почему Всемогущій не мститъ немедленно гордымъ и нечестивымъ, возстающимъ противъ Его вѣчной и всемогущей Державы. Именно потому, что „Онъ Богъ, а не человѣкъ, потому, что Онъ — Святой“, отвѣчаетъ Онъ самъ черезъ пророка Осію (Ос. II, 9). Богъ слишкомъ силенъ, разсуждаетъ Златоустъ, чтобы мстить кому либо немедленно. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Онъ настолько превознесенъ надъ міромъ, что Его не можетъ оскорбить и даже коснуться языкъ велерѣчивыхъ. Всякій богохульникъ поистинѣ подобенъ псу, лающему на луну.

„Укрась себя величіемъ и славою, — взывай нѣкогда Іовъ, какъ бы оръ лица вай семьи, — оденись

въ блещетъ и возжигаетъ. Извѣдай ядъ гнѣва Твоего, посмотри на все горное и смотри его“ (Иов. X, 8, 9) Такъ могла разсуждать только человѣческая ревность, которая часто бываетъ нетерпѣлива только потому, что не уравновѣшивается любовью, составляющею самое существо Божественной природы. Божіе милосердіе нерѣдко какъ бы удерживаетъ до времени Его карающую десницу. „Богъ не медлитъ исполненіемъ своихъ обѣтованій, хотя бы нѣкоторые думали такъ — учить Апостоль Петръ. Онъ долготерпитъ, не желая, чтобы кто нибудь погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію“ (II Петр. 3, 9).

„Ты всѣхъ милуешь — говоритъ еще ветхозавѣтный мудрецъ — потому что все можешь и покрываешь грѣхи людей. Ты все щадишь, потому что все Твое, душелюбивый Господи“ (Прем. Сол. II, 23-29). Его милость и правосудіе не хотятъ погубить вмѣстѣ съ плевелами и пшеницу, съ которою они какъ бы срастаются на этой землѣ своими корнями. Онъ готовъ помиловать осужденные Содомъ и Гоморру ради десяти праведниковъ, чтобы послѣдніе не погибли вмѣстѣ съ нечестивыми и не хотѣлъ истребить Ниневію ради ста двадцати тысячъ невинныхъ младенцевъ и даже ради безсловесныхъ скотовъ, которые должны были погибнуть вмѣстѣ съ людьми (Ион. 4, 11). Самая мѣра времени въ человѣческомъ представленіи является совсѣмъ иною, чѣмъ въ очахъ вѣчнаго Бога. „У Него одинъ день, какъ тысяча лѣтъ и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день“ (Псал. 89, 5) Божественный Промыселъ „все расположилъ мѣрою, числомъ и вѣсомъ“ (Прем. 11, 21). У Него на все положены свои времена и сроки.

„Доколѣ, Владыко Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу“ — вопіяли громкимъ голосомъ, по свидѣтельству тайновидца Іоанна Богослова, находящіяся подъ жертвенникомъ души убіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которыя онѣ имѣли. „И даны были каждому изъ нихъ одежды бѣлыя, и сказано, чтобы успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ, и братья, которые будутъ убиты, какъ и они, дополняютъ число“ (Апок. VI, 9-11). Никто, конечно, не знаетъ, когда исполнится это число.

Господь ожидаетъ иногда, чтобы зло выявило себя до конца, дабы, обнаживъ свою подлинную природу, оно само отвращало бы отъ себя сердца людей, и ищетъ праведника седмерицею, чтобы явить его духовную красоту предъ всѣмъ міромъ и усугубить его награду. Поэтому Онъ до времени оставляетъ на землѣ и „сквернаго, да осквернится еще, и праведника, да творить правду еще“ (XXIV, 11).

Если у послѣдняго въ огнѣ испытаній сгораютъ малѣйшія грѣховныя прираженія, свойственныя падшей человѣческой природѣ, то нечестивому Богъ попускаетъ временно пользоваться благоденствіемъ для того, чтобы и онъ получилъ свое „воздаяніе“ за тѣ крупы добра, какія онъ когда либо сдѣлалъ въ своей жизни. Праведный Судья не хочетъ остаться въ долгу не только предъ праведниками, но и предъ грѣшниками. Послѣдніе не знаютъ, конечно, что Онъ поступаетъ съ ними въ этомъ случаѣ, какъ врачъ съ безнадежными больными, разрѣшая въ послѣднюю минуту имъ наслаждаться всѣмъ лишь потому, что имъ не на что надѣяться въ будущемъ. Блаженный Августинъ съ большимъ краснорѣчіемъ и убѣдительною раскрываетъ эту послѣднюю мысль въ его знаменитомъ сочиненіи „О градѣ Божіемъ“, являющемся, какъ извѣстно, первымъ опытомъ философіи исторіи, когда говоритъ о паденіи Рима. Самое благополучіе осужденныхъ на гибель людей есть не болѣе, какъ призракъ, какъ дымъ, и потому не должно вызывать ни у кого чувства зависти, а только горестное сожалѣніе объ ихъ участи, ибо непреложно Божественное слово. „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“ (Рим. 12, 19). „Когда Я усмотрю время, Я произведу судъ“ (Псал. 74, 3). Я начну, „Я и окончу“ (Цар. 3, 12).

„Не раздражайся — внушаетъ поэтому намъ Царь и Пророкъ Давидъ, — видя порочныхъ и не завидуй дѣлающихъ беззаконія, потому что они, какъ трава скоро подсыхаютъ, и, какъ травное зелье, увядаютъ“ (Псал. 36, 1-2).

„Плачь о грѣшникѣ — учитъ насъ одинъ изъ Отцовъ Церкви, — которому все удастся, потому что надъ нимъ простертъ мечъ Божественнаго правосудія“.

Когда Господь находитъ нужнымъ, Онъ открываетъ свой судъ надъ нечестіемъ уже здѣсь на землѣ, какъ бы отвѣчая на мольбу человѣчества: „Дай увидѣть мнѣ мщеніе Твое, Господи, ибо Тебѣ ввѣрю дѣло мое“ (Іер. 11, 20).

Такъ Онъ излилъ Свой гнѣвъ на сонмище лукавыхъ богоубійць — на тѣ орудія области темной, которыя вознесли на крестъ Богочеловѣка.

Иуда — первый изъ нихъ, самъ понялъ, что послѣ совершеннаго имъ преступленія, онъ не можетъ болѣе обременять и сквернить землю своимъ дальнѣйшимъ пребываніемъ на ней, и самъ произнесъ судъ надъ собою, когда, бросивъ презрѣнные сребренники — эту цѣну крови своего Учителя — „шесть удавися“, и „когда низринулся, разсѣлось чрево его и выпали всѣ внутренности его“ (Дѣян. 1, 18).

Архіереи, книжники и фарисеи — эти люди съ сожженной совѣстью, стремившіеся какою бы то ни было цѣною достигнуть осужденія на смерть Спасителя міра — имѣли горечь не только видѣть крушеніе всего ихъ пагубнаго и злого дѣла, когда Христосъ Спаситель возсталъ изъ мертвыхъ и Его ученіе стало побѣдоносно распространяться повсюду, но и дожить — одни сами, другіе — въ лицѣ своихъ дѣтей — до страшныхъ дней разрушенія Іерусалима, не узнавшаго дня посѣщенія своего и отвергшаго пришедшаго къ нему Мессію, Христа. Имъ суждено увидѣть великую скорбь, какой не было отъ начала міра и не будетъ потомъ.

Терзаемые голодомъ, заставлявшимъ матерей пожирать собственныхъ дѣтей, угнетаемые междоусобицей и насиліемъ зилотовъ, томимые страшными предчувствіями, жители осажденнаго Іерусалима переживали неописуемыя страданія, по словамъ Іосифа Флавія. Когда же ожесточенные римскіе воины вторглись, наконецъ, въ городъ, они безпощадно стали истреблять всѣхъ, безъ различія пола и возраста, и окрестные съ Іерусалимомъ холмы почернѣли, какъ говорятъ современники, отъ множества крестовъ, на которыхъ висѣли тѣ, кто неистово вопили нѣкогда предъ Пилатомъ: „распи, распи Его!“, или ихъ потомки.

Не избѣжалъ небеснаго возмездія и этотъ малодушный судія, имѣвшій власть спасти Того, невинность Котораго онъ исповѣдывалъ самъ предъ народомъ, и пожертвовавшій Имъ для сохраненія дружбы Кесаря. Напрасно онъ умывалъ руки предъ народомъ въ знакъ своей непричастности къ совершившемуся злодѣянню. Онѣ были также обагрены кровію невиннаго Страдальца, которую не могли смыть всѣ воды Иордана. И эта кровь пала и на его главу. Ненадолго онъ сохранилъ благоволеніе своего повелителя: обвиненный іудеями предъ Кесаремъ по другому поводу, онъ черезъ восемь лѣтъ послѣ распятія Спасителя лишенъ былъ своей должности и сосланъ въ Вѣну, гдѣ окончилъ жизнь самоубійствомъ, подобно Іудѣ-предателю.

Исторія Церкви, которая есть повтореніе исторіи жизни своего Основателя, полна подобныхъ примѣровъ. И въ наши дни мы видимъ много отдѣльныхъ чудесныхъ событій, когда Рука Божія видимо сокрушаетъ гордыхъ, дабы праведникъ могъ утѣшиться и дабы стало очевиднымъ для всѣхъ, что „есть Богъ, судящій на землѣ“ (Псал. 57, 11-12).

Ничто такъ болѣзненно не отражается въ сердцахъ вѣрующихъ, какъ открытое кощунство и поруганіе святыни, которое Богъ попускаетъ только тогда, когда люди становятся недостойными знаковъ видимаго Его пребыванія между ними. Объ этомъ Онъ самъ открылъ Соломону тотчасъ же по освященіи перваго истиннаго храма на землѣ.

„Если вы и сыновья ваши отступите отъ Меня и не будете соблюдать заповѣдей Моихъ и уставовъ Моихъ, которые Я далъ вамъ, и пойдете и станете служить инымъ богамъ и поклоняться имъ, то Я истреблю Израиля съ лица земли, которую Я далъ имъ и храмъ, который Я освятилъ имени Моему, отвергну отъ лица Моего и будетъ Израиль притчею и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ. И о храмъ семъ высококомъ всякій, проходящій мимо его, ужаснется и свиснетъ, и скажетъ: „за что Господь поступилъ такъ съ сею землею и съ симъ храмомъ?“ И скажутъ: „за то, что они оставили Господа Бога своего, Который вывелъ ихъ изъ земли Египетской и приняли другихъ боговъ и поклонились имъ,

и служили имъ — за это Господь навелъ на нихъ все сіе бѣдствіе“ (I Цар. 9, 6-9).

Такимъ образомъ, Богъ оставляетъ Своимъ пребываніемъ и покровительствомъ святыню не прежде, какъ люди сами оставляютъ ее или становятся равнодушными къ ней.

„Уйдемъ отсюда“ — былъ слышенъ голосъ изъ храма Иерусалимскаго, когда онъ за исполненіе беззаконній Израильскаго народа былъ обреченъ на разрушеніе.

Всѣ эти указанія слова Божія о путяхъ Промысла Божія, дѣйствующаго въ мірѣ, и о смыслѣ человѣческихъ страданій намъ надо имѣть передъ глазами особенно теперь, когда мы готовы впасть въ уныніе при видѣ торжествующаго повсюду зла, и когда Богъ какъ бы закрылъ Лицо Свое облакомъ, по слову пророка, чтобы до Него не доходила наша молитва. (Пл. 3, 44).

Сюда надо прибавить также то соображеніе, что революція — этотъ главный источникъ нашихъ бѣдствій, совмѣщающій въ себѣ и огонь, и мечъ, и гладь, и междоусобную брань, не можетъ быть приравнена вполнѣ по своему происхожденію къ разнаго рода стихійнымъ бѣдствіямъ и даже къ войнѣ. Если послѣднія могутъ постигнуть насъ внезапно и совершенно вопреки нашей волѣ, то революція никогда не приходитъ помимо воли и желанія самого народа.

Послѣдній всегда или активно вызываетъ ее, или просто принимаетъ ее, какъ фактъ, которому не рѣшается противодѣйствовать. Общество можетъ не допустить ея появленія и даже остановить ея распространеніе въ самомъ началѣ, если только пожелаетъ этого. Но наступаетъ роковой моментъ, когда вся нація рѣшаетъ „черезъ кровь, такъ черезъ кровь... черезъ хаосъ, такъ черезъ хаосъ“, и бросая вызовъ судьбѣ, легкомысленно кидается въ бездну. Зная хорошо, что самая плохая власть все же лучше безвластія, она однако, въ порывѣ нетерпѣнія, или неразумія, собственными руками устраняетъ послѣднюю плотину, сдерживающую напоръ злыхъ стихійныхъ силъ, угрожающихъ организованному человѣческому общежитію, и хаосъ врывается на арену общественной жизни, заливая ее, какъ потопъ. Съ этого времени человѣческая воля уже безсильна бо-

роться со стихіей, которая несетъ ее впередъ на своихъ бурныхъ волнахъ. Тѣ, кто начинаютъ первые потрясать государственное зданіе, первые погибають подъ его развалинами. Постепенно разгораясь, этотъ пожаръ не прекращается до тѣхъ поръ, пока не испепелитъ всю страну.

Такимъ образомъ, уже самое появленіе революціи есть актъ глубокаго нравственнаго паденія народа, требующій искупленія и несущій въ себѣ самое должное возмездіе, въ соотвѣтствіи съ извѣстнымъ закономъ „чѣмъ согрѣшаешь, тѣмъ и мучаешься“.

У массы Русскаго народа было совсѣмъ иное отношеніе къ революціи, чѣмъ во Франціи.

Нашъ народъ не вотировалъ смерти своего Государя, которая совершилась безъ его вѣдома, и можно безъ преувеличенія сказать, противъ его воли. Ненапрасно убійцы нашего Царя-Мученика долго пытались скрыть отъ него эту ужасную вѣсть. Русскій народъ, вообще, полусознательно воспринялъ революцію, которая была не столько дѣломъ его ума и воли, сколько темперамента, какъ объ этомъ хорошо говоритъ Бунинъ въ своей „Жизни Арсеньева“.

„Ахъ, эта вѣчная русская потребность праздника. Какъ чувствительны мы, какъ жаждемъ упоенія жизнью — не просто наслажденія, а именно упоенія, какъ тянетъ насъ къ хмелю, къ запою, какъ скучны намъ будни и планомѣрный трудъ... Развѣ не исконная мечта о молочныхъ рѣкахъ, о волѣ безъ удержу, о праздникахъ — была одной изъ главнѣйшихъ причинъ русской революціи“.

Въ видѣ пьянаго разгула широкой русской натуры рисуетъ революцію и Блокъ въ своемъ извѣстномъ произведеніи „Двѣнадцать“. Однако, этотъ хмель оказался слишкомъ продолжительнымъ и опаснымъ. Онъ довелъ русскаго человека до бѣлой горячки и бѣсовскихъ галлюцинацій. Такое опьяненіе не можетъ пройти безъ глубокихъ потрясеній для народнаго организма. Онъ будетъ чувствовать боль и страданія и послѣ своего отрезвленія.

Состояніе опьяненія, въ которомъ совершается то или другое преступленіе, не можетъ однако служить

оправданіемъ для послѣдняго; въ судебномъ законодательствѣ нѣкоторыхъ странъ оно считается даже отягчающимъ вину обстоятельствомъ. При всѣхъ особенностяхъ психологіи нашей революціи, мы не можемъ однако считать себя свободными отъ той вины, которую такъ хорошо изобразилъ духовный поэтъ:

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Если мы сами навлекли на себя эту страшную болѣзнь, то отъ насъ прежде всего зависитъ исцѣлиться отъ нея и ея послѣдствій.

Народный организмъ долженъ выбросить изъ себя ядъ большевизма, который вреденъ одинаково и въ большихъ и въ малыхъ дозахъ. Надо не только отвергнуть, но возненавидѣть и „омерзить“ неправду послѣдняго. Но развращенный революціей народъ нельзя перевоспитать только одними словами, какъ бы они краснорѣчивы ни были, или новыми политическими или социальными программами, противопоставленными совѣтскому коммунизму съ его диктатурой пролетаріата.

Царство сатаны не можетъ быть разрушено только такимъ оружіемъ. Сей родъ изыщетъ токмо молитвою и постомъ, т. е. религіозными и нравственными подвигами.

Нынѣшнему богоборчеству должна быть противопоставлена пламенная вѣра, нравственной распушенности — глубокое христіанское покаяніе и жизненный аскетизмъ; Русь обязана горькими кровавыми слезами оплакать свое паденіе и усердно молить Бога о томъ, чтобы Онъ снова низвелъ на нее огненную благодать Духа, которая очистила бы ее отъ прежней скверны и обновила бы въ ней чистую мысль и правый духъ.

Революція исказила все и прежде всего самую идею, на основаніи которой должно быть устроено челоуѣческое общество.

Знаменитой трехчленной революционной формулы — „свобода, равенство и братство“, которая по частямъ заимствована изъ Евангелія — недостаетъ четвертаго члена — любовь: только эта послѣдняя добродѣтель могла бы увѣнчать, какъ куполомъ, эту триаду, которой безъ нея недостаетъ внутренняго единства и оплодотворить самыя эти начала, придавъ имъ дѣйственную жизненную силу. Но слово любовь не вмѣщается въ сердце революціонера, питающагося ненавистью. Для вождей французской революціи она была также не терпима, какъ и для Ленина, который хотѣлъ совершенно исключить слово любовь изъ большевицкаго лексикона. Отсюда рождаются всѣ внутреннія противорѣчія революціи. Главное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что стремленіе къ общему уравниенію убиваетъ свободу.

„Свободу надо установить насиліемъ“, торжественно провозгласилъ въ свое время Маратъ, подписавшій тѣмъ и смертный приговоръ самому себѣ, — „и необходимо установить деспотизмъ свободы, чтобы раздавить деспотизмъ тирановъ“.

А одна изъ его единомышленницъ, М-ме Жюльенъ только довела до конца эту своеобразную логику, когда воскликнула: „если хочешь цѣли, надо хотѣть и средствъ! Долой варварскую человѣчность“.

Большевики подписались подъ этими послѣдними словами кровью своихъ безчисленныхъ невинныхъ жертвъ.

Они ввели въ принципъ классовую борьбу и ненависть, которой отнынѣ надо противопоставить всю силу и весь пламень истинной братской христіанской любви, проведя ее во всѣ ткани общественной жизни.

Надо возстановить „варварскую человѣчность“ и снова положить ее въ основу человѣческихъ отношеній. Одновременно надо организовать около Церкви всѣ созидательныя творческія народныя силы, чтобы преодолѣть организованное коммунизмомъ зло, которое долго еще будетъ давать себя чувствовать въ глубинахъ народной толщи: вмѣсто интернационала должна быть снова провозглашена идея вселенскаго братства во Христвѣ.

Въ борьбѣ со зломъ надо иногда пользоваться уроками, заимствованными отъ своихъ противниковъ, ибо сыны вѣка сего мудрѣе сыновъ царствія въ родѣ своемъ.

Одинъ американецъ спросилъ Ленина: „въ чемъ сила большевиковъ?“ Въ чемъ наша сила, саркастически сказалъ Ленинъ, это спрашиваете вы, представитель буржуазнаго класса“, — и злая насмѣшка отразилась на его лицѣ. „Я скажу вамъ. Наша сила въ вашей слабости; въ неумѣннн съорганизоваться и дѣйствовать, въ личномъ и классовомъ эгоизмѣ, въ вашихъ раздорахъ и въ вашемъ малодушии. Вотъ въ чемъ наша сила“. Въ этихъ язвительныхъ словахъ большевицкаго вождя справедливо то, что, къ сожалѣнню, разрушительные элементы общества обыкновенно бываютъ активнѣе и организованныѣе его консервативной части, поддерживающей общественный порядокъ, и потому зло способно производить впечатлѣнн силы, которой у него нѣтъ въ дѣйствительности.

Люциферъ у Байрона лгалъ Каину, когда на вопросъ послѣдняго — „счастливы-ли вы“, отвѣтилъ — „мы можемъ“.

Его могущество призрачное и не можетъ устоять предъ вѣчной и непобѣдимой силой Креста Христова.

Если Русскій народъ снова вооружится этимъ духовнымъ оружіемъ, то онъ навсегда побѣдитъ соблазнъ большевизма, и наша страждущая Родина, послѣ своего огненнаго крещенія, возстанетъ въ новой силѣ и славѣ, чтобы совершить свою высокую историческую миссію — стать избраннымъ удѣломъ Христа и твердынею православія — подлинно Святою Русью.

„Но пока Россія представляетъ только поле, усѣянное сухими костями. Оживутъ ли кости сія и если оживутъ, то когда?“ — спрашиваютъ со скорбнымъ недоумѣннмъ многіе, кто хотѣлъ бы видѣть скорѣйшее воскресеніе Родины. „Господи Боже, Ты вѣси сія“ — можно только отвѣтить на это словами Пророка. Никто не рѣшится предсказывать будущее, но мы обязаны готовить его.

Нашъ неотмѣнный нравственный долгъ трудиться для завтрашняго дня (хотя бы мы сами и не дожили до

него) и не унывать, вѣруя въ конечное торжество добра надъ зломъ и побѣду Христа надъ Антихристомъ.

Исторія человечества полна противорѣчій и загадокъ. Какъ ни трудно предположить это заранѣе, идеологическимъ отцомъ коммунизма, вплоть до самыхъ крайнихъ его проявленій, былъ гуманнѣйшій изъ философовъ, идеалистъ Платонъ. Онъ теоретически даже во многомъ предупредилъ большевиковъ, допуская, напримеръ, возможность истребленія всѣхъ людей старше 14 лѣтняго возраста, чтобы навсегда покончить со старшимъ поколѣніемъ и влить новое вино въ новые мѣхи.

Замѣчательно, что всѣ большія т. е. глубокія революціи повторяются не ранѣе, какъ чрезъ столѣтіе, какъ будто бы такой срокъ нуженъ для накопленія новой революціонной энергіи и для того, чтобы забыть ужасы прежней катастрофы.

Онѣ всѣ напоминаютъ одна другую не только по закону подражательности, свойственному всѣмъ массовымъ явленіямъ, но и по единству духа, дѣйствующему въ нихъ: одинаковыя причины всегда рождаютъ одинаковыя слѣдствія.

Кромѣ этихъ, всѣмъ извѣстныхъ революцій, былъ цѣлый рядъ другихъ малыхъ, т. е. недоразвившихся социальныхъ революцій въ древней Персіи, Спартѣ, Китаѣ, носившихъ въ себѣ однако въ зародышѣ такой же жестокой разрушительный характеръ, какъ и первыя.

Что касается нашей Смуты, бывшей триста лѣтъ тому назадъ, то она напоминаетъ нынѣшнюю революцію только психологіей русскаго бунта, а отнюдь не своей идеологіей.

Всѣ ея дѣятели — даже такіе, какъ Болотниковъ, ближе всѣхъ примыкавшій къ большевикамъ по своей программѣ, стояли на національной почвѣ и никогда не мечтали о какомъ либо интернаціоналѣ. Ихъ міровоззрѣніе легко уживалось съ господствовавшими тогда

религіозными и политическими идеалами, которые, конечно, также были противоположны идеологии современных коммунистовъ, какъ свѣтъ и тьма.

Власть появилась на землѣ только послѣ паденія первыхъ людей.

Въ раю не было слышно крика надсмотрщика. Человѣкъ никогда не забываетъ, что онъ былъ нѣкогда царственно свободенъ, и что власть явилась оброкомъ грѣха. Если онъ и подчиняется послѣдней изъ сознанія, что она есть установленное Богомъ удерживающее начало для зла, разлитаго въ міръ, то все жъ подъ влияніемъ того же грѣха онъ, какъ конь, грызетъ свои удила и, какъ звѣрь, по временамъ — рычитъ на своего укротителя.

То, что у культурныхъ народовъ, съ ихъ общественной дисциплиной, выражается въ „легальной оппозиціи“ правительству, то у дикарей, по наблюденію путешественниковъ, выливается въ бурныхъ оргіяхъ во время перерыва власти при переходѣ ея изъ однихъ рукъ въ другія; толпа тогда неистовствуетъ и осыпаетъ прежнихъ своихъ вождей самыми грубыми оскорбленіями и насмѣшками.

Подобную картину мы наблюдаемъ въ разгарѣ революціи. Она устремляется прежде всего на всѣхъ власть имущихъ и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не напѣется крови самихъ вѣнценосцевъ, имѣющей для революціоннаго сознанія какое то сакраментальное значеніе. Не напрасно послѣ казни Людовика XVI, одна женщина омочила свою грудь въ его крови и вложила ее въ ротъ своему ребенку. Другіе „мочили въ крови короля-мученика носовые платки и концы пикъ“, какъ пишетъ Карлейль въ своей „Исторіи Французской революціи“.

Не равносильно ли это было всенародному заявленію, что кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ?

Впрочемъ, французскій народъ принялъ на себя эту кровь уже тогда, когда черезъ своихъ представителей въ Конвентѣ голосовалъ осужденіе своего короля

на смерть. Пусть этот приговоръ — роковой прежде всего для самой Франціи — вынесенъ большинствомъ только одного голоса. Однако, онъ не вызвалъ нигдѣ открытаго протеста противъ казни Людовика XVI, ни прежде, ни послѣ ея исполненія.

Какъ бы опьяненная этою кровью Французская революція способна была испепелить всю страну, если бы она не нашла Наполеона.

Что неотразимо влекло къ нему людей, не только при его жизни, но и теперь, когда его имя стало только историческимъ воспоминаніемъ? Титанической размахъ его плановъ и борьба съ судьбою, нерѣдко преграждашею ему путь при ихъ осуществленіи. Его бурная жизнь была одна великая трагедія, а люди всегда тяготеютъ къ трагическому, въ которомъ сказываются одновременно и слабость и сила человѣка. „Песчинка остановила мою судьбу“ — сказалъ онъ о своей неудачѣ около Акры (или Птолемаиды), положившей конецъ его знаменитому египетскому походу. „Я дошелъ бы до Константинополя и Индіи... Я измѣнилъ бы лицо міра“. Эта „песчинка“ на самомъ дѣлѣ была всемогущей Десницей Божіей, въ рукахъ которой былъ орудіемъ онъ самъ и его геній. Въ однихъ случаяхъ она спасала его отъ опасности и тогда, когда онъ приходилъ въ отчаяніе и близокъ былъ къ самоубійству, а въ другихъ — ставила предѣлъ его успѣхамъ тамъ, гдѣ, казалось, все благоприятствовало послѣднимъ.

Рожденный и воспитанный въ огнѣ и бурѣ революціи — онъ имѣлъ право сказать о себѣ: „Революція — это я“. Въ немъ, къ счастью для Франціи, воплотился, наконецъ, мятущийся духъ послѣдней, который гналъ его изъ одного края міра въ другой, заставляя развивать сверхчеловѣческую энергію и нигдѣ не давая ему покоя. Его сердце не знало ни религіозной теплоты, ни любви, ни радости, ни жалости, ни раскаянія, о чемъ говорилъ всегда углубленный въ себя его мрачный взоръ. Только маленькій островъ Св. Елены, сдавленный отовсюду моремъ, могъ укротить его бушующую природу. Запертый тамъ, какъ левъ въ клѣткѣ, „мучимъ казнію покоя“ онъ могъ сознательно обозрѣвать свой исключительный историческій путь и хоть отчасти сми-

рить свою гордыню. Пребываніе его тамъ было, если не разрѣшеніемъ его трагедіи, то залогомъ успокоенія міра, приведеннаго имъ въ состояніе волнующагося океана. Вмѣстѣ съ нимъ, или лучше сказать, въ его лицѣ, на островѣ Св. Елены заключена была и умирающая революціонная стихія, чтобы до конца изжить саму себя и погаснуть вмѣстѣ съ нимъ.

Нѣтъ ничего новаго подъ луной. То, что мы называемъ нынѣшнимъ кризисомъ и что справедливѣе было бы назвать великой міровой катастрофой и, быть можетъ, предвѣстіемъ конца самого міра, прозирали издали одинаково какъ наши славянофилы, такъ и ихъ противники, крайніе западники, и революціонеры. Тѣ и другіе, каждый со своей точки зрѣнія, предсказывали нынѣшній закатъ Европы, съ ея вѣковой культурой. „Кайтесь, кайтесь, — взывалъ пророческимъ тономъ Герценъ, обращаясь къ Западу — судъ міру вашему пришелъ. Европа идетъ ко дну, какъ тонущій корабль“. Нѣчто подобное говорятъ и Тютчевъ и Достоевскій и Леонтьевъ, предвидя крушеніе современной западной культуры.

Нынѣ эти далекія прозрѣнія обратились почти въ фактъ дѣйствительной жизни.

Всѣ, кто имѣетъ чуткій духовный слухъ, уже ощущаютъ глухіе подземные удары, предупреждающіе о грядущемъ землетрясеніи.

И Шпенглеръ, и Розановъ, и цѣлый рядъ другихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, каждый на своемъ литературномъ или философскомъ языкѣ, пишутъ „Апокалипсисъ нашего времени“.

Розановъ, по своему обычаю, глубоко и рѣшительно поставилъ діагнозъ нынѣшней міровой духовной болѣзни: „въ европейскомъ человѣчествѣ образовались пустоты отъ былаго христіанства, и въ эти пустоты проваливается міръ“. Однако, послѣдній пытается задержаться надъ этой зіяющей бездной, проявляя, какъ выражается Шпенглеръ, „волю къ власти“. Выраженіемъ послѣдней служитъ идея сверхчеловѣка, подготовленная,

по его словамъ, теорією естественнаго подбора Дарвина и философіей Шопенгауера. Ницше далъ ей только окончательную философскую формулировку, а Бернаръ Шоу пытается придать ей болѣе практической и современный характеръ. Юродство, въ которое впадаетъ послѣдній, и особенно безуміе самого Ницше являются естественнымъ логическимъ и нравственнымъ концомъ попытокъ человѣка къ самообоженію. Онѣ осуждены навсегда.

Извѣрившись во все, люди пришли къ скептицизму. „Сомнѣніе истерзало землю, — жалуется одинъ современный писатель, — мы знаемъ либо слишкомъ много, либо слишкомъ мало“. Страшный вопросъ — „что есть истина?“ — снова во всей трагической силѣ стоитъ предъ сознаниемъ человѣчества. Измученное своими исканіями, оно снова ищетъ спасенія въ возрожденіи религіознаго чувства, которое можетъ быть временно подавлено, но никогда не исчезаетъ совершенно изъ сердца человѣка.

Но, развѣнчивая своихъ кумировъ, современное общество не можетъ отъ нихъ отказаться до конца. Оно не способно принести полной жертвы самоотреченія, которой требуетъ истинная религія и потому предпочитаетъ довольствоваться ея суррогатами, въ видѣ оккультныхъ ученій, теософіи и масонства. Послѣднія распространяютъ вокругъ себя сумерки болѣзненнаго мистицизма или религіознаго эклектизма, столь характерныхъ для каждой эпохи упадка, или являются просто рядомъ холодныхъ философскихъ или моральныхъ положеній, питающихъ болѣе умъ, чѣмъ сердце. Здѣсь отмираетъ религія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ живой и дѣйственный союзъ Бога съ человѣкомъ, обнимающій все существо послѣдняго.

Также неудачна оказалась попытка создать апоѳеозъ человѣческаго коллектива, приведшая къ глубокому потрясенію общественнаго и государственнаго порядка. Желая спастись отъ надвигающагося хаоса, современные культурные народы, по инстинкту самосохраненія, снова ищутъ сильныхъ людей и бросаются въ ихъ объятія, готовые пожертвовать своей свободой для предотвращенія анархіи. Близится, кажется, время, когда люди, утратившіе „храбраго вождя и воина, судью и

пророка, готовы будутъ ухватиться за брата своего въ семействѣ отца своего и сказать ему: у тебя есть одежда, будь нашимъ вождемъ и эти развалины да будутъ подъ твоею рукою“ (Ис. III, 2, 6).

Расшатанный государственный организмъ ищетъ для себя опоры въ возрожденіи своего стараго языческаго абсолютизма, угнетающаго и поглощающаго человѣческую личность. Съ тѣхъ поръ, какъ высокое нравственное ученіе Христа, поднявшее значеніе каждаго отдѣльнаго человѣка, душа котораго безцѣнна въ очахъ Божіихъ, и установившее гармонію между личнымъ и общественнымъ началомъ, утратило свое вѣковое умягчающее и облагораживающее вліяніе на государственный организмъ, отъ него остался только одинъ обнаженный суровый и холодный желѣзный остовъ, стремящійся поработить себѣ самую человѣческую мысль и создать, какъ говоритъ Бердяевъ, „диктатуру міровоззрѣнія“.

Такимъ образомъ, одновременно съ упадкомъ религіознаго чувства, общество потеряло свою животворящую, организующую его, душу.

Отрывъ отъ возвышающихъ религіозныхъ идеаловъ, которыми всегда питалось истинное творчество, обезплодилъ научное знаніе, въ основаніи котораго „хотя бы и самаго точнаго, по словамъ Шпенглера, лежитъ религіозная вѣра“, и принизилъ и опустошилъ искусство, низведя его съ звѣздныхъ высотъ на землю.

Послѣднее утратило нынѣ самый идеаль подлинной красоты и источникъ вдохновенія и творческой энергіи.

„Новый художникъ, — говоритъ тотъ-же Шпенглеръ, — ремесленникъ, а не творецъ“.

Упадочность современнаго искусства въ связи съ оскудѣніемъ религіознаго одушевленія въ очень яркой и наглядной формѣ рисуется и проф. Е. В. Спекторскій въ своемъ серьезномъ и во многомъ поучительномъ изслѣдованіи: „Христіанство и Культура“.

„Религія, говоритъ онъ, эта, какъ ее опредѣляетъ Джемсъ, пѣснь вселенной, перестала звучать въ искусствѣ. И этимъ былъ законченъ величавый періодъ въ исторіи искусства, періодъ возвышеннаго искусства, безъ насмѣшки именованнаго святымъ...“

Современный вкус культивируется въ такой неблагоприятной обстановкѣ, которая какъ бы принципиально исключаетъ эстетику, ибо въ ней промышленность, какъ таковая, не нуждается, поскольку впрочемъ она сама не промышленяетъ ею.

Вмѣсто храмовъ предметомъ наиболѣе поощряемаго архитектурнаго творчества стали гостиницы, выставочные павильоны или башни съ лифтами и ресторанами. Когда-то слово „фабрика“ означало храмъ. И вотъ фабрика въ смыслѣ церкви вытѣснена фабрикою въ смыслѣ завода...

Въ обстановкѣ той механизации нашей дехристианизированной культуры, которую такъ прославлялъ Ретенау, произошла ужасающая вульгаризація вкуса. Искусство, эстетика почти вытѣснены модою и развлечениями. Кто не поетъ теперь акаѳиста модѣ. Мода это принципиальное отрицаніе вѣчности и даже длительности. Мода это уже не вчера и еще не завтра. Мода это капризъ однихъ и рабство другихъ“ („Христ. и Культ.“ стр. 152-153).

Искусственное опрощеніе и возвратъ къ природѣ Шпенглеръ, какъ въ свое время Леонтьевъ, считаетъ не болѣе, какъ прикрытіемъ „нисхожденія съ орлиной перспективы къ лягушечьей въ большихъ жизненныхъ вопросахъ“. Такъ „старикъ день за днемъ возвращается въ лоно природы“. Большевизмъ, впитавшій въ себя всѣ элементы духовнаго разложенія человѣчества, большевизмъ, у котораго простота доходитъ до первобытной дикости, — знаменуетъ собою эту дряхлость современнаго общества. Съ свойственнымъ ему откровеннымъ цинизмомъ онъ дерзаетъ на то, чего другіе еще не смѣли выговорить. Не потому ли къ нему протягиваются столько старушечьихъ рукъ? Здѣсь сказывается дѣйствіе стараго психологическаго закона: *similis similibi gaudet* — „подобный подобному радуется“.

„Идѣже есть трупъ, ту соберутся орли“ (Мѡ. 24, 28).

„Одичалой Европѣ“, по остроумному выраженію Мережковскаго, „глядя на большевиковъ, захотѣлось въ лѣсъ“. Она не хочетъ задуматься надъ тѣмъ, что большевизмъ для нея — „самоубійство“. („Царство Антихриста“ стр. 195).

Только изрѣдка раздаются тамъ отрезвляющіе голоса, которымъ однако мало внимлетъ общественное мнѣніе.

„Что мы дѣлаемъ? — мужественно сказалъ въ недавнее время одинъ извѣстный проповѣдникъ въ Лондонѣ. — Отбросивъ всѣ соображенія осторожности, достоинства и чести... мы дружимъ съ врагами Христа, идемъ подъ руку съ Иудой Искаріотомъ и любезно шутимъ съ Понтіемъ Пилатомъ. И почему? Изъ за денегъ, изъ за 30 серебрянниковъ“.

У всего культурнаго человѣчества есть несомнѣнно смутное предощущеніе грядущей катастрофы но, какъ во время потопа, всѣ продолжаютъ ѣсть, пить и веселиться, пока не придетъ бѣдствіе. Развитие техники помогаетъ современнымъ людямъ ускорить темпъ жизни, чтобы заглушить внутреннюю тоску, которая гложетъ ихъ сердце. Аэропланъ, съ котораго міръ кажется движущейся картиною, фильмъ, состоящій изъ смѣны мимолетныхъ впечатлѣній, и газета, являющаяся тѣмъ же фильмомъ, ежедневно смѣняющимся передъ нашими глазами — вотъ три лучшихъ символа современной жизни. Она вся ушла въ динамику, т. е. въ движеніе. Человѣчество, томимое тяжелыми предчувствіями, не хочетъ остановиться и задуматься надъ своею судьбою. Оно стремится какъ бы убѣжать отъ самого себя. или, лучше сказать, отъ той бездны, небытія, которая уже начинаетъ притягивать его къ себѣ. Отрекшись отъ Христа современная культура сама обрела себя на разрушеніе.

Уже давно подмѣчено, что народы, забывающіе о Богѣ, становятся недостойными жить на землѣ и, кажется, мы снова слышимъ голосъ Небеснаго правосудія: „Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ... дондеже речете: благословенъ грядый во имя Господне“ (Мѡ. 23, 39).

Если бы современный міръ могъ очнуться, онъ долженъ былъ воскликнуть: „Камо идемъ, Господи, Ты имаши глаголы жизни вѣчныя“ (Іоан. VI, 68).

Только христіанство, спасшее міръ отъ гибели въ эпоху паденія античной культуры, можетъ еще разъ влить новую жизнь въ одряхлѣвшее духовно человѣчество. Только оно въ силахъ разрѣшить безболѣзненно

всѣ политическія и особенно соціальныя противорѣчія, въ сѣтяхъ которыхъ запуталось современное общество. Нельзя создать „механику добра“, какъ сказала проф. Карташевъ, которую напрасно ищетъ современная соціальная мудрость. Надо вспомнить, что исторія видѣла только разъ совершенный общественный порядокъ на землѣ: онъ расцвѣлъ на почвѣ, оплодотворенной благодатію Христовой. У людей не стало пристрастія къ земнымъ стяжаніямъ и различія между своимъ и чужимъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ огонь евангельской любви спаялъ ихъ въ одинъ организмъ, у котораго было „одно сердце и одна душа“, и когда они устремились всѣмъ существомъ своимъ къ небесному граду.

Въ этомъ смыслѣ Церковь была и остается донинѣ нашимъ „соціализмомъ“, какъ выразился Достоевскій. Въ ней одной всѣ народы и все человѣчество сливаются въ одно „вселенское“ братство, въ одинъ организмъ. У нея есть одно животворящее общественное начало, одна всеобъемлющая соціальная добродѣтель — любовь; послѣдняя способна, дать больше, чѣмъ требуетъ холодная справедливость — положить душу свою за други своя.

Чтобы создать царство общей гармоніи на землѣ, Церкви не нужно снисходить съ своей высоты и входить въ глубину земныхъ человѣческихъ отношеній, чтобы дѣлить имѣнія между людьми, къ чему ее нерѣдко зовутъ нынѣ, а напротивъ, современная общественная жизнь, т. е. самая ея душа, должна подняться надъ землею и снова органически войти въ религіозную стихію. Не взирая на всѣ міровыя потрясенія, непоколебимымъ остается тотъ краеугольный камень, на которомъ Христосъ Спаситель благоволилъ утвердить всю жизнь своихъ послѣдователей: „Ищите прежде всего Царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѣ. 11, 33).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авраамъ	стран.	147	Вольтеръ	23, 126, 138-140
Августинъ Блажен.	103, 137, 150		Воспоминаніе	71
Аммонъ,	86		Время	78, 102
Англія,	43		Вѣра	35, 36, 63
Англіійская революція,	125		Гамлетъ	13, 56
Антиноміи разсудка,	97		Гегель	
Антоній Великій,	145, 147		Гейне	14
Аристотель,	60, 101		Геній	13, 23, 31, 32, 78, 80
Арсеній Великій,	26		Гераклитъ	117
Архитектура,	70		Герои	22, 121
Афоризмъ,	92		Герцень	129, 161
Байронъ	157		Гете	32, 91, 105, 119, 127
Бакунинъ,	132, 133, 138		Гоголь	55, 87, 98, 110
Бальзакъ,	103		Гомеръ,	105
Бердяевъ проф.,	134, 163		Гордость,	65, 118
Бисмаркъ,	173		Св. Григорій Богословъ,	25 101
Біологія,	121			104, 109, 116
Блестящіе люди,	16		Св. Григорій Нисскій,	101
Блокъ,	50, 154		Грѣхъ,	50
Богатство,	107		Гумилевъ,	117
Болотниковъ,	158		Гюго В.	77, 81, 93
Болѣзнь,	78			
Бунинъ,	154		Св. Давидъ, царь и прор.	147, 150
Быть,	96		Декабристы,	138
Бѣлинскій,	28, 78		Діогенъ,	57
Бэконъ,	113		Достоевскій,	9, 10, 111, 140, 142
Буѳфонъ,	23			143, 165
			Древо познанія добра и зла,	52
Вагнеръ,	106			141
Св. Василій Великій,	25		Дружба,	25, 72, 73
Великодушіе,	80		Духовный діапазонъ	19
Великій челоуѣкъ,	16		Духъ,	19
Вильсонъ,	43		Душа,	24, 95
Св. Владиміръ Равноапост.	107		Дѣтство,	42, 88
Власть	40, 159			
Волхвы	85, 86		Екатерина II,	133

Екклезіастъ,	90, 119,	147	Марія Медичи,	67
Елисей пророкъ,		106	Марія, Королева Румынская	119
			Маркъсъ,	132, 137
Іоаннъ Лѣствичникъ,		38	Маркъ Аврелій,	102
Іоарамъ,		106	Memento mori,	79
Іоасафатъ		106	Мемуарная литература,	110
Іовъ,		147	Мережковскій,	164
Іона пророкъ,		147	Метальниковъ,	120
Іосифъ Флавій		151	Мефистофѣль,	21, 74
Іуда предатель,		151	Миль Д. С.	51
			Мильтонъ,	71, 124
Кантъ,	49, 70,	127	Мифъ,	81
Карлейль, Іо, 33, 91, 106, 121,		159	Молитва,	93, 106
Карташевъ проф.,		166	Молодость,	83
Архіеп. Кентерберійскій		145	Монастырь,	114, 115
Св. Кипріанъ,		145	Монашество,	111-115
Кіевъ,		61	Мопассанъ,	52
Коранъ,	103, 104		Море,	80
Краснорѣчіе,	19, 48,	56	Москва,	61
Красота,	30, 68, 74,	117	Моцартъ,	81
Крестъ,		95, 96	Мудрецъ,	13, 14
Кризисъ современ.,	64, 161-166		Мудрость,	54, 89
Кровоточивая женщина		15	„Мудрость пустыни“	113
Культура, 76, 89, 101, 161, 164, 165			Музыка,	33, 105, 106
			Муссолини,	33
Лафатеръ,		101	Мысль,	12, 24, 99, 118
Левъ XIII, папа		73, 120		
Легенда,		81	Надежда,	48
Ленинъ,		137, 157	Наполеонъ,	109, 160, 161
Леонтьевъ,		115, 164	Нація	33
Лермонтовъ,		71, 81, 98	Невѣжды,	25
Лестъ,		60	Нечаевъ,	129, 138
Листъ,		23, 81	Ниль Синайскій Преп.	93
Лѣнвивые,		23	Нищета,	82
Любовь,	28, 33, 156,	166	Нищета,	60, 93, 142, 162
Людовикъ XIII,		67	Ночь,	48, 49
Людовикъ XVI,		159, 160		
Лютеръ,		51, 92	Ожесточенное сердце,	62
			Ораторское искусство,	10, 11
Магометъ,		103, 137	Ораторъ,	29, 31, 70
Марать,		156	Оригенъ,	94

Осія пророкъ,	149	Рожество Христово	14
Осужденіе,	40	Розановъ	92, 161
Ап. Павелъ	94, 118	Русская революція	128-145, 154-157
Паскаль,	36, 38, 99	Русская церковь послѣ револю-	
Ап. Петръ	84, 149	ціи	143-146
Пироговъ	15	Русскій языкъ	11
Писатель	57, 77, 121, 122	Руссо	76, 133, 138
Пій XI	120	Рѣчь	12, 29, 47
Платонъ	31, 97, 101, 107, 158	Сауль	106
Поддѣлки	116	Сирахъ	17, 59, 73
Покровительственная окраска	82, 83	Скорбь	96
Популярность	15	Скука	103
„Портретъ“ Гоголя	55, 141	Слово	7-11, 17, 20-22, 26, 27, 30, 68, 88
Постановленія Апостольскія	84	Случай	94
„Потерянный рай“	98, 99, 124	Смерть	11, 58, 59, 60
Поэзія	33, 34, 70, 122	Смиреніе	27, 104, 105
Правда	54	Смѣшное положеніе	18
Праздность	56	Содомъ и Гоморра	147
Предразсудки	72	Сократъ	90, 97, 101
Предчувствіе	74	Соломонъ	89, 152
Привычка	28, 56	Сомнѣніе	47
Притча	52	Соннобдѣніе	50
Прометей	93	Сорокинъ проф.	135, 136
Прописныя истины	52	Спекторскій проф.	163
Простота	30, 31	Спенсеръ	108, 139
Психологія массъ	66	Сребролюбіе	73
Пушкинъ	23, 28, 108, 111, 112, 122, 136	Старость	43, 88, 100
Пѣніе	105	Страсть	25
Рабъ	38	Семейное счастье	15
Равенство	55, 60, 156	Счастье	62
Радость	65, 80	Талантъ	8, 9, 52, 53, 79, 81, 85
Рай	98, 99	Талейранъ	51
Революція	123-125, 133-137, 153	Тактъ	92
Религіозное отрицаніе	34	Творчскій разумъ	121
Религія	101, 137, 162, 166	Творчество	14, 24, 95
Реформація	125	Темпераментъ	74
Ришелье	67	Толстой А. графъ	81, 113

Толстой Л. Н. графъ	26, 37, 52	Шеллингъ	70
	53, 76, 105, 109, 128, 138-140	Шекспиръ	50, 93
Толстой Л. Л. графъ	139, 140	Шиллеръ	18, 32, 78
Трагедія невѣрующихъ	62	Шопенгауэръ	75, 162
Тургеневъ	47, 76	Шоу Б.	162
Тщеславіе	36, 37	Шпенглеръ	91, 161, 163, 164
Тютчевъ	161		
		Человѣкъ	15, 16, 28, 69, 87, 90, 99
Умъ	18, 24, 28, 32, 39, 53, 65	Честолюбіе	65
		Чеховъ	49, 98
Фаустъ	21, 91	Чувственныя наслажденія	86
Фидій	31		
Филаретъ Митр.	26, 45, 50	Цивилизація	101
Фихте	121, 122	Цѣломудріе	72
Французская революція	126, 127		
	159, 160	Языкъ	20, 41, 100
Фридрихъ Великій	16, 23		
		Юность	68, 90, 99
Христіанство	41		
Христіанство и культура	89, 163	Эдиссонъ	23
	164, 165	Эмпедокль	131
		Этика слова	30
Шайковичъ	118		
Шамфоръ	127	Св. Ѳекла	118
Шарко	42	Ѳома Аквинатъ	110

ГЛАВНѢИШІЯ ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
29	4 сверху	отражающимъ себѣ	отражающимъ въ себѣ
52	13 сверху	ragimio	ragimia
52	1 снизу	что онъ	если онъ
53	1 сверху	насилуетъ себя	не насилуетъ себя
53	7 сверху	обладателю	обнажить
67	15 снизу	воздвигаются	раздвигаются
84	4 снизу	Ап. Павла	Ап. Петра
86	15 сверху	человѣцахъ	человѣцѣхъ
103	7 сверху	ратуетъ	ропщеть
107	12 снизу	свое дѣло	свое тѣло
110	1 сверху	страведливо	справедливо
114	8 сверху	сколько	столько
123	18 сверху	оружіемъ	орудіемъ
125	5 снизу	исходный	исконный
131	15 сверху	Эмпедокъ	Эмпедокль
143	2 снизу	авторитетъ	авторитетѣ
145	3 сверху	провозношеніемъ	провозглашеніемъ
155	13 снизу	религіозными и нрав- ственными подвигами	религіознымъ и нрав- ственнымъ подвигомъ

